

много — помня, что мне будет 53—54—55. Идеи внушают радость! И рядом есть люди.

Пятница, 11 января

Такое начало для нас всех неожиданность. Очень ветрено; сегодня; два дня назад прогулка в густом тумане до Пиддингхоу. Сейчас побеждают мужчины. Вчера — Несса, Анджелика и Ева. Мы много говорим о пьесе. Забавно. Придется где-то взять ослиную голову — как говорится, ослиная работа. Я выяснила, что сократила «Караван» (новое неожиданное заглавие) до 150 000 слов; закончу печатать в мае. Посмотрим. Полагаю, он ужат достаточно. Иногда мне кажется, что мой мозг расколется от всех идей, которые я вроде бы должна заложить в книгу. Открытием в ней, если у меня получилось, является соединение внешнего и внутреннего, чем я свободно пользуюсь. В прошлом мои глаза видели слишком много внешнего.

Суббота, 19 января

Пьеса была разыграна вчера вечером, и в результате сегодня утром у меня словно высушенные мозги и я могу использовать эту тетрадь только как подушку. Говорили, естественно, что был большой успех; и мне очень понравилась — что? — похвала Банни; Оливера*, не столько Кристабели, и не понравилось стоять рядом с аплодирующими Дэвидом, Кори, Элизабет Боуэн; но в целом приятно разок устроить неподдельное веселье. Призрак Роджера постучал в дверь — его портрет работы Чарли Сенгера принесли посреди репетиции. Фрэнсису это понравилось бы, сказал Леонард. Вот они, наши призраки. Они аплодировали нам. Пора спать: ибо теперь, благослови, Господи, мою душу, как говорил Теннисон, я должна прополоскать и освежить мозги, чтобы они заработали всерьез. Есть мой Данте; и Ренан. И начинается ужасный зимний период; бледные неприличные дни, как стареющая женщина в одиннадцать часов утра. Однако сегодня Л. и я пойдем гулять; и для меня это как чудесный баланс в Банке! совершенное счастье.

У меня есть идея для «пьесы». Летняя ночь. Кто-то сидит на скамейке. Голоса говорят из цветов.

* Дэвид Гарнетт, Оливер Стрэчи.

Среда, 23 января

Правильно, я должна была объяснить, почему пишу о Сикерте. Вечно такие мысли приходят ко мне с опозданием. Читаю «Королеву фей»* — с удовольствием. Я напишу о ней. Пригласила Анджелику пройтись по магазинам. «Ты не возражаешь, если я почитаю “Наследника Редклиффа”?»** — спросила она за чаем, позабавив меня. Какое странное чувство испытываешь, покупая одежду! Покупаешь пальто ей, мне, слышишь беседы других женщин, как о призовых лошадках, о новых юбках. У меня дрожь во всем теле, потому что завтра ланч с Клайвом; и я буду в новом пальто. Я даже думать не могу о том, что имею в виду под словом «концепция»: идея, возникшая за чтением «Королевы фей». Как выразить естественный переход от состояния к состоянию? И ощущение естественной красоты? Лучше читать первоисточники. Что ж, ланч с Клайвом вытащит меня из этого. Теперь, когда с пьесой покончено, пора повидаться с людьми: посмотреть «Гамлета» и спланировать весеннее путешествие. Две недели отдыха от литературы. У меня мозги завязаны узлом. Как бы заставить Терезу спеть и таким образом сделать сцену лирической? Держись подальше от Т. (названной так предварительно после моих Сары и Эльвиры). О господи, влажные брюки — это выглаженные брюки, которые Джек однажды дал нам: не брюки, а сплошная сырость; на самом деле, сплошная сырость. Читаю «Контрапункт»***. Неважный роман. Сырой, неотделанный, протестующий. Наследник, как ни странно, миссис Х.Уорд; интерес к идеям; превращает людей в идеи. Мой американский корреспондент возвращает мои письма и говорит, что счастлив видеть меня такой, какая я есть.

Пятница, 1 февраля

И опять сегодня утром, в пятницу, я чувствую себя слишком усталой, чтобы браться за «Паргитеров». Почему? Полагаю, слишком много болтала. Но ведь мне хотелось «общества»; и я повидалась с Хелен, Мэри, Гиллеттом, Энн. Думаю, «Паргите-

* Поэма Эдмунда Спенсера (Прим. переводчика).

** Роман Шарлоты Йонг, который В.Вулф читала во время свадебного путешествия (Прим. переводчика).

*** Роман Олдоса Хаксли (Прим. переводчика).

ры» все же многообещающая книга. Только требует много сил и нервов. Вот и день прошел.

Среда, 20 февраля

Сара — вот настоящая трудность: не могу втащить ее в основной поток, а она очень важна. Проблема из проблем; переходный момент. И груз того, что я не назвала бы пропагандой. У меня ужас после романа Олдоса: надо от него избавиться. Но с идеями не так просто: они не соединяются со всем остальным и мешают творческому подсознательному процессу; полагаю, так оно и есть. Не знаю, сколько раз переписывала сцену в дешевом ресторане.

Вторник, 26 февраля

Великолепный день, небо чистое, мои окна совершенно, на удивление, голубые. Мистер Райли только что починил их. А я все писала и писала и переписывала сцену у Круглого пруда. Теперь хочу ее сократить, чтобы все фразы, составляя естественный диалог, звучали с осмысленным напором. Но мне нужны также абсолютная гармония и контраст — лодки сталкиваются и так далее. Отсюда непомерные трудности. Но, надеюсь, завтра с ними будет покончено, а обед с Китти за городом должны пойти быстрее. По крайней мере, воздушные сцены мне даются легче; и, наверное, правильно, если они будут проще. Но боже, сколько еще работы! До августа я не закончу. А тут еще у меня появилось желание написать антифашистский памфлет.

Среда, 27 февраля

Только что переписала все заново. И говорю себе, что на этот раз получилось удачно. Однако мне известно, что надо бы подкрутить пару гаек и несколько страниц переделать. Слишком тряско: слишком...* Очевидно, что один персонаж видит одно, другой — другое; а мне надо свести то и то вместе. Кто это говорил, что через подсознание мысль переходит в сознание, а потом снова возвращается в подсознание?

У меня большое желание прекратить чтение «Королевы фей», чтобы взяться за письма Цицерона и мемуары Шатобриана. На-

* Предложение не закончено.

сколько я понимаю, это нормальное качание маятника. Заняться подробностями после обобщенной романтической поэзии.

Понедельник, 11 марта

Как бы мне хотелось, думала я, пока ехала в машине, написать хотя бы одну фразу! Приятно чувствовать, как она прогибается и обретает форму под пальцами! После 16 октября я не написала ни одной новой фразы, лишь переписывала и перепечатывала. Напечатанная фраза немножко другая; во всяком случае, она делается из того, что уже есть: она не выпрыгивает, свеженькая, из головы. Однако перепечатка продолжается и будет продолжаться, полагаю, до августа. Пока я еще только на первой военной сцене: при удачном стечении обстоятельств я перейду к Э. на Оксфорд-стрит, прежде чем мы уедем в мае, а июнь и июль посвящу грандиозному оркестровому финалу. Потом, в августе, снова начну писать.

Суббота, 16 марта

За короткий срок три жестоких удара: Уиндхэм Льюис; Мирский; и вот теперь Суиннертон. Блумсбери осмеян; я уничтожена вместе с ним. Я не читала У. Л.; и Суиннертон для меня, что малиновка перед носорогом — но только не поздно ночью. Я совсем не унываю, но стала фаталисткой; мне все равно и не все равно; у меня получился хороший роман; я устала сегодня утром; мне нравится, когда меня хвалят; у меня множество идей; Том (Элиот) и Стивен (Спендер) пришли к чаю, а Рэй (Стрэчи) и Уильям (Пломер) — к обеду; и я забыла рассказать об интересном разговоре с Нессой по поводу моих замечаний насчет ее детей; и я пропустила (не помню что). Сегодня я ничего не соображаю и едва могу читать Осберта о Брайтоне, не говоря уж о Данте.

В «Таймз энд Тайд» за последнюю неделю преподобный Джон Эрвин назвал Литтона «рабски мыслящим человеком... Пандаром*», или примерно так. Я подумала, что если я напишу о Роджере, то почему бы мне не включить туда несколько слов, саркастических слов о тех, кто не дает покоя Блумсбери? Да, все-таки да. Надо им ответить — другого способа нет.

* Пандар — знаменитый стрелок из лука. Ранил во время Троянской войны Менелая, тем самым нарушив перемирие (греч. миф) (Прим. переводчика).

Понедельник, 18 марта

Единственное, что имеет смысл делать с этой книгой, — терпеть ее: защищать идею и ни на дюйм не снижать уровень, кто бы и что бы ни говорил. Странно, как все это уходит от меня, а потом возвращается с новой силой; насмешки Суиннертона и Мирского — из-за них я чувствую себя ненавидимой, униженной, осмеянной — что ж, ответ может быть лишь один: я стою за свои идеи. Как бы я хотела, чтобы мне никогда не приходилось читать о себе или думать о себе, по крайней мере, пока не сделано дело; глядеть лишь на свой объект и думать лишь о том, как выразить его. Ах, как трудно воплощать свои идеи и постоянно выставять напоказ свой мозг, открытый и напряженный в пылу творчества, беззащитный перед пагубными влияниями извне. Если бы я не чувствовала так глубоко, мне было бы легче идти дальше.

Только что написала письмо о Блумсбери и не могу контролировать свой мозг настолько, чтобы продолжать «Паргитеров». Проснулась ночью и думала об этом. Не знаю, посылать письмо или не стоит. Нет, надо думать о чем-нибудь еще. Вчера — Джулиан и Хелен.

Л. посоветовал мне не посылать письмо, и через пару мгновений я поняла, что он прав. Лучше будет, сказал он, если мы сможем сказать, что не ответили. Однако мы предоставляем им комического гида по Блумсбери, Моргана, и он заколебался.

Четверг, 21 марта

Вновь слишком измучена, чтобы браться за густонаселенную главу. В самом деле, я на грани обычной головной боли — хотя бы потому, что вчера была ужасная суматоха.

Я решила оставить проклятую главу здесь и в Родмелле ничего не делать. Как я понимаю, читать я тоже не могу; мой мозг похож на тугую клубок струн. Самый неприятный вариант головной боли; надеюсь, она скоро пройдет. Нужна какая-нибудь перемена. Это не настоящая тяжелая головная боль. Зачем писать об этом? Потому что я не могу читать и пишу, словно напеваю песенку. Бессмысленная песенка! Уже весна.

Понедельник, 25 марта

Сегодня утром хоть и в ярости, но все же вновь переписала проклятую главу, в приступе отчаяния, и думаю, сделала пра-

вильно, разбив мысль перескакиваниями с одного на другое и многочисленными вводными словами. Убираю от 20 до 30 страниц.

Среда, 27 марта

Кажется, мои записи становятся регулярными. Все дело в том, что я не могу переходить от «Паргитеров» к Данте, не имея некоего мостика. А дневник охлаждает мой мозг. Я несколько расстроена сценой налета: но боюсь ее ужимать, боюсь испортить. Ничего. Вперед, а там видно будет.

Вчера мы отправились в Тауэр, впечатляющую, убийственную, кровавую, серую, заселенную воронами военно-казарменную тюрьму-темницу: тюрьму английского величия; исправительное заведение на задах истории; где мы стреляли, пытали и держали в неволе. Узники царапали свои имена, очень красиво, на стенах. И сверкали драгоценные камни короны, безвкусно; и там были представители разных слоев общества, например спинкс* и ювелиры с Риджент-стрит. Мы видели учения шотландской гвардии; и офицер тигриной походкой прохаживался то в одну, то в другую сторону — с восковым лицом, с головой, как колодка для париков, вымуштрованный изображать бесстрашие. Зато главный сержант орал и ругался. Сплошной хриплый ор; мужчины маршировали и останавливались, как — машины; потом офицер тоже что-то прорывал: рисуясь, отрывисто, не по-человечески. Унижающее и оглуляющее зрелище. Тем более в сочетании с серыми стенами и выложенной булыжником площадью, местом казни. Люди сидят на берегу реки между старыми пушками. Лестницы, и так далее, очень романтические: ощущение темницы.

Понедельник, 1 апреля

С такой скоростью я никогда не закончу Purgatorio. Но какой смысл не в полную силу читать Элеонору и Китти? Эта сцена требует сокращения. Она слишком жидкая. И мне нужно закончить ее до отъезда. Мы решили уехать на три недели в Голландию и Францию; потом самолетом добраться до Рима и провес-

* В переводе с английского: пичужки, мелкие птички (Прим. переводчика).

** «Чистилище» (итал.) (Данте).

ти там неделю. Вчера были в Кью, и если необходимы огородные справки, то отмечаю, что вчера всюду цвели вишни, груши и магнолии. Великолепный белый цветок с черной чашечкой; еще один с розовыми пятнышками упал чуть ли не на наших глазах. Еще и еще. Желтые кусты и бледно-желтые нарциссы в траве. Так бы и идти по Ричмонд — долгой дорогой мимо прудов. Я выверяю детали.

Вторник, 9 апреля

Вчера встретила Моргана в Лондонской библиотеке и испытала взрыв чувств.

— Вирджиния, дорогая, — сказал он.

Мне понравилась эта милая фамильярность.

— Ведете себя как паинька и берете книги о Блумсбери? — спросила я.

— Да. Послушайте. Моя книга есть? — спросил он мистера Мэннеринга.

— Мы только что зарегистрировали ее, — сказал мистер М.

— Знаете, Вирджиния, я тут в комитете, — сказал Морган. — Мы обсуждали, разрешать ли дамам...

Мне пришло в голову, что они собираются пригласить меня и я должна отказаться:

— Вы ведь разрешаете. Помните миссис Грин?

— Да, да. Миссис Грин. И сэр Лесли Стивен сказал, больше ни за что. Она была такой беспокойной. А я сказал, разве дамы не стали другими? Но они все уперлись. Нет, нет, нет, никаких дам. И слышать не хотят о дамах.

Смотрю, как у меня дрожит рука. Я была такой злой (и очень усталой), а мне пришлось стоять там и будто наяву наблюдать эту унижительную сцену. Я представляла, как, возможно, М. упомянул мое имя, а они сказали: нет-нет-нет; никаких дам. Но я заставила себя успокоиться и ничего не ответила, а сегодня утром, лежа в ванне, придумала заглавие для книги — «Как быть униженной», в которой нужно рассказать — моей приятельнице предложили... какой-то приз — ради нее должно было быть сделано великое исключение — которой, короче говоря, должны были воздать почести — забыла, какие... Она сказала: и они решили, что я немедленно прибегу к ним. Честное слово, они были удивлены моим весьма выдержанным и скромным отказом.

Вы не сказали им, что думаете о них после того, как они осмелились предположить, будто вы сунете нос в их помойку? — спросила я. Ну что вы, ответила она. Я напому им о М.Паттисоне и скажу, что у симпатии тот же фасад из 700 кирпичей. Я скажу им, что нельзя заседать в комитете, если надо заодно разливать чай, — кстати, сэр Л. С. проводил вечера с вдовой Грин; да, подобные вспышки очень хороши для моей книги; потому что они очевидны; и я вижу, как вставляю их в прелестную ясную рассудительную ироничную прозу. Будь проклят Морган за то, что подумал, будто я приму... Милый старый Морган придет сегодня к чаю и будет сидеть рядом с Берри*, у которого катаракта.

Завеса в святая святых — не помню, то ли университета, то ли собора, то ли академическая, то ли религиозная — в качестве исключения должна быть поднята, чтобы она получила возможность войти. А как насчет цивилизации? Две тысячи лет мы совершаем нечто, не платя по счетам. Еще не хватает брать с меня взятку. Помойка? Нет. Я сказала, весьма ценя честь, которой... Короче говоря, приходится лгать и класть примочки, какие только есть под рукой, на потревоженную кожу воспаленного тщеславия наших братьев. Правду могут говорить лишь те женщины, чьи отцы были мясниками, оставившими им в наследство свиные фабрики.

Пятница, 12 апреля

Эту напыщенную речь и за год не сделать вполне вразумительной. И все же в ней есть полезные факты и фразы. У меня неодолимое желание заняться книгой. Однако, похоже, опять приближается головная боль, и сегодня утром меня плохо держат ноги.

Суббота, 13 апреля

Позволю себе заметить, что гораздо разумнее не писать план или набросок «Как быть униженной», название может быть другое, пока я не закончу с «Паргитерами». Сегодня утром хваталась то за одно, то за другое, пытаюсь кое-что сотворить, но сделала интересное открытие — нельзя одновременно распространять идеи и писать художественную прозу. И если худо-

* Берри — братья Берри, журналисты и издатели (Прим. переводчика).

жественной прозе опасно быть рядом с пропагандой, я должна держать руки чистыми.

Как бы то ни было, я почти засыпаю после зоопарка и Уилли. Но он все же подбросил несколько угольков в мой костер: ужас легализованной профессии; огромное богатство; связанные с ней условности; заседание Королевской комиссии; ее тайная старость и так далее; почему бы не посмотреть хотя бы на один день; а медицинская профессия и остеопаты — почему бы не посмеяться над ними? Нет, только не сейчас. Сейчас Альфьери, Нэш и другие знаменитости: как прекрасно я вчера читала в одиночестве. В зоопарке мы видели большую спящую рыбу и горилл; хлынул дождь, тучи; я с неподдельным уважением читала, как Энни С. Свон пишет о своей жизни. Почти всегда в основе автобиография: как правило, всколыхнувшая воображение влюбленность; ибо, не сомневаюсь, у нее нет иллюзий насчет своих книг, которых не сосчитать, но она не может остановиться, не может не рассказывать истории, и они ее очищение — свиньи, бычки — все что угодно. Однако она проницательная и талантливая старая дама.

Суббота, 20 апреля

Сцена сменилась на Родмелл, и я пишу за столом, приспособленным Л. (в подушках); идет дождь. Хорошая пятница была насквозь обманчивой — дождь и опять дождь. Я все же отправилась погулять на пруд и увидела бегущего по полю крота — он блестел — и был похож на растянутую морскую свинку. Пинка (спаниель) отправился обнюхать его, но тот успел нырнуть в норку. Сквозь дождь я слышала песню кукушки. Потом вернулась домой и читала, читала — Стивена Спендера: слишком быстро, чтобы обдумать прочитанное; стоит ли останавливаться; читать снова? У него есть легкость и довольно большой запас энергии; и какие-то общие идеи; но они теряются в обычном беспорядке студенческого стола; ему хочется всего, обо всем рассказать, на все вопросы ответить. А мне хочется исследовать кое-какие вещи: почему я все делаю, стесняясь своих современников? Неужели это и есть женский угол зрения? Почему так много всего носится в воздухе? Но я знаю свои границы: я не владею логикой, как говорил Литтон. Неужели я инстинктивно не разрешаю своему мозгу анализировать, чтобы это не повлия-

ло на его творческую способность? Полагаю, это не исключено. Ни один творчески настроенный писатель не может до конца понять своего современника. Приятие современного сочинения дело трудное, к тому же не может быть полным, если работаешь примерно в том же направлении. Однако мне нравится Стивен за его попытку схватиться с проблемами. Единственно, он должен окружить себя ими — использовать некую ценностную категорию как магнит, но и тогда это дело спорное: ведь можно не соответствовать его классификации. Однако я прочитала его, как уже сказала, залпом, не настраивая свои мозги на спор. Такой метод весьма плодотворен: потом можно вернуться и проанализировать.

Суббота, 27 апреля

Всякое желание заниматься искусством прозы оставило меня. Не могу представить, что будет; то есть, если точнее, не могу заставить свой мозг исторгнуть хотя бы одну фразу для книги; даже для статьи. Не писание даже, а архитектура не дается мне. Если я пишу один параграф, то должен быть другой и третий. Однако после месячного отдыха я буду прочна и эластична, как, скажем, вересковый корень: поднимутся в небо арки и своды, прочные, словно стальные, и легкие, словно облако — но все эти слова бьют мимо цели. Стивен Спендер требует от меня критического разбора; не могу написать. Не могу достоверно описать миссис Коллетт, в которую мы с Л. влюбились вчера. Женщина, похожая на гончую, со стальными голубыми глазами, в джерси с серебряными точками; совершенно раскованная, вся в острых углах, прямая, вдова сына лорд-мэра, который погиб на ее глазах. После этого у нее был нервный срыв, и ее спасло единственное лекарство — поездка в Гонконг к Белле. По правде говоря, мы не ждали многого; а она высмеяла и юбилей, и лорд-мэра, и рассказала нам о жизни в Мэншн-хаус. Л-м тратит в год 20 000 фунтов из собственного кармана; 10 000 — на полицию; и за 1000 фунтов покупает горностаевую шубу, в которой принимает короля в Темпле. Идет дождь; король проносится мимо, шуба испорчена. Зато свекровь совершенно нормальная, разумная женщина, которая ходит с корзинкой покупать рыбу. Королева подарила ей в знак уважения две большие раковины с выгравированной на них историей Георгия и дракона. К счас-

тью, они оставлены в Мэншн-хаус. Л-м носит тяжелое, из золотого шитья, платье. Это выставление напоказ уродства ужасно — но она была очень мила, и неожиданно я пригласила ее к нам — это, как ей известно, является комплиментом, которого не удостоилась от нас даже королевская семья.

Путешествие в Голландию, Германию, Италию и Францию

Зутфен. Понедельник, 6 мая

Мысли, поразившие меня

Чем сложнее видение, тем невозможнее для него стать сатирой: чем лучше понимаешь, тем сложнее суммировать и вывести уравнение. Например: Шекспир и Достоевский, они не были сатириками. Век понимания; век разрушения — и так далее.

Белчэмбер

Движение по-своему усложнило историю. Все равно поверхностная, неглубокая книга. Зато законченная. Завершенная. Единственная возможность — копнуть на дюйм глубже; потому что людям, подобным Сэйнти, не надо нырять глубоко; бежит поток; появляется целостность. Это значит, если автор принимает условности и позволяет своим персонажам руководить собой, не конфликтует с ними, он может произвести нечто симметричное; очень приятное, умное; но поверхностное. Это значит, мне все равно, что происходит; и все же мне нравится замысел. Еще отвращение к кошачьей-обезьяньей психологии, которой он искренне предан. Восприимчивый искренний ум, однако занимается рукоделием и вставляет точные замечания. Не сноб.

Четверг, 9 мая

Сию на солнышке рядом с германской таможней. Только что мимо меня в Германию проехала машина со свастикой на заднем окне. Л. в таможне. Я клюю «Жезл Аарона»*. Пойти и посмотреть, что там происходит? Замечательное сухое ветре-

ное утро. На нидерландской таможне мы пробыли десять секунд. Здесь мы ждем уже десять минут. Окна в решетках. Они выходят, и мрачный мужчина смеется при виде Митци (обезьянка). Однако Л. рассказал — пока он был внутри, вошел крестьянин в шляпе, и этот мужчина, заявив, будто его контора все равно что церковь, заставил его снять шляпу. Хайль Гитлер, сказал маленький худенький мальчик, открывая возле барьера портфель, возможно с яблоком. Мы становимся подобострастными — то есть довольными, — когда офицер улыбается Митци — в первый раз сгибается спина.

Смысл произведения искусства в том, что одно черпает силы в другом.

Бреннер. Понедельник, 13 мая

Странно видеть, как страны сменяют друг друга. Кровати теперь с перинами. Простыней нет. Строятся дома. Австриец, величавый. В Инсбруке зима стоит до июля. Никакой весны. Италия противостоит мне синей заставой. Чехословаки впереди идут на таможню.

Перуджа

Сегодня проехали Флоренцию. Видели бело-зеленый собор и желтую мелеющую Арно. Гроза. Ирисы горят на фоне туч. Теперь в Ареццо. Великолепный собор.

Тразименское озеро; стояли на лугу, заросшем ярко-красным клевером; озеро как яйцо ржанки; серые оливы, щегольские, утонченные; холодное зеленое море. Едем дальше, расстроенные, что не остановились в Перудже. Брафани, где мы были в 1908 году. Все то же самое. Такие же горячие обожженные солнцем женщины. Но кружева и все остальное выставлено на продажу. Было лучше в Тразимене. Вчера зашла купить булочки и обнаружила поразительное патриархальное зрелище, когда все — хозяева и слуги — собрались возле очага. Котел на огне. Наверное, ничего не изменилось с шестнадцатого века: люди хранят вино. Мужчины и женщины косят. Там, где мы были, пел соловей. Лягушата прыгали в воду.

Брафани: три человека наблюдали, как дверь открывалась и закрывалась. Слово парки, обсуждали приходивших — подво-

* Роман Д.Г.Лоуренса.

дя итог, определяя им место. Женщина с твердо очерченным, орлиным лицом — красные губы — как птица — абсолютно довольная собой. Покачивающиеся французы, небогатая сестра. Теперь они сидят и обсуждают человеческую природу. Мы спасены нашим замечательным багажом.

Рим: чай. Чай в кафе. Дамы в ярких нарядах и белых шляпах. Музыка. Глядим на людей, как в кино. Абиссиния. Дети не дают покоя. Завсегдатаи в кафе. Мороженое. Старик в греческом кафе.

Воскресное кафе: Н. и А.* рисуют. Очень холодно. В Риме воскресенье тише, поэтому лучше воспринимаешь город. Импульсивные старые дамы с большими лицами. К. говорит о Монако. Талейран. Очень бедная черная костлявая женщина. Эффект неряшливости из-за тонких волос. Премьер-министр в письме предлагает рекомендовать меня в почетную свиту. Нет.

Вторник, 21 мая

Странности человеческого разума: проснулась рано и вновь стала думать о книге о профессиях, о которой ни разу не вспомнила за семь или восемь дней. Почему? Это связано с романом — что будет, если они выйдут одновременно? И это знак, что я должна писать. Однако сейчас я собираюсь за тряпками с Н. и А., но их нет.

Воскресенье, 26 мая

Пишу в шесть часов вечера в воскресенье — оркестр то играет, то затихает, кричат дети — в слишком роскошном отеле, где официанты приносят меню и я позорно мешаю французские слова с мучительно заученными итальянскими. Все же могу, лежа на кровати, ради удовольствия отбарабанить *Gli Indifferenti***. Земля здесь прекрасна — например, когда мы впервые выезжали утром из Рима, — море и полоса неводеланной земли; и зонтичные сосны, после Чивитавеккьи: еще, конечно же, напряженная скука Генуи и Ривьеры, с их геранями и бугенвиллеями и ощущением, будто тебя затолкали между горой и морем и держат на ярком роскошном свету, но повернуться

* Н. — Ванесса, Несса, сестра В.Вулф.

А. — Анджелика, племянница В.Вулф.

** «Равнодушные» (ит., 1929), роман Альберто Моравиа (Прим. переводчика).

негде, так круто спускаются вниз горы с хищными шеями. Но первую ночь мы провели в Леричи, который, благодаря заливу, спокойному морю, зеленому паруснику, острову, мерцающим красно-желтым ночным огням, казался совершенством. Однако подобное совершенство больше не побуждает меня браться за перо. Это слишком просто. Сегодня в машине я думала о Роджере — *Brignolles** — *Corges*** — честное слово, оливы, красная земля, сочная трава и деревья. Но вот опять заиграл оркестр, и нам надо спуститься вниз, чтобы роскошно пообедать местной форелью. Уезжаем завтра, дома будем в пятницу. И хотя мне не терпится вновь накормить свои мозги, я отложу это на несколько дней. Почему? Почему? Не устаю спрашивать себя. Мне кажется, очень скоро я смогу привести в порядок финальные сцены: мне пришло в голову, как развить первый параграф. Однако не желаю слишком сильно мучиться «писательством». Надо пошире открыть западную. Представляю, пока мы едем, как меня не любят, как надо мной смеются; и горжусь своим намерением храбро защищаться. И писать!

Среда, 5 июня

Опять здесь (в Лондоне), и мрачное цепенящее чувство, заставившее меня думать о себе словно о мертвой, с тех пор, как мы приехали, постепенно слабеет. Все сначала, проклятая высохшая рука, опять в общем-то пустая глава. Каждый раз я говорю себе, это будет ужасно! и никогда не верю. Потом надвигается обычная депрессия. И я мечтаю о смерти. Но теперь мне понятно, что последние 200 страниц предъявляют свои права и требуют чего-то вроде пьесы; все кончено; я перестану соображать; но после болезненной интерлюдии вдруг начинается — с телефоном — жизнь. Радражение извне. (Я собиралась написать о драматической форме, которая не дает мне покоя.)

Понедельник, 10 июня. Духов день

Монкс-хаус. Много работаю. Думаю закончить эти сцены. Сегодня утром не могу писать (вторник). Как мне сказать, чтобы звучало естественно, я унаследовала Розу и Звезду!

* Бриньоль.

** Счет на двадцать (торговля). Происхождение слова арабское.

Четверг, 13 июня

В некотором смысле это похоже на то, как я писала «Волны» — последние сцены. Перегружаю свои мозги, и приходится делать перерыв; иду наверх; натыкаюсь на растрепанную миссис Брюстер; возвращаюсь; нахожу несколько слов. Предельная конденсация; контрасты; соединение всех частей в одно целое. Значит ли это, что получается хорошо? Чувствую, что у меня есть высокая колонна, и мне ничего не остается, как тащить ее и потеть. Вот так. Текст становится более обнаженным и более напряженным. А потом такое облегчение, когда идут воздушные сцены — как та, где Элеонора! — только их тоже надо ужать. Очень устаю, стараясь все правильно разместить.

Вторник, 16 июля

Странное ощущение полного провала. Марджери не написала мне о моей речи*; если верить Джейни, Памела считает ее провалом. И ради этого я пожертвовала последними страницами романа! Сегодня утром не могу писать, не чувствую ритм. Бесконечные расстройства из-за необходимости приглашать разных людей к обеду и так далее действуют мне на нервы. В голове звон. Мне надо перепечатать речь или отказаться от публикации. Письмо от члена совета. Никогда больше, никогда!

Однако я думаю, что справлюсь с последними страницами, если вновь сумею войти в них. Правильно. Но как это сделать, если мне нужно повидаться с Сьюзи и Этель, посмотреть дом мисс Белшер, позвонить, сделать записи, заказать то, это? Ладно, успокойся и подумай; сегодня лишь 16-е: еще две недели до августа. Уверена, где-то внутри скрыта великолепная форма. Ведь не пустословие же это. Если необходимо, я все выкину. Но думаю, не выкину: надо продолжать и, может быть, по-быстрому написать короткий скетч, от руки — хороший план. Вернуться, взять центральную идею и взлететь в ней. Но сохранить контроль над собой и сдерживать руку. Возможно, немножко почитать Шекспира. Да, одну из последних пьес: так я и сделаю, наверное, чтобы расслабиться. Ох уж это возбуждение и бессчетные чашки, выпадающие у меня из рук.

* Речь В. Вулф, произнесенная в Бристоле на открытии выставки картин Роджера Фрая, перепечатанная в журнале «Момент» (Прим. переводчика).

Среда, 17 июля

Только что закончила первую черновую перепечатку и обнаружила, что в книге 740 страниц, то есть 148 000 слов; думаю, я могу ее сократить: вся последняя часть в рудиментарном виде, ее надо сформировать; у меня слишком устали мозги, чтобы всерьез приняться за нее сейчас. И все равно мне кажется, что ее можно сократить; а потом — ? Боже мой, понятно, почему после «Волн» я уцепилась за «Флаша». Нужно когда-то просто посидеть на берегу, бросая в воду камешки. А я хочу еще почитать на ясную голову. И морщины разгладились бы сами собой. Сьюзи Бьюкен, Этель, потом Джулиан — я разговаривала с 4.30 до часа ночи, получив лишь два часа перерыва на обед и молчание.

Мне кажется, последняя глава должна строиться вокруг монолога Н. и должна быть более выдержанной; мне кажется, я понимаю, как ввести интерлюдии — то есть промежуточные пространства молчания, поэзии, контраста.

Пятница, 19 июля

Ну вот. У меня начинаются предприступные головные боли. Не стоит переламывать себя и делать усилие, которое будет похоже на порывы ветра, сражающегося с нашими тяжелыми вязами в последние дни: да, будет похоже на ветер, который попытается справиться с густыми кронами. Ибо должно быть не только движение, должна быть высота, чтобы ветер мог что-то поднять наверх.

Пятница, 16 августа

Совсем не могу заниматься дневником, потому что полностью погружена в переписывание, — да, опять перепечатаваю, по возможности 100 страниц в неделю, эту ужасную вечную книгу. Работаю не поднимая головы, до часа дня; а сейчас как раз час, следовательно, я должна оставить нетронутой кучу недосказанных вещей; очень много людей, очень много сцен, и красоту, и лис и неожиданные идеи.

Среда, 21 августа

Вчера приехали в Лондон. Я увидела в «Таймс» о себе — самая терпеливая и самая добросовестная из художников — и считаю, это правда, если учесть, как я работаю над каждым словом.

Моя голова похожа на пудинг, может быть — она тихо пульсирует и не может произвести ни одного слова к концу утра. А начинаю я работать довольно свежей. Вчера отослала Мэйбел первые двадцать страниц или около того.

Марджери Фрай придет в пятницу и принесет, как она говорит, кучу документов. Еще одна книга. Неужели у меня хватит храбрости начать еще одну книгу? Как подумаю о том, что ее надо писать и переписывать. Будут, конечно, радости и волнения. Опять очень жарко. Я собираюсь перекрасить комнату. Была вчера у плотников и выбирала обивку. Стоит ли об этом писать? Почему бы и нет?

Четверг, 5 сентября

Пришлось сегодня утром оставить «Годы» — так это будет называться. Совершенно без сил. Не могу выдавить из себя ни слова. Все же мне кажется, что-то в этом есть; подожду-ка день-два, пусть колодец наполнится. 740 страниц. Полагаю, с точки зрения психологии это самое странное из моих приключений. Половина моего мозга совсем высохла; но стоит лишь повернуть его — и вот вторая половина, готовая с радостью написать небольшую статью. О, если бы кто-нибудь знал что-нибудь о мозге. Ведь даже сегодня, когда я в отчаянии, почти в слезах смотрю на главу, не в состоянии ничего прибавить к ней, я чувствую, что стоит мне нащупать конец нитки — найти отправную точку — взглянуть на кого-нибудь...* может быть — нет, не знаю — голова наполнится мыслями, и усталости как не бывало. Но я просыпаюсь и мучаюсь.

Пятница, 6 сентября

Собираюсь несколько дней подержать свои мозги в зеленых листьях шавеля: 5 дней, если смогу выдержать; пока не уедут дети, племянницы Л. Если смогу — мне все-таки кажется, что сцена обретает форму. Почему не сделать более простой переход: Мэгги, скажем, глядит на Серпентин; и таким образом избежать неожиданности? Не странно ли, что именно эта сцена стала для меня камнем преткновения? Это будет самая прекрасная из моих книг, твердила я себе. И вот остановка. Знать бы,

* Неразборчиво.

почему. Наверное, слишком близкий мне материал. Или написано не в том ключе? Не буду думать.

Суббота, 7 сентября

Благословенное тихое утреннее чтение Альфьери у открытого окна и без сигареты. Я верю, что могла бы вернуться к прежнему восторженному чтению, если бы бросила писать. Трудность в том, что писательство горячит мозги и они не в состоянии усвоить прочитанное; когда же горячка проходит, то наступает жуткая усталость и я способна лишь на обмен репликами. Однако за «Годы» я не берусь уже два дня и чувствую в себе силы взяться за тотчас навалившиеся на меня книги. Присланное вчера жизнеописание Джона Бэйли*, однако, отвергает меня в сомнение. Чем? Да всем. Звучит, как писк мышонка под матрасом. Я лишь заглянула в него и почувствовала запах лит. обеда, «Lit. Sup.», лит. того, этого и еще кое-чего — вот лишь одно замечание: якобы Десмонд** дал Вирджинии Вулф почитать Каупера, и он ей понравился! Это мне-то, которая читала Каупера в пятнадцать лет; ч....ва чепуха.

Четверг, 12 сентября

Утра не спокойные и не благословенные, помесь ада с иступлением: никогда еще у меня не было такого полыхающего шара в голове, как теперь, когда я переписываю «Годы», вероятно потому, что книга получилась очень длинной; и напряжение ужасное. Однако я использую весь накопленный опыт и сохраняю голову здоровой. Прекращаю писать в 11.30 и читаю по-итальянски или Драйдена, балую себя таким образом. Вчера виделась с Этель*** в доме мисс Хадсон. Итак, я сидела в настоящем доме английского джентльмена и не понимала, как можно это выдерживать; думала о том, что дом должен быть переносным, как раковина улитки. В будущем, возможно, люди будут играть своими домами, как маленькими веерами; и это еще не все. Не будет оседлой жизни в четырех стенах. А там были бесконечные чистые, отлично отремонтированные комнаты. Гор-

* Возможно, современник В. Вулф.

** Десмонд Маккарти.

*** Этель Смит.

ничная в чепце. Кексы на подносах с изображением пагод. Сверкающая коричневая мебель и книги в отвратительном порядке — красная искусственная кожа. Множество симпатичных старых комнат, однако манор* явно приукрашен и не очень ловко усовершенствован. Бальная комната; библиотека — пустая. И мисс Хадсон, вся чистенькая, с пекинесом, законная экс-мэр Истборна с волнистыми седеющими волосами; все там такое чистое и солидное; и серебряные рамы, на которые я искосо взглянула; и сам дух порядка, респектабельности, банальности. «Я собираюсь навестить жену викария». Этель, багровая и тучная; не дающая себе покоя, несчастная старуха, обыкновенный неутомимый эгоизм из-за глухоты и ее массы. Раз в полгода ей нужна сцена. Вот так. Конечно же, глухота, семьдесят шесть лет — назад в Чарльстон к Еве и Анджелике.

Пятница, 13 сентября

Вот уж совпадение для суеверных! Поехала навестить Маргарет и Лилиан в Доркинг: и, кажется, меня вновь потянуло к «Годам». Всегда самое трудное — начало главы или части, где надо поймать новое настроение, которое потом будет определять все. Ричмонд принимает моего Марриета и благодарит за свое бедное маленькое рыцарство.

Среда, 2 октября

Вчера мы были на собрании лейбористской партии в Брайтоне, и конечно же, хотя я отказалась ехать еще раз сегодня утром, так выбита из колеи, что не могу взяться за «Годы». Почему? Из-за погружения в атмосферу энергичной борьбы, от чего я очень далека; мне напоминают, что я далека. Нет, не совсем так. Было очень драматично. Бевин напал на Лэнсбери. Слезы выступили у меня на глазах, когда говорил Лэнсбери. И все же он позер. Я чувствовала, что подсознательно он играет побитого христианина. Полагаю, Бевин тоже играл. Поднимал широкие плечи и прятал в них голову, как черепаха. Сказал Л., чтобы он не торговал вразнос своей совестью. В чем же мой человеческий долг? Женщины-делегатки почти не подавали голос, и их присутствие ничего не меняло. В понедельник кто-то

* Поместье (англ.).

сказал: мы перестали мыть руки. Почти незаметный, слабый протест, зато искренний. Разве у маленькой тростниковой дудочки есть шанс против горы ростбифов и пива — результата женского труда? Все очень живо и интересно; но совпадения; слишком много риторики, взгляд партии: изменить структуру общества; да, но когда она изменится? Доверяю ли я Бевину, когда он говорит, что мир станет хорошим, стоит всем получить равные права? Если бы он родился герцогом... Мои симпатии на стороне Солтера, который проповедовал непротивление. Он совершенно прав. Такими должны быть и наши взгляды. Но что делать с сегодняшним обществом? К счастью, необразованная и не имеющая голоса, я за него не отвечаю. Вокруг носятся какие-то слухи и отвлекают меня от того, что, собственно, является моей работой. Один день отдыха — это чудесно, два дня тоже, но не три. Я не поехала; и писать не могу. Однако придется заставить себя, когда закончу эту запись. Странно, до чего мой разум восприимчив к поверхностным впечатлениям: я всасываю их и они колобродят внутри меня. Насколько значителен отдельный ум и работа отдельного человека? Сегодня утром Луи* сказала мне, что ей нравилось работать у нас и ей жаль с нами расставаться. Это тоже работа своего рода. И все же я не могу отрицать мою любовь к выстраиванию фраз. И все же... Л. уехал, надо будет поговорить с ним об этом. Он считает, что политика должна быть отделена от искусства. Мы гуляли с ним в холод по пустоши и обсуждали этот вопрос. Дело еще в том, что моя голова быстро устает. Да, слишком устает, чтобы можно было писать.

Вторник, 15 октября

С тех пор как мы вернулись, я была словно в лихорадке, по утрам «Годы», между чаем и обедом — Роджер, прогулка, гости, так что теперь отдых. Сегодня вечером я лишь кое-что набросала о Роджере, потому что вчера образовалась дыра и сегодня утром я совсем не могла писать; а теперь надо подняться и через десять минут встретить мисс Грюбер (обсудить книгу о женщинах и фашизме — чем проще, тем понятнее, как говорит Лотти). Это были десять дней непрерывного полного совер-

* Служанка.

шенного блаженства. Я думала, как буду ненавидеть их. Ничего подобного. В Лондоне спокойно, сухо, удобно. Обед мне готовят. Дети не кричат. И ощущение, что я постепенно нагоняю, легко, уверенно (это закончилось сегодня), «Годы». Три дня я испытывала искренний восторг по поводу «Следующей войны». Говорила ли я, что результатом съезда в Брайтоне стала разрушенная дамба между мной и новой книгой, так что я не смогла отказать себе и быстро набросала главу; потом остановилась; но готова продолжать — думаю, форма такая, как нужно, — едва у меня будет время. И я планирую это на следующую весну, пока буду накапливать материалы для Роджера. Такое разделение, кстати, самое лучшее, и я не понимаю, как до сих пор недоумалась до него — новая книга или подготовительная работа для книги, которая в перерывах нагружает другую сторону мозга. Единственный способ остановить колесики и заставить их крутиться в другую сторону, я же тем временем отдыхаю и, надеюсь, совершенствуюсь. Увы, теперь Грюбер.

Среда, 16 октября

Пока писались «Годы», я открыла, что сотворить комедию можно, взяв лишь поверхностный слой — например, сцена на террасе. Вопрос в том, могу ли я коснуться других пластов, вводя музыку и живопись вместе с определенными персонажами? Именно это я хочу попробовать в сцене налета, чтобы все двигалось и влияло друг на друга: картина; музыка; и другое направление — действие — то есть персонаж говорит с персонажем — пока движение (то есть изменение чувства, пока идет налет) продолжается. В любом случае, в этой книге я открыла, что нельзя без контраста; один пласт не может развиваться напряженно сам по себе, хотя именно так было в «Волнах», не нанося ущерба другим пластам. Таким образом сама форма, надеюсь, навязывает себя, соотносясь с человеческими измерениями; тогда очевидна стена, созданная всем тем, что заложено в книге; она должна обнести их всех на вечеринке в последней главе, чтобы стало ясно, пока они были каждый сам по себе, стена встала во весь рост. Но до этого еще не дошло. Я делаю Кросби — сегодня утром у меня воздушная сцена. Движение от одного персонажа к другому, мне кажется, свидетельствует, что, как бы там ни было, для меня это пра-

вильный подход. Я очень радуюсь и совсем не переутомляюсь, не то что во время «Волн».

Вторник, 22 октября

Я все еще в «Годах», благодаря моей проклятой любви поговорить. То есть если я разговариваю с Розой Маколей с 4 до 6.30 и с Элизабет Боуэн — с 8 до 12, то на другой день у меня не голова, а скучный, тяжелый, жаркий стог сена, и я становлюсь добычей любой блохи, любого муравья или комара. Итак, я закрыла книгу — Сол и Мартин в Гайд-парке — и печатаю мемуары Роджера. Это удивительно успокаивает и освежает. Жаль, не могу все время иметь их под рукой. Два дня отдыха от романной нервозности — вот мое предписание; но остальное выполнить очень трудно. Полагаю, пока я не закончу, мне надо отказаться от приглашений на вечера, где принято много говорить. Хорошо бы получилось к Рождеству! Например, если я сегодня вечером иду на коктейль к Эдит Ситвелл, то для того лишь, чтобы подсмотреть пикантные картинки; в пене слов уронить несколько остроумных фраз; успокоиться и освежиться перед работой. А после романа — тогда уж буду ходить повсюду и выставлять напоказ свои морщины. Кроме того, кто только не ходит к нам? На этой неделе каждый день разговоры. Все-таки счастливее всего я в своей комнате. Итак, потихоньку проработаю письма Бриджеса и, возможно, возьмусь за неразобранную кучу писем Хелен*.

Воскресенье, 27 октября

День рождения Адриана; только что вспомнила. Мы пригласили его на обед. Нет, не буду торопиться с книгой. Пусть каждая сцена сформируется полностью и без натуги, прежде чем я пошлю ее на перепечатку, даже если придется ждать следующего года. Странно, почему время вносит такое беспокойство? Сегодня утром у меня с ним добрые отношения. Я сочиняю вечеринку Китти. И несмотря на то, что все время обуздываю свое нетерпение — никогда еще мне не приходилось так решительно сдерживать себя, — я радуюсь тому, что пишу, что получается полнее и почти без надрыва, и — как бы это сказать? — короче говоря, «Годы» дарят мне больше естественного удовольствия,

* Хелен Анреп. Имеются в виду письма Роджера Фрая (Прим. переводчика).

чем все остальные романы. Однако на меня давят другие книги, которые ногами стучатся в дверь, и мне трудно сохранять медлительность в работе. Вчера мы прошли через Кен-Вуд до Хайгейта и посмотрели на два старых домика Фрая. В одном из них родился Роджер, и в нем он сошел во мрак. Думаю начать с этой сцены. Вот так книга сама задает свою форму. Это будет моя следующая война — та, которая вспыхивает, когда хочет, словно в нее впрягли акулу; и я проскакиваю сцену за сценой. Думаю, надо браться за нее, как только закончу с «Годами». Предположим, это случится в январе; потом рывок с «Войной» (как бы я ее ни назвала) в шесть недель; и Роджер следующим летом?

Понедельник, 18 ноября

Мне пришло в голову, что я достигла следующей ступени в писательском мастерстве. Я понимаю, что есть четыре измерения; и все они должны быть в человеческой жизни, что ведет к гораздо более сложному группированию и пропорциям. Я имею в виду: я; и не я; внешняя и внутренняя — нет, я слишком устала, чтобы объяснять, но я вижу это; и это будет в моей книге о Роджере. Очень заманчиво группировать материал таким образом. Новое соединение психологии и физиологии — примерно как в живописи. Таким будет следующий роман, но сначала я закончу «Годы».

Четверг, 21 ноября

Все правильно, но воздушно-небесные сцены слишком жидкие. Размышления после утренней сцены Китти и Эдварда в Ричмонде. Поначалу такое облегчение, а потом не то — забегает вперед. Надо успокоиться; вернуться; почистить детали; слишком много «важных моментов»; слишком отрывисто, слишком много разговоров «в разных местах». Я хочу сохранить индивидуальность и ощущение вещей, которое повторяется и повторяется, но все же меняется. Именно это очень трудно, трудно поддается соединению.

Среда, 27 ноября

Слишком много похожих дней — не могу писать. Господи, помоги мне, но кажется, я достигла ничейной земли, которую искала; могу переходить от внешнего к внутреннему и населять

вечность. Странное, счастливое чувство свободы, какого у меня никогда еще не было после окончания книги. А эта к тому же чудовищно длинная. К чему я? Еще одна задержка сегодня утром: не знаю, как правильно начать последнюю главу. Не понимаю, что у меня не так. Но не надо спешить. Главное — разрешить мыслям свободный полет; и пусть они прольются дождем. Не надо быть слишком настойчивой. Конечно же, трудно ввести новый персонаж в середину повествования: Норт; и я немного раздражена: думала, что неделя будет спокойной, а тут Нелли К. и Нэн Хадсон просят разрешения прийти; надо им позволить; у Нэн друг-турок. Но я им не поддамся. Нет.

Суббота, 28 декабря

Очень приятно выписывать число чистым ясным почерком, ибо я начинаю новую тетрадь, но не буду скрывать, что я почти умираю, похожа на пыльную тряпку уборщицы; то есть мой мозг похож; это из-за последней переделки последних страниц романа «Годы». Неужели последняя переделка? Почему танец последних дней состоит исключительно из нетвердых коротких поворотов? На самом деле, надо размять сведенные судорогой мышцы: прошла лишь половина первого мокрого серого утра, и мне нужно какое-нибудь спокойное занятие на ближайший час. Это напоминание — я должна предвидеть спад, который не станет неожиданным, когда все закончится. Полагаю, статья о Грее. Что изменится, если я расслаблюсь? Буду ли я еще когда-нибудь писать длинные книги — длинный роман, который необходимо весь держать в голове и который отнимает три года? Я не спрашиваю, стоит ли это делать? Случаются такие застойные утра, когда я не могу даже переписывать Роджера. Голди невыразимо угнетает меня. Всегда один на вершине горы, спрашивает себя, как жить, теоретизирует о жизни; и не живет. Роджер всегда в зеленых долинах, живой. Голди издает тонкий свист, выпуская через передние зубы горячее дыхание. Всегда живи в целом, жизнь — в одном: всегда Шелли и Гёте, а потом он теряет бутылку с горячей водой; и не замечает ни лица, ни кошки, ни собаки, или цветка, разве что в потоке целого. Это объясняет, почему его высокоинтеллектуальные книги нечитабельны. И все же он был очарователен, временами.

Воскресенье, 29 декабря

Только что написала последние слова романа «Годы» — кручусь, верчусь, хотя еще только воскресенье, а я назначила себе среду. И совсем не чувствую обычного возбуждения. Но ведь я говорила себе, что закончу его спокойно — это проза. Хорошо ли? Вот уж не знаю. Накрепко ли подогнаны все части? Поддерживает ли одна часть другую? Могу ли я польстить себе, сказав, что он сбит на славу и производит впечатление единого целого? Много еще нужно сделать. Надо немножко ужать его и заострить: сделать паузы более эффективными, повторения, и продолжать. В данной версии 797 страниц; скажем, 200 слов в каждой (это очень приблизительно); получается, грубо говоря, 157 000 — скажем, 140 000 слов. Увы, необходимо урезать, ужать, выделить главное. Это займет — не знаю сколько времени. А я должна потихоньку уводить свое подсознание от этой работы к следующей, или меня ждет тяжелая депрессия. Как странно — что все это выветрится из головы и появится что-то другое. В это же время в следующем году я буду сидеть тут, а вокруг меня будет множество газетных вырезок — нет, надеюсь, не в реальности, но в моих мыслях будет обычный хор множества голосов, рассуждающих об этой массе небрежной машинописи, и я буду говорить: это была попытка сотворить то-то и то-то; а теперь мне нужно заняться чем-то совершенно не похожим. И все старые или новые проблемы опять встанут передо мной. Как бы то ни было, главное, что я чувствую в отношении этой книги, — живая, плодородная, энергичная. Мне кажется, что я еще никогда не писала с такой радостью: чтобы весь мозг работал, но не так напряженно, как было с «Волнами».

Понедельник, 30 декабря

А сегодня ничего, совсем ничего. Не могу написать ни слова: слишком болит голова. Могу лишь оглядываться на «Годы» как на недоступный Скалистый Остров, который мне не дается, о котором я не могу даже думать. Вчера в Чарльстоне. Большой желтый стол и очень мало стульев. Я читаю Роджера, и он приходит ко мне. Какая-то странная посмертная дружба — в некотором смысле более близкая, чем наша дружба при его жизни. Вещи, о которых я лишь подозревала, теперь мне открыты; а я не слышу его живого голоса.

У меня была мысль — хорошо бы они спали — одеваясь — как сделать мою военную книгу* — прикинуться, будто это все статьи, которые редакторы просили меня написать в последние несколько лет — обо всякой всячине — должны ли женщины курить; короткие юбки; война и так далее. Это даст мне право отклоняться от темы; и еще поставит в положение человека, которого просят. Оправдание метода; а тем временем продолжать. Можно написать предисловие, объяснить, задать верный тон. Думаю, так правильно. Ужасный дождь ночью — реки вышли из берегов; дождь начался, когда я отправилась спать; собаки лают; ветер бьется в стены. Сейчас я прокрадусь к себе и почитаю какую-нибудь книжку, не имеющую к этому ни малейшего отношения.

* «Три гиней».

Пятница, 3 января

Я начала год тремя совершенно гиблыми днями, головная боль, голова будто лопается, голова едва выдерживает напор мыслей; а дождь все льет; вода выходит из берегов; когда мы гуляли вчера вечером, мне даже боты не помогли; промокли ноги; итак, это Рождество, если иметь в виду наши места, совсем плохое, и, несмотря на недостатки городской жизни, я рада перебраться в Лондон, отчего, довольно виновато, попросила не задерживаться еще на неделю. Сегодня стоит желтовато-серый туман; так что я вижу лишь бугор, мокрый блеск и никакого Каберна. Тем не менее, я довольна, потому что, мне кажется, в голове у меня вновь установилось равновесие и я могу в понедельник опять взяться за «Годы», то есть за последнюю переделку. Неожиданно это стало важным, потому что в первый раз за несколько лет, как говорит Л., я заработала недостаточно, чтобы заплатить мою долю за дом, и мне надо отдать 70 фунтов из моих личных денег. Осталось 700 фунтов, и мне надо подумать о пополнении запасов. По-своему забавно, что опять приходится думать об экономии. Но если серьезно, то это мешает; даже хуже — это грубая помеха, — ибо мне придется зарабатывать деньги журналистикой. Следующую книгу я думала назвать «Ответы корреспондентам»... Но не могу же я вот так все бросить и взяться за нее. Нет. Я должна терпеливо и спокойно баюкать бунтующий нерв, чтобы он спал, пока «Годы» не лягут на стол — в окончательной редакции. В феврале? Или покой — словно обширный — как бы это сказать — костный нарост — мешок мышц — вырезан из моей головы? Лучше писать это, чем что-то другое. Странное изменение произошло в моей психологии. Я больше не могу писать для газет. Мне необходимо работать над собственной книгой. Дело в том, что я немедленно начинаю все упрощать, едва появляется мысль о газете.

Суббота, 4 января

Погода улучшилась, и мы решили остаться до среды. Но опять пошел дождь. Все же я приняла несколько положительных решений: читать ровно столько еженедельников, чтобы они по возможности не ввергали меня в размышления о собственной персоне, пока я не закончу «Годы»; заполнять свои мозги не имеющими непосредственного отношения к нему книгами и привычками; не думать об «Ответах корреспондентам»; быть как можно более фундаментальной и как можно менее поверхностной, быть материальной и как можно менее интуитивной. Теперь Роджер, потом отдых. Сказать по правде, в моей голове нет покоя; и одно неосторожное движение приведет к прогрессирующей депрессии, возбуждению и всему остальному из знакомого набора: из длинного перечня несчастий. Итак, я заказала филей, и мы едем кататься.

Воскресенье, 5 января

Еще одно бедственное утро. Я вообще-то подозревала, что мои предположения верны и дальнейшая работа лишь все испортит. Дальнейшая работа должна состоять в чистке и приглаживании. Это мне по силам, потому что я спокойна. Чувствую себя хорошо, работа сделана. Хочу взяться за что-то другое. К добру это или не к добру, не знаю. В моей голове сегодня покой, наверное, потому, что вечером я читала «Тамбур-мажор»* и ездила к озерам. Облака были цвета крыльев тропической птицы: всех оттенков красного; они отражались в озерах, еще там были стаи ржанок, черно-белых; они четко держали линию и были удивительно безупречной и утонченной окраски. Я отлично спала!

Вторник, 7 января

Вновь переписывала последние страницы и, мне кажется, лучше использовала пространство. Многие подробности и некоторые важные вещи остались в неприкосновенности. Сцена со снегом, например, и некоторые второстепенные куски остались. И мне удалось сохранить заложенное там чувство, так что не нужно творчества, а нужно лишь немного мастерства.

* «Тамбур-мажор» Т. Гарди.

Четверг, 16 января

Редко я испытывала такое полное разочарование, как вчера около 6.30, когда перечитывала последнюю часть романа «Годы». Пустая болтовня — сумеречная сплетня — так мне показалось; воплощение моей дряхлости; и невероятные длинноты. Я бросила рукопись на столе и с горящими щеками помчалась наверх к Л. Он сказал: «Так всегда бывает». Но я чувствовала: нет, так плохо еще никогда не было. Я делаю эту запись, чтобы сравнить свое состояние с тем, которое будет после написания следующей книги. А сегодня утром, когда я погрузилась в эту часть, она показалась мне, наоборот, полновесной, шумной, живой. Я заглянула в начало. Думаю, связь есть. Однако мне необходимо заставить себя регулярно посылать Мэйбел отдельные куски. Клянусь, 100 страниц отправятся сегодня вечером.

Вторник, 25 февраля

Это покажет, как мне тяжело достается. Сейчас первое мгновение — за пять минут до ланча, — когда я свободна для дневника. Работала все утро: как правило, работаю еще с 5 до 7. Кстати, были головные боли: избавлялась от них неподвижным лежанием, переплетом книг и чтением «Дэвида Копперфилда». Я поклялась, что рукопись будет готова, перепечатана и сверена до 10 марта. Потом ее прочитает Л. А мне еще перепечатывать всю ричмондскую сцену и сцену Эл.: много исправлений в проклятой сцене нападения; все это надо печатать: вот бы успеть к первому, то есть к воскресенью; а потом я должна буду вернуться к началу и прочитать все насквозь. Так что я совершенно не в состоянии писать в дневнике или заниматься Роджером. В целом, книга мне нравится — странно — хотя она с подъемами и падениями и без общей идеи.

Среда, 4 марта

Ну вот, я почти закончила переписывать сцену налета, полагаю, делаю это в тринадцатый раз. Завтра отправлю ее; и у меня, надеюсь, будет целый свободный день — если я осмелюсь на него — прежде чем читать дальше. Конец уже виден: то есть видно начало другой книги, которая безжалостно стучится в дверь. Ах, опять бы писать свободно каждое утро, заново плести небылицы — вот счастье — физическое облегчение, отдых, удовольст-

вие после всех этих месяцев — примерно с октября — постоянного напряжения и переписывания одного и того же.

Среда, 11 марта

Вчера я послала Кларку* 132 страницы. Мы решили изменить обычный порядок: набрать книгу, прежде чем Л. прочитает её, и послать гранки в Америку.

Пятница, 13 марта

Продвигаюсь вперед гораздо успешнее. Поэтому краду десять минут до ланча. Никогда еще ни с одной книгой мне не приходилось так тяжело. Моя цель — ничего не менять в гранках. И я начинаю думать, что в книге что-то есть — пока нет провалов. Хватит о ней. Вчера гуляли по Кенсингтон-Гарденс и говорили о политике. Олдос отказывается подписать манифест, потому что он одобряет последние меры. Олдос пацифист. Я тоже. Должна ли я подписывать? Л. считает необходимым принять во внимание то, что Европа стоит на грани величайшей за последние 600 лет катастрофы, следовательно, надо забыть о частных расхождениях и поддержать Лигу**. Сегодня утром он на специальном заседании Л.*** партии. Эта неделя суматошная и напряженная из-за политики. Гитлеровская армия на Рейне. Заседание проходит в Лондоне. Французы очень серьезны — маленькая группа разведчиков — послали на завтрашнее заседание своего человека; трогательная вера в английских интеллектуалов. Второе заседание завтра. По обыкновению надеюсь, что обойдется. Но странно, до чего близко подошли опять орудия к нашей частной жизни. Я могу ясно видеть их и слышу гул, хотя продолжаю, как обреченная мышь, грызть свои странички. А что еще делать? Остается лишь отвечать на непрерывные телефонные звонки и слушать рассказы Л. Все идет за борт. К счастью, мы отменили все приглашения и т.д. под предлогом романа «Годы». Эта весна очень напряженная, много работы;

* Типография «Р. и Р. Кларки» (Прим. переводчика).

** Лига Наций. Вероятно, помимо всего остального, речь идет об арабских восстаниях на подмандатной территории Палестины, Великобритании связанных с надеждами арабов на Италию, Германию и СССР (Прим. переводчика).

*** Лейбористской.

кажется, было два прекрасных дня; вылезли крокусы; потом опять стало черно и холодно. Как будто все по-прежнему: моя тяжелая работа; наша необщительность; кризис; заседания; темнота — никто не знает, что все это значит. Про себя... нет, я никого не видела и ничего не делала, кроме как гуляла и работала — гуляю около часа после ланча — и так далее.

Понедельник, 16 марта

Я не должна была так делать: но больше не могу мучиться из-за не дающихся мне страниц. Приду в три и что-нибудь сделаю, еще будет время после чая. Для себя: после «Путешествия» я ни разу, перечитывая рукопись, не мучилась так, как теперь. В субботу, например, решила, что «Годы» — полный провал; и все же книгу печатают. Потом, в отчаянии, хотела выбросить роман, но продолжала его печатать. Через час строчки начали путаться. Вчера я перечитала его снова и подумала, что, возможно, это моя лучшая книга.

Однако... Я дошла лишь до смерти Короля. Полагаю, переписывания изматывают меня: сначала засовываешь персонаж в самую гущу, а потом выкидываешь его. Любое начало кажется безжизненным — а ведь его еще надо перепечатать. Более или менее готовы 250 страниц, а их 700. Прогулка к реке и по Ричмондскому парку лучше всего разгоняет кровь.

Среда, 18 марта

Сейчас он кажется мне очень хорошим — это все еще о романе, — и я не могу ничего менять. В самом деле, думаю, сцена у Уиттерингов, пожалуй, лучшая из всех, когда-либо мной написанных. Пришли первые гранки: итак, меня ждет холодный душ. Сегодня утром не могу сконцентрировать внимание — должна написать «Письмо англичанину». Все же полагаю, что исправлять ничего не буду.

Вторник, 24 марта

Очень хороший уикенд. На деревьях распускаются почки; гиацинты; крокусы. Первый весенний уикенд. Мы дошли до Крысиной фермы — чтобы поискать фиалки. Есть, но еще не расцвели. Продолжаю переделывать — в унылом состоянии. Мысли о «Двух гинеех» — так я собираюсь это назвать. Навер-

ное, я на грани безумия, ибо слишком глубоко вошла в эту книгу и сама не понимаю, что делаю. Вдруг обнаружила себя на Стрэнде*, к тому же разговаривающей вслух.

Воскресенье, 29 марта

Сегодня воскресенье, я работаю над «Годами». Утром в двадцатый раз переделала сцену с Элеонорой на Оксфорд-стрит. Наконец-то сообразила, какой она должна быть, и говорю себе, что закончу ее к седьмому апреля. Не могу не думать, что получается неплохо. Но хватит о «Годах». На этой неделе один раз болела голова, и я лежала, не в силах пошевелиться.

Четверг, 9 апреля

Вот и наступил период депрессии после чересчур напряженной работы. Вчера последняя партия ушла к Кларку в Брайтон. Л. читает. Я настроена пессимистически, предвижу прохладное заключение; но надо ждать. В любом случае, дни стоят отвратительные, мучительные, бессильные; их было бы хорошо сжечь на костре. Ужас в том, что завтра, после одного ветреного дня передышки — ох, холодный северный ветер не затихает с момента, как мы приехали, но у меня нет ушей, глаз, носа; я только и делаю, что хожу туда-сюда, как правило, в отчаянии — после этого одного дня передышки, повторяю, я должна начать сначала и прочитать 600 страниц бесстрастных гранок. За что, ну за что? Больше никогда, больше никогда. Сначала полностью покончу с этим, а уж потом возьмусь за «Две гинее» и одновременно стану заниматься Роджером. Если серьезно, то думаю, это мой последний «роман». Но тогда придется всерьез заняться критикой.

Четверг, 11 июня

Лишь сейчас, через два месяца, я в состоянии сделать эту краткую запись, чтобы сказать — позади осталась двухмесячная ужасная, хуже, почти катастрофическая болезнь — еще никогда я не была так близка к обрыву после 1913 года — и вот я опять победила. Мне надо переписать, то есть вставить или убрать отдельные слова, почистить «Годы» в гранках. А я не могу. Работаю от силы час. Но какое блаженство вновь стать хозяйкой своего

* Центральная улица Лондона.

рассудка! Вчера вернулись из Родмелла (Монкс-хаус). Теперь собираюсь жить как кошка, наступившая на яйца, пока не прочитаю все 600 страниц. Думаю, у меня получится — думаю, получится — мне лишь нужно побольше храбрости и бодрости, чтобы не сбиться с пути. Как я уже сказала, я в первый раз пишу по доброй воле после 9 апреля, когда слегла в постель; ездила в Корнуолл — об этом ни слова; потом вернулась; виделась с Элли; потом в Монкс-хаус; вчера домой на двухнедельное испытание. Кровь бросилась мне в голову. Сегодня утром писала 1880 год.

Воскресенье, 21 июня

После недели ужасных мучений — утренних пыток — я не преувеличиваю — боль в голове — ощущение абсолютного отчаяния и провала — в голове, как в носу после сенной лихорадки — опять прохладное тихое утро, облегчение, передышка, надежда. Только что написала о Робсоне: думаю, неплохо. Живу стесненно, подавленно; не могу делать записи о своей жизни. Все спланировано, никого чужого. На полчаса я спускаюсь; потом иду наверх, в отчаянии; ложусь; гуляю по Площади; возвращаюсь и делаю еще десять строчек. Вчера была в палате лордов. Вечное чувство, что надо подавлять себя, держать под контролем. Вижу людей, которые лежат на диване между чаем и обедом. Роза М., Элизабет Боуэн, Несса. Вчера вечером сидела на Площади. Смотрела на шумящие зеленые листья. Гром и молния. Фиолетовое небо. Н. и А. спорят 4/8 времени. Мимо крадутся кошки. Л. обедает с Томом и Беллой. Очень странное, на редкость замечательное лето. Новые эмоции: покорность; бескорыстная радость; литературное отчаяние. Я учусь моему искусству в самых неприятных условиях. Читаю письма Флобера, слышу свой крик: о искусство! Терпение: пусть оно утешает, увещевает. Я должна спокойно и уверенно формировать свою книгу. Она не выйдет до будущего года. И мне кажется, я использовала не все возможности. Стараюсь одной фразой дать четкий портрет персонажа; укоротить и ужать сцены: заключить все в определенную среду.

Вторник, 23 июня

Хороший день — плохой день — так и идет. Немногих писательство мучает, как меня. Флобера, наверное, мучило. И все же

я поняла, как сделать книгу. Думаю, смогу закончить, если у меня хватит храбрости и терпения спокойно прочитать все сцены; соединить их; думаю, может получиться хорошо. А потом — ох, когда я закончу ее!

Сегодня не очень ясно, потому что я была у дантиста, а потом делала покупки. Мой мозг похож на весы: небольшой перевес, и чаша идет вниз. Вчера обе чаши висели ровно, а сегодня одна внизу.

Пятница, 30 октября

Я вовсе не собираюсь перечислять все, что произошло за минувшие месяцы. Не хочу по причинам, которые теперь не могу открыть, анализировать прошедшее необычное лето. Полезнее и здоровее для меня сочинять сцены; надо взять ручку и описать реальные события; кстати, это хорошая практика для моего неловкого и неуверенного пера. Могу ли я еще «писать»? Вот в чем вопрос. И теперь я постараюсь понять, мой дар умер или просто спит.

Вторник, 3 ноября

Чудеса еще случаются — Л. в самом деле понравились «Годы»! Он считает пока — до ветреной сцены, — что эта книга не хуже любой другой из моих книг. Я запишу реальные факты. В воскресенье начала читать гранки. Когда дочитала до конца первой части, впала в отчаяние; оцепенелое тяжелое отчаяние. Вчера заставила себя дочитать до Наших Времен. Когда дошла до этой вехи, то сказала: «К счастью, это так плохо, что не о чем говорить. Я должна отнести гранки, как дохлую кошку, Л. и сказать ему, чтобы он сжег их, не читая». Так я и сделала. У меня словно груз с плеч. Это правда. Я почувствовала вдруг, что свободна от жуткой тяжести. Стоял холодный, сухой, сумеречный день, и я отправилась через кладбище, где могила дочери Кромвеля, через Грейс-Инн по Холборн-стрит и вернулась домой. Я больше не была Вирджинией, гением, но была совершенно довольной — как это назвать — духом? телом? И очень усталой. Очень старой. Но в то же время довольной, что разделила эти 100 лет с Леонардом. Итак, мы были несколько скованы за ланчем; печальное одобрение; и я сказала Л., напишу Ричмонду и попрошу книги на рецензию. Гранки будут стоять, скорее все-

го, где-то между 200 и 300 фунтами, которые я заплачу из своего кармана. Поскольку у меня еще есть 700 фунтов, останется чепыреста. Это не очень приятно. Но Л. сказал, что я, по его мнению, не права насчет книги. Потом приехали незнакомые люди: мистер Мамфорд с волосами цвета красного дерева, худой, с очень тяжелым баулом и тростью, которого я проводила курить в гостиную; мистер —, очень большой и тучный, который сказал: «Прошу прощения», — и постучал в дверь. Лорд и леди Сесил позвонили и пригласили нас на ланч, на который также приглашен испанский посол. (Я берусь за «Три гиней».) После чая мы отправились на книжную выставку «Санди таймс». Книг там было много! Я чуть не умерла — бесконечно устала! Подошла мисс Уайт, энергичная маленькая женщина с веселым деревянным лицом, и стала рассказывать о своей книге и откликах на нее. Потом Урсула Стрэчи покинула Даквортов и тоже подошла к нам: «Вы меня помните?» И я вспомнила залитую лунным светом реку. Потом Роджер Сенхаус тронул меня за плечо. Мы пошли домой, и Л. читал, читал и ничего не говорил: я совсем расстроилась; однако подумала, что можно написать «Годы» совсем иначе, — придумала план для другой книги — ее надо сделать от первого лица. Подойдет ли это для книги о Роджере? — и я опять впала в ужасное состояние, когда голова горит огнем и нестерпимо хочется спать, словно кровь не поступает в голову. Неожиданно Л. отложил гранки и сказал, что, по его мнению, это невероятно хорошо — так же хорошо, как все остальное. Теперь он читает дальше, а я, устав от писания, собираюсь читать итальянскую книгу.

Среда, 4 ноября

Л., который дочитал до конца 1914 года, все еще считает книгу хорошей; очень странно; очень интересно; очень грустно. Мы обсуждали мою грусть. Трудность в том, что я не могу ему поверить. Вполне возможно, что я преувеличиваю недостатки романа, тогда как он, обнаружив, что роман не так уж плох, преувеличивает его достоинства. Если его публиковать, то нужно немедленно садиться за правку; а я не могу. Каждое второе предложение кажется мне плохим. Но я ни о чем не спрашиваю, пока он не закончил чтение, а это будет сегодня вечером.

Четверг, 5 ноября

Чудо свершилось. Л. закончил читать в двенадцать ночи и не мог говорить. Он был в слезах. Он сказал, что это «великолепная книга» — ему она нравится больше, чем «Волны», — у него ни малейшего сомнения в том, что ее надо печатать. Я — свидетель не только его чувств, но и его погружения в книгу, я видела, как он читал и читал, поэтому не могу сомневаться в его мнении. А как насчет меня самой? В любом случае, момент был божественный. Я не совсем понимала, стою я на ногах или на голове, так поразительно было полное изменение в настроении, мучившем меня со вторника. Никогда прежде ничего подобного не испытывала.

Понедельник, 9 ноября

Я должна принять несколько решений насчет книги. Это очень трудно. Опять отчаяние. Мне она кажется плохой. Остается лишь положиться на вердикт Л. Я сбита с толку; попыталась ради успокоения взяться за статью; воспоминания; отрецензировать книгу для «Лиснер». Мысли начинают бежать вскачь. А я должна сфокусировать их на «Годах». Надо прочитать гранки — отослать их. Утром мне нельзя отвлекаться. Думаю, единственный выход — читать гранки, а потом позволять себе что-то другое между чаем и обедом. Но все утро не отвлекаться от романа — совсем не отвлекаться. Если глава трудная, концентрироваться на короткое время. Потом писать в дневнике. Но не влезать в другие работы до чая. Когда все закончится, можно будет спросить мнение Моргана.

Вторник, 10 ноября

В целом сегодня утром дело шло лучше, чем обычно. Правда, голова устает от работы и уже через час начинает болеть. Приходится баловать голову и нежно возвращать ее к работе. Да, думаю, это хорошее, но очень трудное чтение.

Интересно, кто-нибудь мучился так из-за своей книги, как я мучаюсь теперь? Когда «Годы» выйдут в свет, я и не взгляну на них. Это как долгие роды. Как только вспомню о прошедшем лете, о каждодневной головной боли; сразу заставляю себя идти в ночной рубашке в свою комнату и ложусь после каждой страницы; и все время уверенность в провале. Сейчас, к счастью, эта

уверенность несколько померкла. Сейчас мне кажется, когда я избавлюсь от него, мне будут безразличны любые отзывы. И еще мне почему-то кажется, что меня уважают и любят. Однако это всего лишь туманная пляска иллюзий, то они есть, то их нет. Больше никогда не буду писать длинных книг. Все же, наверное, я напишу еще одну книгу прозы — в которой форму будут определять отдельные сцены. Но я устала сегодня утром: слишком большая гонка и большое напряжение вчера.

Понедельник, 30 ноября

Каково бы ни было мое мнение, нет нужды мучиться из-за романа. «Годы», кажется, подходят к концу. В любом случае это напряженная, реальная, требующая усилий книга. Только что закончила ее и чувствую себя несколько опустошенной. Конечно же, она отличается от других: в ней, мне думается, более «реальная» жизнь; больше крови и мяса. В любом случае, даже если в ней есть ужасные водянистые куски и у нее скучное начало, у меня нет оснований дрожать по ночам. Думаю, что могу чувствовать себя уверенно. Это я говорю искренне сама себе; чтобы поддержать себя в тягостном многонедельном ожидании. Мне, в общем-то, все равно, что скажут другие. На самом деле я поздравляю чудовищно измученную женщину, себя, у которой так часто болела голова; которая была совершенно убеждена в провале; ибо, несмотря ни на что, она довела книгу до конца и достойна поздравлений. Понятия не имею, как ей это удалось с ее-то головой, похожей на старую тряпку. Теперь отдых; и Гиббон.

Четверг, 31 декабря

Передо мной лежат гранки — верстка — их надо отправить сегодня, а у меня такое чувство, что я должна взять в руки что-то вроде жгучей крапивы. Даже писать об этом не хочется.

Последние несколько дней мной владеет блаженная легкость — с книгой покончено, — какой бы хорошей или плохой она ни была. Должна сказать, что впервые после февраля мой мозг, словно дерево, выпрямился, сбросив с себя тяжкий груз. Я погрузилась в Гиббона и читала, читала, кажется, впервые после февраля. Теперь о событиях, удовольствиях и вообще обо всем. Мне удалось сделать несколько интересных и, возможно, цен-

ных записей, совершенно необходимых для работы. Всегда, что-то заканчивая, я не уверена, будто обязательно надо интенсивно, не отвлекаясь, писать очередную длинную книгу: я хочу сказать, если в будущем вновь возьмусь за такое — в чем сомневаюсь, — то заставлю себя переключаться на маленькие статьи. В любом случае, сейчас я не хочу думать о том, могу ли я писать? Пора предаться самонеуверенности и работе; сначала Гиббон; потом несколько маленьких статей для Америки; потом Роджер и «Три гиней». Что из этих двух окажется вначале, как все получится, не знаю. Даже если «Годы» плохой роман, все равно я много думала и накопила кое-какие идеи. Не исключено, что я вновь на подъеме и мне надо быстро написать две-три маленькие книжки; а потом опять перерыв. По крайней мере, я чувствую себя достаточно мастеровитой, чтобы продолжать свое дело. Никакой пустоты. В доказательство этого пойду за своими заметками о Гиббоне и возьмусь за подробный план статьи.

Четверг, 28 января

Погрузилась еще раз в счастливый и беспорядочный сон: то есть начала сегодня утром «Три гиней» и не могу остановиться, не думать об этом. Планирую писать сейчас, без особых размышлений, и вчерне закончить, возможно, к Пасхе; однако я позволю себе, заставлю себя написать небольшую заметку или две, в перерывах.

Закончила 12 окт. 1973 г. (вчерне)

Потом надеюсь одолеть ужасное 15 марта; получила сегодня телеграмму, что «Годы» не добрались до Америки. Я должна укрепить себя против погружения в болото. И пока, насколько могу судить, мой метод более чем эффективен.

Четверг, 18 февраля

Уже три недели пишу «Три гиней» и написала 38 страниц. Кажется, на данный момент исчерпалась и хочу несколько дней заниматься чем-нибудь еще. Чем? Не могу придумать.

Суббота, 20 февраля

Я отворачиваюсь от «Пресс», когда иду наверх, потому что там все экземпляры романа «Годы» для газет. Они будут разосланы на следующей неделе, и это мой последний относительно мирный уикенд. Что же я с ледяной расчетливостью предвижу? Думаю, мои друзья сделают вид, что не заметили книгу; будут неловко переводить разговор на другое. Думаю, могу предсказать вялые отклики дружественных рецензентов — почтительную прохладу; победные кличи краснокожих индейцев, то есть Григов, которые радостно и громко объявят, что это затянутое пустословие чопорного ханжеского буржуазного ума и никто больше не принимает миссис В. всерьез.

Думаю, я жду, что они скажут — теперь, мол, миссис В. написала длинную книгу ни о чем.

Однако их напор меня не волнует. Больше всего я буду нервничать из-за неловкости, с какой меня станут принимать в Тилтоне или Чарльстоне, как там станут подбирать не идущие на язык слова. А поскольку мы никуда не тронемся до июня, то я получу полное представление о том, какой удушливой может быть атмосфера. Они скажут, что это книга уставшего человека; последняя попытка... Ну что ж, теперь, когда это написано, я чувствую, что вполне могу существовать в тени. То есть погружившись в работу. А работы у меня предостаточно. Вчера мы с Нессой обсуждали книгу с картинками, скажем, к праздникам; мы готовы сами выпустить 12 литографий к Рождеству. Тем временем позвонила Марджери Фрай и попросила меня повидаваться с Джулианом Фраем для книги о Роджере. Это начинает давить на меня. Кстати, Л. хочет получить «Три гиней», если возможно, к осени; а у меня мой Гиббон, мое радио, возможно, «Биография» ради денег. Я планирую быть вне литературного круга, пока не уляжется шум. Но ожидание, если подумать, самое худшее. Ровно через месяц я буду чувствовать себя свободной. Сейчас у меня волнение лишь из-за теперь и потом.

Воскресенье, 21 февраля

Я опять переключилась после пяти дней перерыва (писала «Лица и голоса») на «Три гиней»: мне даже удалось прибавить скорость, так как поначалу я тащилась вперед отвратительно медленно, и теперь надеюсь развернуться вовсю. Удивительно, как это другие быстро преодолевают переходы от одного к другому. День на редкость тихий — вчера никого не видела; я отправилась на Шотландский рынок, но не смогла отыскать, где продают ложки; купила желтые перчатки за три шиллинга и чулки за один шиллинг, после чего вернулась домой. Опять начала читать по-французски: «Мизантропа»* и воспоминания Колетт, которые мне дала Джейни прошлым летом, когда я была не в себе и не могла ни на чем сосредоточиться. Сегодня рецензенты (о, ч.....ски дурацкая мысль) вонзают в меня зубы; но плевать мне вещь у меня перина из гусяного пуха и все прочее. Правда-правда-

* Пьеса Мольера.

да, стоит мне войти в ритм «Трех гиней», и, не сомневаюсь, я буду видеть лишь блеск белых перил и тяжело шагать в узилище.

Воскресенье, 28 февраля

Я настолько поглощена «Тремя гинеями», что едва урываю время для этой записи. (Вот опять положила ручку и задумалась о следующем параграфе — университеты) — как перекинуть мостик к профессиям и так далее. Плохая привычка.

Воскресенье, 7 марта

Как будет видно на последней странице, моя душевная температура подскочила вверх; не знаю почему, разве что я набрала хорошую скорость с «Тремя гинеями». Неделя была тяжелая, и теперь надо ждать удара. Уверена, мне сильно достанется; но в то же время я убеждена, что удар не будет фатальным: то есть книгу наверняка охают, но и слегка похвалят; суть же в том, что я знаю, в чем ее «беда», и эта «беда» не случайная.

Мы продали по предварительной подписке 5 300 экземпляров.

Еще я знаю, что у меня теперь есть своя точка зрения как у автора и как у человека. Как писательница я готова к еще двум книгам — к «Трем гинеям» и к книге о Роджере (не считая статей); в них суть и защищенность моей сегодняшней жизни, и этого не выбросить. Если честно, то я доказала это еще зимой. Я не играю. Честно, моя померкшая слава, сказывающаяся в отсутствии энтузиазма незнакомых людей по отношению ко мне, на самом деле дает мне возможность спокойного созерцания. К тому же мне нравится быть в стороне. Я никогда не искала чужого общества. Короче говоря, я защищена и буду смело смотреть вперед — после непереносимых метаний и смятения в следующие десять дней — на медленные темные плодоносные весну, лето и осень. Надеюсь, все установлено раз и навсегда. И, пожалуй, вспомни об этом в пятницу, когда придут рецензии.

Пятница, 12 марта

Вот уж облегчение! Л. принес мне в постель «Lit. Sup.», сказав: вполне сносно. Так и есть. «Тайм и Тайд» считает меня перво-классной романисткой и великой лирической поэтессой. Мне уже не хочется читать рецензии; чувствую себя как в тумане, значит, это не чепуха; книга произвела впечатление. Однако ни

в коей мере не то впечатление, которого я добивалась. Тем не менее, дорогая, я пережила долгую агонию и теперь свободна, совсем свободна, кругом свободна; и могу идти дальше. Перестань победно кричать и радоваться. Пора в Монкс-хаус. Сегодня Джулиан. Пользуюсь последними пятью минутами перед ланчем, чтобы записать, что, хотя я счастлива и теперь уж точно избежала унижения и раздражения и отчаяния, грозивших мне последние несколько недель, и избегу их в ближайшем будущем, я опять нагроулила себя «Тремя гинеями», которые даются мне трудно и напряженно. Итак, я опять тащу телегу по ухабистой дороге. Отдыха, полагаю, не предвидится; и нет ощущения, что все закончилось. Всех нас ведет инстинкт, и мы не можем жить без мучений. Итак, «Годы» окончательно покидают мои мысли.

Воскресенье, 14 марта

Я в жутком волнении из-за двух колонок в «Обсервер», восхваляющих «Годы» так, что я не могу, как хотела, продолжать «Три гиней». Почему именно теперь я бездельничаю и с удовольствием думаю о людях, читающих эту рецензию? Как только вспомню об ужасе, который я пережила в этой комнате всего лишь год назад... когда мне пришлось в голову, что моя трехлетняя работа ничего не стоит, и потом, едва подумаю обо всех тех утрах, когда я спотыкалась, кромсала гранки, писала три строчки и отправлялась в спальню, ложилась в постель — это было худшее лето в моей жизни и в то же время самое яркое — не удивительно, что у меня дрожат руки. Но больше всего меня радует очевидность — если уж де Селинкур увидел — найденное в «Годах» не надо выкидывать или забывать, как я боялась. «T. L. S.» считает, что я написала лебединую песнь среднего класса: серию отдельных впечатлений; но не отрицает, что это творческая и конструктивная книга. Я пока еще не читала; но там точно указано на несколько ключевых фраз. А это значит, что будут дискуссии; это значит, что «Три гиней» надо ковать, пока горячо; лишь бы мой тщательно продуманный план выдержал натиск жизни и т.д., но я в него верю. Хотя эта вера тоже великое открытие для меня.

Пятница, 19 марта

Теперь одно из самых странных впечатлений — «они» едва ли не хором говорят, что «Годы» — шедевр. «Таймс» говорит так.

Бани*, etc.; Говард Спринг. Если бы кто-нибудь сказал мне, даже неделю назад, не говоря уж о шести месяцах, что я напишу такое, я бы подпрыгнула, как подстреленная олениха. Настолько невероятным, нелепым это было!

Кое-что о шедевре и о том, что миссис В. может дать нам больше любого из ныне живущих романистов... удивительная плодовитость.

Хвалебный хор начал петь вчера: кстати, я гуляла в Ковент-Гарден и дошла до Святого Павла, К. Г.**; в первый раз, послушала, как старая уборщица поет, протирая кресла; потом пошла к Бернетам, выбрала газету; купила «Ивнинг стандарт» и обнаружила, что здесь меня славят так же, как я прочитала в метро. Спокойное удовлетворенное чувство, слава; к тому же я теперь так закалена, что не думаю, будто лесть могла бы меня расстроить. Пора снова браться за «Три гиней».

Суббота, 27 марта

Нет, я не собираюсь прихорашивать Гиббона — доведу статью до тысячи слов. Надо слишком много резать, а у меня на это не настроены мозги. Другое дело писать: горит камин, холодное ясное пасхальное утро; неожиданные лучи солнца; рано поутру россыпь снега в горах; неожиданно налетают бури, чернильно-черные, словно постарался осьминог; грачи беспокойно долбят своими клювами вязы. Что до красоты, то, как я всегда говорю, гуляя по террасе до завтрака, ее тут слишком много для одной пары глаз. Ее тут достаточно, чтобы осчастливить все население, если бы оно обращало на нее внимание. Странное сочетание сада с церковью; крест на церкви чернеет на фоне Ашем-Хилл. Здесь случайно собрались вместе все элементы английскости. Мы приехали в четверг, собирались в Лондоне в спешке; на дороге было много машин: вчера наконец полная свобода от телефонов и рецензий, никто не звонил. Я начала читать «Лорда Ормонта и его Аминиту»*** и обнаружила такую богатую, такую непростую, такую живую, такую мускулистую прозу после чахлой бледной литературы, к которой привыкла, что, ах, мне вновь захотелось сочинять художественную прозу. Мередит недооценен. Мне нра-

* Дэвид Гарнетт.

** Кенсингтон Гарденс.

*** Один из последних романов Джорджа Мередита (*Прим. переводчика*).

вится его попытка избежать примитивного повествования. К тому же у него есть юмор и пронизательность тоже — больше, чем принято считать теперь. Еще Гиббон. Дел у меня хватает, и я заканчиваю писать во избежание неприятного гула в голове.

Пятница, 2 апреля

До чего же мне интересно с самой собой! Вполне восстановила силы и оживилась сегодня после того, как была совершенно потрясена в пятницу пощечиной Эдвина Мюира в «Лиснер» и Скотта Джеймса в «Лайф энд Леттерс». Оба оскорбили и унизили меня: Э. М. заявил, что «Годы» разочаровали его как нечто мертворожденное. Примерно то же написал С.Джеймс. Все цвета померкли, тростник поник. Мертворожденное, обманувшее надежды — я разоблачена, рисовый пудинг получился именно таким, как я предполагала, — несъедобным. В книге нет жизни. Она гораздо хуже сочинений мисс Комптон-Бернетт с их горькой правдой и очевидной оригинальностью. Мне было больно, я проснулась в четыре часа, мучилась ужасно. Весь день, когда ехала к Джэнет и возвращалась домой, была мрачная, как туча. Но около семи часов туча начала рассеиваться; появился хороший отклик из четырех строчек в «Эмпайер ревью». Лучшая из моих книг; наверное, это помогло. Но не думаю, что только это. Удовольствие взорваться вполне реальное. Почему-то почувствовала себя сильнее; ироничнее; энергичнее; воинственнее; в большей степени, чем получая похвалы.

Суббота, 3 апреля

Передача на радио 29 апреля. Будет вот что: искусства слов не существует. Собираюсь пренебречь названием и говорить о словах: почему они не позволяют создать из себя искусства. Слова говорят правду; и в них не заложена польза. На самом деле есть два языка: художественный и фактический. Слова бесчувственны... — не приносят денег — требуют тайны. Почему? Из-за их объятий соревнование продолжается. Мертвое слово. Пуристы и не пуристы*. Они лишь впечатление, не утверждение. Я тоже почитаю слова. Слова могут убивать. Нам нетрудно придумы-

* Пуризм — чрезмерность требований к сохранению строгости нравов, к чистоте языков, консервативное ограждение от всего нового (*Прим. переводчика*).

вать новые слова. Сквиш сквэш; крик крэк. Однако мы не можем пользоваться ими на бумаге.

Воскресенье, 4 апреля

Еще одна странная идиосинкразия. Мэйнард считает «Годы» моей лучшей книгой: сказал, что одна сцена Э. и Кросби выше всего «Вишневого сада» Чехова — и это мнение, хотя оно из литературного центра и принадлежит очень умному человеку, волнует меня гораздо меньше, чем нападки Мюира, которые проникают внутрь медленно, но глубоко. Дело не в тщеславии; здесь другое чувство; и оно умрет, как только уйдет в прошлое этот номер «Лиснер». Л. уехал в Тилтон и там вволю наговорится с давними друзьями. Мэйнард сказал, что считает «Годы» очень трогательной книгой: более нежной, чем мои другие книги; «Годы» не озадачили его, как «Волны»; символизм не страдание; книга очень красивая, и в ней сказано ровно столько, сколько нужно было сказать; это моя самая человеческая книга; и самая бесчеловечная? Ох, забыть бы все это и писать — вот завтра и засяду.

Пятница, 9 апреля

«Такое счастье достойно жалости, ибо оно слепое». Правильно, но мое счастье не слепое. Это достижение, как я думала между тремя и четырьмя часами утра моего пятидесятилетия. Я лежала без сна, но такая спокойная и всем довольная, словно вышла из бурлящего мира в бескрайнее синее тихое пространство, где существовала с открытыми глазами, не доступная никакому злу; вооруженная против всего, что может посягнуть на меня. Никогда прежде со мной не происходило ничего подобного; однако нечто похожее я чувствовала несколько раз после лета: когда депрессия достигала своего предела, в те ночи в Монкс-хаус, когда я выходила из нее, когда откидывала одеяло и лежала в постели, глядя на звезды. Конечно, днем от этого не оставалось и следа, но ведь было же. И было вчера, после того как пришел старый Хью* и ни слова не сказал о «Годах».

* Вероятно, Хью Уолпол.

Монкс-хаус. Понедельник, 2 июня

Наконец-то пошли «Три гинеи» — после пяти дней тяжелой работы, переписывания, до какой-то степени переделывания; мои бедные старые мозги вновь загудели — в основном, как мне кажется, потому, что я вчера слишком долго гуляла, вот и результат — было очень жарко. Как бы то ни было, я должна использовать эту страничку как беговую дорожку — ибо мне нельзя нажимать на себя все три часа; я должна расслабиться и побегать тут около часа. Самое худшее — потеря времени. Что прикажете делать весь последний час утра? Опять Данте. Но у меня сердце прыгает от счастья при одной только мысли, что никогда больше мне не придется писать длинную книгу. Никогда. В будущем будут только короткие книги. Длинная книга все же не будет совсем забыта — ее эхо не стихает.

Понедельник 14 июня. Годы все еще ао главе списка.

Сказала ли я — нет, в Лондоне дни были слишком занятыми и слишком жаркими и не располагали к дневниковым записям — что Х.Брейс написал, как они счастливы, что «Годы» — бестселлер в Америке? Это было подтверждено моим положением во главе списка в «Gerald Tribune». Продали 25 000 экземпляров, без напряжения — мой рекорд.

(Теперь я мечтаю о «Трех гинеях».) У нас появилась мысль, если получим достаточно денег, купить пожизненную ренту. Как хорошо было бы не зарабатывать денег писанием.

Сомневаюсь, что мне удастся когда-нибудь сочинить еще один роман. Естественно, если только нечто вдохновит меня, как было с «Годами». Будь я другим человеком, я сказала бы себе: пиши, пожалуйста, критику; биографию; придумай новую форму и для того, и для другого; напиши еще что-нибудь совершенно новое: короткое, поэтичное.

Понедельник 12 июля. «Годы» все еще во главе списка и был всю неделю.

Судьбу не проведешь. Когда я сочиняла «Три гинеи» — надеюсь дописать, но еще не для публикации, в августе — я намеревалась отложить рукопись и взяться за Роджера.

23 августа. «Годы» на 2-3-м местах. 9 изданий.

Но сейчас мне кажется, что лучше месяц, июнь, вплотную поработать над «Тремя гинеями»; а потом читать и перечитывать заметки о Роджере.

Вчера, 22 октября, роман был последним в списке.

Кстати, меня не на шутку оскорбили в «Скрутини», назвав, как говорит Л., обманщицей в «Волнах» и «Годах»; чрезвычайно умно и высоко меня похвалил Ф.Фолкнер в Америке — вот и все.

(Я имею в виду, что это все, о чем мне стоило написать в отношении рецензий: предполагаю, что умному молодому человеку должно доставлять удовольствие разделяться со мной, — оно и правильно; однако лично Салли Грейвс и Стивену Спендеру роман нравится; итак, если суммировать, то я не знаю, какое на самом деле занимаю место, однако больше не собираюсь об этом думать. Гиббон был отвергнут «Нью рипаблик», так что в Америку я больше ничего не пошлю. И вообще не буду писать статьи, разве что для «Lit. Sup.», для которого собираюсь поработать над Конгривом.)

Вторник, 22 июня

Стыдно, конечно, писать тут, не взявшись за Конгрива. Но мои мозги после беседы с мисс Сартон, с Мюррей, с Энн вечером уже не работают, так что я не могу читать «Любовь за любовь»*. И за «Три гиней» не возьмусь до понедельника — пока не переведу дух. Потом профессорская глава; потом финал. Сейчас главная задача — отвести кровь от мозга в какую-нибудь другую часть тела — согласно предписанию Г.Николсона, которое совершенно справедливо. Мне бы хотелось написать фантастическую историю о вершине горы. Ну да! О лежании на снегу; о цветовых кольцах; о тишине; об одиночестве. Но я не могу. Однако в один из ближайших дней все же нырну ненадолго в этот мир. Ненадолго — это навсегда. Больше никакой долгой работы; если раскаляться, то ненадолго. Вот бы придумать другое приключение. Довольно странно, как я увидела это — вчера на Чэринг-Кросс-роуд — в книге: новая форма. Брайтон? Круглая комната на волноломе — люди делают покупки, теряют друг друга — эту историю Анджелика рассказала летом. Но как она пойдет одновременно с критикой? Я пытаюсь получить четырехмерный мозг... жизнь в соединении с литературными эмоциями. Дневная прогулка — приключение разума; что-то вроде этого. И бесполезно повторять мои прежние эксперименты: эксперименты должны быть новыми.

* Пьеса Уильяма Конгрива.

Среда, 23 июня

Трудно писать, прочитав «Любовь за любовь» — шедевр. Даже не представляла, как это хорошо. И не представляла, какую радость приносит чтение таких шедевров. Прекрасный и трудный английский язык! Да, всегда надо держать поблизости классика, чтобы не допускать промахов. Однако я не могу изливать тут свои чувства; они пригодятся завтра для статьи. И мне не по силам читать вирши бедняжки Розмари, что я собиралась делать сегодня вечером. Как мог L. S. в «D. N. B.»* отвергнуть любовь К.; боли в одной этой пьесе больше, чем во всем Теккерее; а грубость часто оборачивается честностью. Но довольно — когда я вчера отправилась за покупками, на охоту в Селфриджис, то начало немилосердно припекать, а я была в черном — этим летом удивительные перемены погоды — то и дело налетает буря и тебя то подмораживает, то поджаривает. Едва мне стукнуло 52, длинный шлейф беженцев — как караван в пустыне — потянулся по площади: испанцы бегут из Бильбао**, который пал, насколько я понимаю. На глаза мне навернулись слезы, но никто не удивился. Дети устало ташились за взрослыми; женщины были в дешевых лондонских жакетах и серых платках; молодые люди; все несли дешевые чемоданы и яркие синие эмалированные чайники, очень большие, и канистры, полученные в подарок от какой-нибудь благотворительной организации, — еле волокащая ноги процессия, изгнанная автоматами из Испании, чтобы теперь брести по Тависток-сквер, потом по Гордон-сквер, а потом? — с их постукивающими чайниками. Жуткое зрелище. Они, думаю, знали, куда идут, кто-то вел их. Один мальчик все время что-то говорил; другие были словно обращены внутрь себя, как часто бывает с изгнанниками. Очевидно, в этом причина, почему мы не можем писать, как Конгрив.

Воскресенье, 11 июля

Пропуск: не в жизни, а в записях. Каждое утро меня уносил с собой поток «Трех гиней». Но вряд ли они поспеют к августу. Я еще только в середине моего магического пузыря. Будь у ме-

* Название не установлено.

** Войска генерал А. Франко взяли Бильбао после продолжительной осады 1.04.1937—19.07.1937. 24 апреля 1937 г. немецкая авиация бомбила Гернику (Прим. переводчика).

ня время, я бы хотела описать необычный взгляд на мир — на бедный разорванный мир — взгляд, которым я пристально смотрю на него, стоит лишь преграде сделаться тоньше, — когда я устаю или меня отрывают от работы. Потом я вспомнила Джулиана, который сейчас где-то под Мадридом; и так далее. Маргарет Дэвис пишет, что Джэнет* умирает, и спрашивает, не напишу ли я о ней в «Таймс» — довольно странная мысль: как будто имеет значение, кто напишет и кто не напишет. Однако вчера я весь день думала о Джэнет. Мне кажется, писательство, мое писательство — вид спиритизма, а я — медиум.

Понедельник, 19 июля

Только что из Монкс-хаус, но не могу и не буду ничего писать — устала и возбуждена. К тому же вывернулась наизнанку — как могла, — чтобы написать что-нибудь о Джэнет для «Таймс». Ничего хорошего из этого не получилось: слишком сухо и манерно. Она умерла. Сегодня утром три записки от Эмфи (сестра Джэнет). Она умерла в четверг, закрыла глаза и «стала очень красивой». Сегодня ее кремируют; она напечатала небольшую траурную службу, оставив пустым место, где должна стоять дата смерти. Никаких речей: адажио из Бетховена и текст об искренности и вере, который я бы включила, если бы знала. Но какое значение имеет мое писание? Есть что-то четкое и целостное в памяти о ней, совершенное. Милой ветреной старушке Эмфи придется теперь учиться одиночеству. Для нас-то она останется легкомысленной и, тем не менее, очень трогательной, особенно ее фраза в письме, которую мне никогда не забыть, как она посреди ночи вбежала в комнату Джэнет и они мило провели время. Она всегда вбегала. Джэнет была стойкой и самоуглубленной, веровавшей во что-то, не совсем совпадающее с ортодоксальной верой. Но она на редкость не любила разговаривать. Никакого пристрастия к словам. Ее письма, кроме последнего, начинались словами: «Дорогая Вирджиния». Случайные прохладные слова. А я очень любила ее, еще когда жила в доме на Гайд-Парк-гейт; и меня бросало то в жар, то в холод, когда я собиралась на Уиндмилл-Хилл: воображаемая, она сыграла большую роль в моей жизни, пока воображение не стало частью литературной, а не реальной жизни.

* Джэнет Кейс.

Пятница, 6 августа

Неужели еще один роман выплывет наружу? А если да, то какой? На сегодня у меня есть только ощущение, что он должен состоять из диалогов, поэзии и прозы, но четко разделенных между собой. Больше никаких длинных замкнутых на себе романов. Но у меня нет порыва; надо ждать; не буду возражать, если импульса не будет вовсе; хотя подозреваю, что в один из ближайших дней все начнется сначала. Не хочу писать художественную прозу. Хочу попробовать несколько новых критических работ. Одно, думаю, уже ясно — я никогда не буду писать, чтобы «угодить», стать посвященной; отныне и навсегда я сама себе хозяйка.

Вторник, 17 августа

Сказать особенно нечего. Единственная жизнь, которую мне дарит это лето, у меня в голове. Вся ушла в работу. Три часа пробегают, как 10 минут, — переписываю «Герцогиню и ювелира»* для Чэмбрана, Н.-Й. Должна была послать заявку. Думаю, она не понравится. Однако было знакомое волнение, едва я взялась за эту маленькую экстравагантную штучку, — как мне показалось, большее, чем когда я пишу критику.

К счастью — если это правильное слово — я получила три электрических разряда — телеграммы с просьбами писать. Чэмбран предложил 500 фунтов за рассказ в 9000 слов. И я тотчас принялась сочинять приключение — десятидневное приключение — мужчина гребет, надев на руки черные вязаные чулки. Пишу ли я когда-нибудь, хотя бы здесь, для себя? А если не для себя, то для кого? Интересный вопрос.

Лондон. Вторник, 12 октября

Итак, мы опять на Тависток-сквер; и я не написала ни слова после 27 сентября. Это говорит о том, что каждое утро мой мозг доведен до предела «Тремя гинеями». Сегодня первое утро, когда я пишу в дневнике, потому что в двенадцать, то есть десять минут назад, я написала то, что считаю последней страницей «Трех гинеи». Ох, как я мчалась вперед все эти утра! «Три гинеи» не давали мне покоя, рвались наружу. Клянусь, это было похоже на проснувшийся вулкан. А теперь мой мозг тих и прохладен.

* Рассказ В. Вулф (Прим. переводчика).

Он уже отшипел — помнится, в Дельфах я думала об этом. А потом принудила себя включить это в роман. Да, на первом месте художественная литература. «Годы». Как же я старалась удержаться все время от той чудовищной депрессии и отказывалась, если не считать нескольких безумных записей, изливать ее на бумаге, пока «Годы» — ужасное бремя — не ушли от меня. И так, я заслужила этот галоп. И время и мысли я тоже заслужила. Но как мне понять, хорошо это или плохо? Нужны еще библиография и примечания. А пока неделя передышки.

Вторник, 19 октября

Это неожиданно пришло мне в голову вчера вечером, когда я читала «Охоту»* — историю, которую должна послать в Америку (Х. Б.**), — я увидела форму нового романа. Сначала надо заявить тему; потом еще раз заявить тему; и так далее; повторяя одну и ту же историю; отбирая то одно, то другое, пока не будет заявлена главная тема.

Это можно использовать и в моей критической книге. Но пока я не знаю как, ибо мой мозг совсем измучен, но я стараюсь понять. А случилось вот что: когда я закончила «Охоту», то подумала, вот женщина вызвала такси и собирается встретиться, скажем, с Кристабель на Тависток-сквер, которая вновь рассказывает ту же историю; или я сама выкладываю идею, рассказываю историю; или я найду еще одного персонажа в «Охоте», о чьей жизни я рассказываю; однако все сцены должны быть под контролем и расходиться от центра. Думаю, такая идея могла бы подойти; но надо работать как бы короткими вспышками; это будет маленькая и концентрированная книга; в ней могут быть самые разные настроения. Возможно включить кое-что из критики. Надо придержать эту идею на год-два, пока я работаю над книгой о Роджере, etc.

* Рассказ В. Вулф.

** Харкорт Брейс.

Воскресенье, 9 января

Ничего, я заставлю себя начать этот проклятый год. Во-первых, я «закончила» последнюю главу «Трех гиней» и, во-вторых, не знаю, такого никогда не было, в котором часу закончила писать.

Пятница, 4 февраля

У меня десять минут. Л. всерьез одобряет «Три гиней». Считает, что книга представляет собой в высшей степени ясный анализ. В целом я довольна. Здесь не нужны чувства, ибо, как говорит Л., это не роман. Все же, мне кажется, книга могла бы иметь больше практической ценности. Но я здесь гораздо бесстрастнее, это правда; думаю, здесь больше техники и книга не подействует на меня так, как обычно действуют романы.

Понедельник, 11 апреля

Как бы то ни было, но первого апреля, насколько мне помнится, я начала писать книгу о Роджере и с помощью мемуаров добралась до Клифтона*. Здесь больше техники, чем чувств; но, полагаю, придется переписывать. Все же двадцать страниц есть, а ведь я долго не могла взяться. Удивительное утешение заниматься таким разумным сочинительством, снимая жуткое напряжение «Трех гиней». Надеюсь, что Л. будет больше меня хвалить. Впрочем, ему пришлось буквально проглотить записи. Подозреваю, что завтра гранки станут для меня холодным душем. Но я хотела — очень хотела — написать эту книгу; и у меня спокойное творческое настроение, словно я сказала моей книге: или бери меня, или поди прочь; с меня хватит; я свободна для

* Колледж в г. Бристоле, основанный в 1862 г. (Прим. переводчика).

новых приключений — в 56 лет. Вчера вечером опять начала придумывать: летний вечер; некая целостность; вот моя идея. Везде и всюду Роджер; во вторник Монкс-хаус, а потом inferнальная связка гранок. Интересно, права ли я, что в этом есть какой-то смысл — в «Трех гинях» — есть точка зрения; есть усердие, продуктивность; и временами «хорошо написано» (если иметь в виду технические проблемы — цитаты, аргументы), как в любом другом из моих более или менее бессвязных сочинений! Думаю, «Три гиней» лучше, чем «Комната Джейкоба»: эта книга, когда я ее перечитала, показалась мне немного эгоцентричной, манерной и эскизной; но у нее есть свое преимущество — скорость. Подозреваю, мои записи вульгарны и несколько навязчивы.

Вторник, 26 апреля

Мы отпраздновали Пасху в Монкс-хаус; однако солнце не появилось ни разу; было холоднее, чем на Рождество; недовольное небо со свинцовыми тучами; пронизывающий ветер; зимняя одежда; гранки; острое отчаяние; взнузданное, однако, божественной философией; радость от открытия «Пчел» Мандевиля (очень полезная книга; именно такая мне была нужна). Потом К*. звонит; чтобы предупредить нас: получили ли мы письмо от Пипси**?: Оттолин умерла. Ей сказали, что Пипси может умереть, и она умерла от шока; он просит вас написать о ней (с мистером Уиксом и мистером Масселлом, осматривавшими чердак на предмет устройства там комнаты). Итак, пришлось писать; неприятный шарик у меня в голове, и она кружится. Но все же, несмотря ни на что, я прикидываю новую книгу и молюсь, чтобы она не стала очередным тяжким грузом. Пусть она будет беспорядочной и экспериментальной; что-нибудь мне удастся выжать из себя утром, чтобы облегчить себе «Роджера»; никаких четких планов; призываю всю космическую беспредельность; приказываю своему уставшему и робкому мозгу взяться за другое — есть все части — и это не ненадолго. Чтобы порадовать себя, записываю: почему бы не «Пойнтсет-Холл***»; центр; вся

* Вероятно, Квентин Белл, сын Ванессы.

** Филипп Моррелл.

*** В дальнейшем «В антракте».

литература обсуждается не без легкого нелепого живого юмора; все, что приходит мне в голову; но «я» отвергнуто, и вместо него «мы». Кому в конце концов будет брошен вызов? «Мы»... состоит из множества разных вещей... мы — жизнь, искусство, заблудшие и бездомные — бессвязное противоречивое, но каким-то образом унифицированное целое — сегодняшнее состояние моего мозга? Англия; живописный старый дом — терраса, по которой прохаживаются няни — ходят люди — постоянные перемены и разнообразие от раскаленных страстей до обычного повествования, и факты — и заметки; и — нет, хватит! Мне надо читать «Роджера»; потом поминальная служба в память Отт, представление Т.С.Элиота по его нелепому требованию. 2.30 — у Мартина в Филдсе.

Похороны Оттолин. Ох, ох, все так вяло; все всхлипывают, что-то бормочут; суeta с сумками; шарканье ног; большая коричневая масса респектабельных дам из Южного Кенсингтона. Потом псалмы; священник с медалями на стихаре; оранжевые и голубые окна; игрушечный флажок Великобритании, торчащий из стены. Какое все это имеет отношение к Оттолин и к нашим чувствам? Разве что адрес пришелся к месту; критическое исследование, написанное в основном Филипом и прочтенное, с чувством, мистером Спиаитом, актером: здравая и светская речь, которая хотя бы заставила задуматься об ушедшем человеке, правда, упоминание о ее прелестном голосе напомнило о странном гнусавом стоне; тем не менее, и это было хорошо для снижения пафоса. Секретарь Ф. приколот мне бутоньерку и предложил сесть поближе. Доступ к скамье был прегражден дамой в мехах, которая сказала: «Я не могу пошевелиться». Вероятно, так оно и было. Я остановилась довольно далеко; однако достаточно близко, чтобы видеть спину Филипа в толстом пальто; его красную баранью голову, которой он вертел во все стороны, оглядывая ряды; я пожала ему руку, симулируя, боюсь, больше чувства, чем испытывала на самом деле, когда он спросил, понравился ли мне адрес, а потом медленно двинулся к ступеням — мимо Джека и Мэри, Стерджа, Муров, Молли и т.д.; у Гертлера слезы стояли на глазах; слуги; вперед выбилась леди Оксфорд, которая была тверда, как тяжелый габардин; с прямой спиной; с немного рассеянным взглядом, несмотря на косметику, благодаря которой

у нее блестели глаза. Она сказала, что дружески пеняла Отт на ее голос; но лишь из любви. И все-таки чудная женщина. Скажите, почему же тогда все друзья с ней перессорились? Пауза. Она была *exigeante**, осмелился наконец произнести Дункан**. Марго перестала расспрашивать; перешла к историям о Симондсе и Джоуите, когда я с насмешкой заговорила о ее некрологе. Мой, написанный об Отт для «Таймс», не вышел, о чем я не очень сожалею...

Вчера шла по Далвич и потеряла брошку, когда, довольная, думала о том, что гранки прочитаны (26 апреля) и сегодня должны быть отосланы; больше я ничего не смогу исправлять. Чувствую себя совершенно свободной. Почему? Исполнила свой долг и ничего не боюсь. Могу делать все, что мне заблагорассудится. Больше я не знаменитая; не на пьедестале; за мной не охотится свет; отныне и навсегда — я сама по себе. Так я чувствую: ощущение пространства, словно надеваешь комнатные туфли. Почему это так, почему я чувствую себя вольной до самой смерти и не притворяюсь, когда говорю — эта книга плохая и не может вызвать ничего, кроме легкой насмешки; до чего же непоследовательная и эгоцентричная эта В. В. — почему, почему я не могу анализировать: сегодня взволнована.

Трудность в том, что я совсем погрузилась в мой фантастический «Пойнцет-Холл» и не могу заниматься Роджером. Что же делать? Все-таки это мой первый свободный день; и обо мне, то есть о моих «Трех гинейх», было довольно неловко извещено на первой странице нового надутого «Т. Л. S.». Ничего не поде-лаешь; но я должна держаться за свою «свободу» — та же таинственная рука достала меня около четырех лет назад.

Четверг, 5 мая

Льет как из ведра; всюду сырость; самая ужасная весна, какую я помню; ручки исчезли, даже новая коробка; глаза болят из-за Роджера, и мне немножко страшно, ведь впереди тяжелая работа. Надо как-то уменьшать и разрыхлять текст; я не могу (помню) делать из этого длинное тщательное подробное исследование; позднее он должен стать более общим и летящим.

* Требовательная (*фр.*).

** Дункан Грант.

А как поступить с письмами? Нельзя же уходить от реальных фактов, противореча моей теории. Проблема. Но я убеждена, что не могу, физически, следовать портрету Р. А. Мне нечего прибавить к этой заведомой лжи?

Четверг, 17 мая

Сегодня у меня приятное утро, так как леди Рондда написала, что получает большое удовольствие от моих «Трех гиней» и очень тронута ими. Тео Бозанкет, которой был послан экземпляр для рецензирования, читает ей вслух отдельные куски. Она уверена, что книга очень значительная, и называет себя благодарным профаном. Хорошее начало; значит, книга волнует людей; заставляет задуматься; ее обсуждают; и не растащат по мелочам. Итак, леди Р. уже в какой-то степени на моей стороне; правда, поскольку она в высшей степени патриотична и у нее очень развито гражданское чувство, то, возможно, ей захотелось поспорить. Неизвестно, сколько еще всколыхнется чернильниц — я, мрачная и застывшая в последние недели, безразличная; и рассеянная, если учесть то напряжение и то волнение, с какими (правда) я писала книгу. Неизвестно, вспыхнет ли пожар в Европе. Еще один выстрел в полицейского, и немцы, чехи, французы вновь начнут весь этот ужас. Четвертое августа* может наступить на следующей неделе. Сейчас затишье. Л. говорит, К. Мартин говорит, мы говорим (премьер-министр)** , что на сей раз война неизбежна. Гитлер жует свои ошетилившиеся усики. Все трепещут, и моя книга может стать вроде мотылька, танцующего над костром, — еще мгновение, и он сгорит.

Пятница, 20 мая

Пора описать мои ожидания, страхи и так далее до публикации — как будто 2 июня — «Трех гиней»; я не делала этого, потому что живу в солидном мире Роджера и (вновь сегодня утром) в воздушном мире «Пойнцет-Холла» и больше ни о чем не думаю. Не хочу думать. Больше всего я боюсь внешнего очарования и пустоты. Боюсь, что книга, которую я писала, изо всех сил

* Четвертого августа 1914 г. Великобритания объявила войну Германии (*Прим. переводчика*).

** М.А. Чемберлен (*Прим. переводчика*).

стараясь отделаться от невыносимой тяжести, не возмутит даже поверхность. Вот чего я боюсь. А еще мне неловко играть роль в публичной жизни — боюсь рассказывать автобиографию на публике. Мои страхи перевешиваются (и это правда) отвоеванными миром и покоем, и я радуюсь этому. Нет больше ни прежнего отравления, ни прежнего возбуждения. Но и это не все. Избавившись от них, мой мозг компенсировался. Мне не нужно возвращаться и повторяться. Я — аутсайдер, любительница. Могу идти своим путем; по-своему экспериментировать с собственным воображением. Стая пусть воет, но ей никогда не догнать меня. И даже если стая — рецензенты, друзья, враги — не обращает на меня внимания, не глумится надо мной, я все равно свободна. Это реальный результат той духовной конверсии (здесь не место подбирать слова), случившейся осенью 1933 или 1934 года, — когда я бежала по Лондону, помнится, покупая великолепную посуду, в самом восторженном состоянии, возле «Блэкфрай-арс»*; когда я дала мужчине, который играл на арфе, полкроны только за то, что он поговорил со мной о своей жизни в туннеле метро. Приметы перепутались: Л. менее взволнован, чем я рассчитывала; Несса отзывается в высшей степени неопределенно; мисс Хепворт и миссис Николлс говорят: «Женщины многим обязаны миссис Вулф». Я же обещала Пиппе книги. Теперь к письмам Р. В Монкс-хаус сейчас холодно и гуляет ветер.

Пятница, 27 мая

Странно работать меньше чем вполсилы после прошедших месяцев крайнего напряжения. В результате каждый день пишу тут по полчаса. Перепечатаваю «Роджера»; потом напишу об Уолполе. Только что подписывала ярко-зелеными чернилами всякие письма. Однако не буду распространяться, как отвратительно делать то, что приходится делать. Благодарное письмо от Брюса Ричмонда, подводящее итог моему тридцатилетнему сотрудничеству с ним и с «Lit. Sup.». Мне всегда было приятно, когда Л. звал меня к телефону: «Тебя требует Главный Журнал!» И я бежала к телефону в Хогарт-хаус за едва ли не еженедельным указанием! Почти всему, что я умею, меня научил он: сокращать; оживлять; и еще я научилась читать с ручкой и блокнотом, все-

* Мост в Лондоне (Прим. переводчика).

рьез. Теперь надо ждать неделю — когда это закончится и внимание ко мне сойдет на нет. Не попророчествовать ли? В целом, будет больше горечи, чем радости; насмешки запоминаются крепче, чем энтузиазм леди Рондды. А насмешек будет много — будут и злые письма. Кто-то промолчит. А потом — через три недели, считая со вчерашнего дня — мы уедем. К седьмому июля, когда мы вернемся, — или раньше, потому что нам быстро надоедают отели — все будет кончено или почти все; а потом, думаю, года два я вообще не буду ничего публиковать, кроме американских статей. Но самое худшее — последняя неделя ожидания, правда, и она не так уж плоха — никак не сравнима с ужасом перед выходом романа «Годы» (тогда меня охватило мертвящее безразличие, до такой степени я была уверена в провале).

Вторник, 31 мая

Письмо от Пиппы. Ей нравится. Это последнее, что тяготило меня — и тяготило очень сильно, ибо я чувствовала, что если я написала все это, а ей не понравится, то мне придется довольно жестоко бороться с самой собой. Но она говорит, что это как раз то, о чем они мечтали; и яда больше нет. Теперь я могу спокойно отнестись к музыке, или ослиному вою, или гусиному крику рецензентов, и (честно) я даже ловлю себя на том, что время от времени забываю о близящемся конце недели. Никогда еще я не ждала рецензий в таком настроении. И мне все равно, что скажут мои кембриджские друзья. Мэйнард может насмехаться сколько хочет, мне нет до этого никакого дела.

Родмелл. Пятница, 3 июня

Сегодня выходят в свет «Три гиней». В «Lit. Sup.» две колонки и передовица; в «Рефери» известная черная женщина-адвокат объявляет сексуальную войну или что-то в этом роде. Этот день своим кудахтаньем почти не отличается от остальных дней, так что я спокойно занималась «Пойнтцет-Холлом»: даже не прочитала Р. Линда и не проглядела статьи ни в «Реф.», ни в «Таймс». Честное слово, с меня словно тяжесть свалилась, и я совершенно спокойна. Не хочу читать рецензии и выслушивать чужие мнения.

Интересно, почему? Потому что мне больше нравится общаться, чем писать поэму? Наверняка что-то в этом роде. К сча-

стью, между нами и грохотом 50 миль из войлока. Сегодня солнечный, теплый, сухой, по-настоящему июньский день, но позднее пойдет дождь. Ох, как мне понравилось, что «Lit. Sup.» заявил, будто я самый замечательный памфлетист в Англии. А еще — что эта книга, если отнести к ней всерьез, является знаком эпохи. А еще «Лиснер» считает меня на редкость честной и по-пуритански отказывающей себе в полетах. Но это почти все.

Как бы то ни было, наступил конец шестилетнего барахтанья, борьбы, отчаяния, немножко радости: если взять «Годы» и «Три гиней» и сложить их в одну книгу — оно так и есть. Теперь я вновь могу удалиться, чего мне очень хочется. Быть наедине с собой, в одиночестве, погруженной в себя.

Воскресенье, 5 июня

Это были самые легкие роды из всех. Не сравнить с «Годами»! Я проснулась, зная, что начнется тявканье, и тотчас забыла об этом. Вчера получила «Тайм и Тайд», и разные лондонские непонятности; сегодня — «Обсервер»: Селинкур. Ужасное обвинение. «Санди таймс», «Нью стейтсмен» и «Спектейтор» решили, вероятно, подождать до следующей недели. Температура держится на одной отметке. Я предсказываю большое количество писем во вторник вечером: некоторые будут анонимными и обидными. Но я добила своего; меня принимают всерьез, не отвергают как очаровательную болтушку, вопреки моим страхам. Вчера «Таймс» поместила параграф, озаглавленный «Миссис Вулф обращается к женщинам», это серьезный вызов, на который должны ответить все думающие люди — или что-то в таком роде: предвзято «Lit. Sup.»: пожалуй, ничего подобного еще не было, и тут кроются серьезные намерения.

Болдок. Четверг, 16 июня

Остановились разжечь трубку на Икнилд-Уэй, маленькой улочке с желтыми виллами. Святой Иаков. За Кройландом* величественный разрушающийся собор. Очень жарко; равнина; старик удит рыбу. Огромные пространства, выставленные напо-

* В Кройланде находятся руины монастыря бенедиктинцев, известного сохранившимися «Хрониками 1452—1485», с гибелью которого завершилась война Алой и Белой Роз (Прим. переводчика).

каз. Река поднялась выше дороги. Едем в Гейнсборо. Ланч в Питерборо; фабричные трубы. Ворота на железнодорожную станцию открыты; снова едем. Гейнсборо. Красный дворец в венецианском стиле поднимается среди бунгало в квадрате нескошенной травы. Высокие окна, покосившиеся стены. Лабиринт узких улочек. Станный забытый городок. Воскресенье в Хаустедсе*. Колючки; овцы. Стена и перед ней белоголовые мальчишки. Миля за милей бледно-лиловая лаванда. Одна едва заметная дорога красной нитью проходит по всему огромному пространству неухоженной пустоши. Сегодня сплошные тучи, хмуро и ветрено. Стена — как волна с острым гребнем, которая поднимается, прежде чем упасть и разбиться. Потом опять ровное пространство. Под гребнем болото. Ждем, когда прекратится дождь, потому что весь вчерашний день по стене гулял ветер и барабанил дождь. Теперь мы посреди пустоши в нескольких милях от Корбриджа** и опять ждем. Кругом тучи. Поют жаворонки. Ланч откладывается. Компания из девяти человек собралась на ланч в гостинице в Пиерсбридже. Ощущение такое, что местные жители явились на постоялый двор восемнадцатого столетия отметить спортивную победу. Дом шотландского священника, сад: очень солидный частный дом принимает пансионеров. Горячая ветчина, фрукты, настоящие сливки; окна смотрят на уродливую гряду. Сегодня с утра болотистый Уош***. Потом Пеннинские горы****. Они закутаны в душный туман. Поют жаворонки. Л. ищет воду для (спаниеля) Салли (она должна быть перед стеной). Воскресенье. Сидим на обочине дороги под Римской стеной*****, пока Л. чистит свечи зажигания. Я читаю греческие стихи в переводе и размышляю. Когда человек читает, его мозг напоминает пропеллер самолета, невидимый, быстрый и неосознанный — такое состояние достигается

* Хаустедс — в окрестностях находятся руины римского форта (Прим. переводчика).

** Город в Шотландии (Прим. переводчика).

*** Болотистый залив на Северном море (Прим. переводчика).

**** Горная цепь в Англии, начинается в графстве Дерби и тянется с юга на север (Прим. переводчика).

***** Римлянам не удалось покорить Шотландию и в конце концов они построили стену, впоследствии определившую границу между Англией и Шотландией (Прим. переводчика).

весьма редко. Неплохое оксфордское вступление, чтобы вступить в контакт, современное: ученое, все-таки Оксфорд. Ведомые общим чувством, коровы идут на вершину холма*. Все следом за одной. Ветер раскачивает машину. Слишком ветрено, чтобы лезть наверх и смотреть на озеро. Причина, почему холмы до сих пор Римские, — пейзаж вечен... что видели они, то вижу и я. Ветер, июньский ветер, вода и снег. Овцы на торфяных участках как жемчужины. Никакой тени, никакого укрытия. Римляне следят за границей. Никто не идет.

Вторник. Мы в Мидлотиане. Остановились, чтобы заправить машину. Едем в сторону Стерлинга. Шотландский туман ложится на деревья. Нормальная шотландская погода. Высокие холмы. Уродливые пуританские дома. Водолечебница, построенная 90 лет назад. Женщина окликнула нас и сказала, что в субботу видела миссис Вулф, гуляющую в Мелрозе**. Я ей привиделась, потому что меня там не было. Галашилс — фабричный город. Ужас. Обрывки разговоров, услышанные в водолечебном Мелрозе. Шотландские дамы с тихими голосами сидят возле окна на закрепленных за ними местах рядом с камином. «Я удивилась, что вы гуляете с зонтиком». Та, что вяжет: «Не знаю, смогу ли я отстирать это и надеть снова. Я работаю в грязи». Тут встречаю я: мы остановились в Драйберге и хотели бы пойти на могилу Скотта. Она находится под упавшим паланкином разрушенной часовни. Крыши пока хватает, чтобы прикрывать ее. Вот тут он лежит — сэр Вальтер Скотт, баронет. На коробке с шоколадным бланманже эти слова выведены большими буквами. Дама Шарлотта, которая похоронена рядом с ним, покрыта таким же шоколадом, видно, такой у него был вкус. Ему бы это понравилось. Аббатство впечатляет, по полю течет река. Кругом старые шотландские развалины. Я сорвала ветку белой сирени на память, но потеряла ее. Места вроде бы много, но Скотт зажат со всех сторон. Рядом полковник, в ногах Локхарт, его зять. Рядом Хэйг*, весь в темно-красных маках. Старые

* Помимо того, что на лугах Англии нередко можно увидеть коров, Оксфорд имеет значение «бычий брод» (Прим. переводчика).

** Развалины Мелроза находятся неподалеку от того места, где жил В.Скотт, и послужили декорацией для романа «Монастырь» (Прим. переводчика).

дамы обсуждают доктора Джона Брауна, чей брат имел практику в Мелрозе. Скоро у кого-то заболит голова, притупятся чувства. Кто-то съест слишком много кексов за чаем, а в семь обильный обед. «Я думаю, он очень мил — ее муж. Но она и сама личность. Очень приятный кр-у-уг. Где они живут? Уехали в Пертшир... У меня три петли лишних... Мисс Пис пошла в библиотеку со своим другом, хотела разжечь камин. Она не звонила в колокольчик? А вот и вы! (не поднимая глаз от вязания). Сейчас так много незанятых комнат. Два года назад исполнилось сто лет (Драйбергу?). Я тоже была. Служили службу — очень интересно. Все священники. Пятеро на возвышении. Возможно, там был и председатель городского собрания. В любом случае, было очень мило, и день выдался прекрасный, и народу пришло очень много. Птицы пели хором. День рождения Алана Хэйга. Служба была в Драйберге. Мне нравится Д. Я не бывала в Йедберге — там ужасно красиво». Нет, боюсь, мне не описать это. Старушки, которые сидят на диване, на самом деле не намного старше меня. Ну да, им лет по 65. «Эдинбург прелестен — мне он нравится. Мы должны уехать, прежде чем узнаем его. Надо уехать из того места, где родился. Тогда, если возвращаешься, все становится по-другому. Пусть на год — пусть на два. Я уеду (не отрываясь от работы) и посмотрю, что будет. В какую церковь вы ходите? В Шотландскую церковь — а не церковь святого Джайлса. Здесь был Трон. Мы ходим в церковь святого Джайлса. Был еще приход Святого Георгия — мой муж был старостой в приходе Святого Георгия, на Шарлоттсквер. Вам нравится Во? В общем нравится, но я не слышу его, какая жалость. У него очень емкие проповеди — из них нечего выбросить. Хор прекрасный. Свободное место мне не достанется, судя по всему. Я чувствую, как недостойно бегу с толпой. Толпа не добралась до меня — надо сидеть тихо — я присутствую на службе — я слышу молитвы, музыку молодых людей. Неплохо смотрелось, когда они шли из Чертополоховой часовни**. Они прошли мимо. Я встала и последовала за ними. Есть места,

* Фамилия, ассоциирующаяся с производством виски и насчитывающая больше 350 лет своей истории (Прим. переводчика).

** Чертополох — эмблема Шотландии (Прим. переводчика).

которые никто никогда не занимает, и чаще всего это лучшие места. Мне нравится церковь Святого Джайлса, здесь по-старинному красиво. Старая дама, чье место я заняла, сказала, что церковь вся обновлена. Это сделал Чемберс, а когда открывали церковь, для его семьи не нашлось места. Плохая организация. Кто-то все же усадил их. Глупо. Всегда какие-то изменения в верхах церковной иерархии. Мне нравится епископат. Если епископат, то пусть будет епископат, если Шотландская церковь, то пусть будет Шотландская церковь. Брат доктора Во в Данди. Ему нравится Роузнит. Кто-то сказал, что священник в Роузните очень деликатен».

Ветер в ярости; деревья стоят голые; пресные лепешки да еще голубая фунтовая банкнота — вот и все отличия. Гленкоэ. Грозное место. Зеленые горы, плывущие острова. Движущийся поток автомобилей; жителей нет, одни туристы... Полосы снега на Бен-Невисе. Море. Маленькие суденышки; ощущение Греции и Корнуолла. Желтые флаги и большие наперстянки; никаких ферм, деревень, коттеджей; мертвая земля кишит насекомыми. Старик, который не смог подняться со стула. Еще две женщины, у одной ноги вываливаются из туфель. Все переодеваются к обеду и сидят в гостиной. Хорошая гостиница в Крианларихе. Озеро с висящими сталактитами, зеленые деревья посередине. Холмы. Они словно покрыты зеленым плюшем. Бэннингтон из Итон-Плейс. Она отыскала вечнозеленое растение для своего свекра, ботаника. Небо светлеет в 11. Плохую рецензию о «Трех гинеях» написал Д.М.Янг. Мне было больно десять минут; и все. Лох-Несс проглотило миссис Хамбро. Она носила жемчужные украшения.

Устав от переписывания, я разорвала все, что оставалось, — урок на следующее путешествие, не делать карандашных заметок и не переписывать их. Потом пожалела. Гостиничные эксперименты Босуэлла. Женщина, чья бабушка работала у Вордсвортов, помнит его стариком в пальто в красную полоску, все время бормочущим стихи. Иногда он гладил детей по головам, но никогда не заговаривал с ними. А вот Х.Кольридж все время пила с мужчинами в пабе.

Четверг, 7 июля

Ох, до чего же трудно вернуться к «Роджеру» после того, как меня швырнуло к «Трем гинеям» и «П. Х.». Не могу сконцентрировать внимание на мелких подробностях в письмах. Сегодня утром заставила себя отправиться в Фэйлэнд 1888 года. Однако Джамбо (Марджери Стрэчи) вчера вечером вылила ушат холодной воды на идею биографии человека, у которого не было жизни. У Роджера, сказала она, не было жизни, о которой можно писать. Собственно, она права. А теперь я потею над подробностями. Все очень мелкое и накрепко увязано друг с другом — все задокументировано. Неужели писать в этом масштабе? Неужели таким он будет интересен людям? Думаю ничего не менять до моей встречи с ним в 1909 году, а потом попытаюсь написать что-нибудь более художественное. Но прочитать письма необходимо. Надо все время что-то чему-то противопоставлять. Моя точка зрения: его — одинакова с другими. А потом и его книги.

Суббота, 6 августа

Мне в общем-то нравится работать над «П. Х.» Что-то есть; но это никому не понравится, если даже прочитают. Энн Уоткинс, кстати, говорит, что читатели «Атлантик» недостаточно знают Уолпола, чтобы понять мою статью. Отказала.

Среда, 17 августа

Нет, не буду продолжать «Роджера» — сейчас мне нужны кровь и пот из старых статей — занимаюсь ими до ланча. Украду 25 минут. На самом деле я погружена в «Роджера». Разве я не сказала, что хватит? Разве Л. не сказал, что нет никакой спешки? Но мне уже 56; подумать только, что Гиббон позволил себе еще 12 лет жизни и умер внезапно. Почему на сворке всегда напряжение, гонка, принуждение? Я хочу лишь одного — сезон спокойной погоды. Размышлений. Иногда у меня это получается около трех часов ночи — я всегда просыпаюсь в это время, открываю окно и смотрю на небо поверх яблонь. Ночью был страшный ветер. Все виды сценических эффектов — деревья клонились чуть не до земли, потом небо очищалось, потом все начиналось сначала, после захода солнца пейзаж стал таким фантастическим, что Л. заставил меня посмотреть в окно ванной комнаты — буйство красных туч; беспросветность; словно

фиолетово-черная акварель, хрупкая, как лед; а потом полосы ярко-зеленого камня; синего камня и мерцание алого света. Нет: передать это невозможно; деревья в саду; отраженный свет; на краю обрыва раскаленные кочерги. Итак, за ужином мы говорили о нашем поколении и о возможности войны. Гитлер поставил под ружье миллион человек. Или это летние маневры, или?.. Гарольд*, выступая по радио в своей манере гражданина мира, намекнул на вероятность войны. Это будет полная гибель не только европейской цивилизации, но и нашего последнего убежища. Квентин призван на военную службу, etc. Люди стараются не думать об этом — вот и все. Продолжают рассуждать о новой комнате, о новом кресле, о новых книгах. А что еще делать комару, попавшему на острие травинки? Я тоже буду писать «П. Х.» и другие вещи.

Воскресенье, 28 августа

Ужасное лето. Ручьи сухие. Еще ни одного гриба. Воскресенье в Монкс-хаус — день, отданный на откуп дьяволу: собаки, дети, колокола... все идут на вечернюю молитву. Мне негде приткнуться. Совсем разбита после трех трудных игр в шары. Шары — наша мания. Чтение отодвинуто в сторону. Накрепко связана с Роджером: довела его, со всей возможной твердостью, до Америки. Теперь нырну в художественную прозу, потом сочиню главу, которая предварит перемену. Читательно ли это — и, господи помилуй, сколько еще будет чистки и ужимания. Динг-донг колокольчик... динг-донг — почему нам нравится жить в деревне? Ведь мы по своей воле отправились сюда! А они в любой момент могут навести на нас пушки и взорвать нас. Л. весь почернел. Гитлер лишь слегка придерживает своих псов. Один шаг — в Чехословакии* — как с австрийским эрцгерцогом в 1914 году — и опять будет 1914 год. Динг-донг, динг-донг. Все ушли гулять. Серый душный вечер.

Четверг, 1 сентября

Великолепный ясный сентябрьский день. Сибил грозитя обедом — но, возможно, оставит нас в покое, если ей удастся за-

* Гарольд Николсон.

** Речь шла о Судетской области (Прим. переводчика).

тащить к себе министра. Политика определяет наше время. Злая атака К.Ливиса на «Три гинеи» в «Скрутини». Но Ливис вроде бы не внушил мне вселенского ужаса. Да я и не прочитала его до конца. Однако это знак того, каких неприятностей мне ждать. Но там все личное — беды самого Куини и нападки на мое высокомерие. Не знаю, почему мне стали безразличны похвалы и ругань. Но это правда. Сегодня утром легкое разочарование в биографии Роджера: слишком подробная и плоская. Тем не менее, я должна взяться за нее завтра и, боюсь, отложить в сторону «П. Х.». Квентин заканчивает со столом. Мы решили оставить столешницу корнуоллского кремового цвета. Вчера я обнаружила новую дорогу к реке через Телскомбскую долину.

Итак, Куини была тотчас перечеркнута письмом от Джейн Уокер — тысяча благодарностей... «Три гинеи» должны быть прочитаны каждым англичанином и каждой англичанкой, etc.

Понедельник, 5 сентября

Странно в это прекрасное сентябрьское утро сидеть тут, читать о подробностях в отношениях Роджера и М. М. в Нью-Йорке, слушать топотание воробья на крыше, когда опять могло бы случиться 3 августа 1914 года*... Что принесет с собой эта война? Тьму, насилие; возможно, смерть. Ужас друзей; и Квентин: ...Все это там, на континенте, в мозгу смехотворного человека. Почему смехотворного? Потому что ничто не сходится: не соответствует реальности. Смерть, война и тьма — об этом ни капли не заботится ни один человек от мясника до премьер-министра. О свободе, о жизни тоже. Сон горничной, от которого мы очнулись, и памятник, воздвигнутый в честь погибших во время Первой мировой войны, напоминание нам о том, чем грозит война. Нет, у меня нет сил представить себе это в полной мере. Будь это реальностью, можно было бы что-нибудь сотворить. А так, пока это лишь бормотание, неясное, за пределами реальности. Мы можем сегодня вечером услышать его сумасшедший вопящий голос. Нюрнбергский сбор** уже начался:

* 3 августа 1914 г. итальянское правительство опубликовало декларацию о нейтралитете (Прим. переводчика).

** 12 сентября Гитлер произносит на партсъезде в высшей степени грубую и воинственную речь против чехов, и Чемберлен в срочной телеграмме просит у Гитлера разрешения приехать в Германию для переговоров (Прим. переводчика).

и продлится следующую неделю. Что будет с нами через десять дней? Предположим, мы проскочили, но ведь в любое мгновение может случиться непредвиденное, и тогда начнется кошмар. На сей раз все в напряженном ожидании. В этом разница. И так как мы все одинаково во тьме, то не можем разбиваться на кружки и группы; мы начинаем ощущать стадный инстинкт; все спрашивают: какие новости? Что вы думаете? Единственный ответ: поживем — увидим.

Тем временем старый мистер Томпсетт, 74 года ездивший на лошадях к речкам и по полям, умер в больнице. В среду Л. будет читать его завещание.

Суббота, 10 сентября

У меня нет ощущения реального кризиса — по крайней мере, как тогда с Роджером в 1910 году на Гордон-сквер, о чем я только что писала; а теперь, как ни трудно, я переключусь на другое, потому что осталось всего двадцать минут до ланча. На следующей неделе в это время у нас уже может быть война. Все газеты по очереди и одинаково — вероятно, текстом, надиктованным правительством, — мрачно, но сдержанно предупреждают Гитлера, что, если он нападет на нас, мы будем сражаться. Они якобы спокойны и невозмутимы. У них нет права на провокационные высказывания. Все продумано до мелочей. А на самом деле мы просто-напросто тянем время, по возможности не выказывая нервозности, до понедельника или вторника, когда заговорит оракул. Но нам хочется довести до его сведения, что мы думаем. Сомнительно только, чтобы наши слова достигали неслышащих длинных ушей. (Я думаю о Роджере, а не о Гитлере — я от всей души благославляю Роджера и жалею, что не могу сказать ему об этом, ибо он подарил мне себя для размышлений — что помогает мне существовать в этой сумбурной нереальности.) Суровые мужчины словно не могут отвести изумленного взгляда от построенного ребенком песочного замка, по необъяснимой причине превратившегося в настоящий огромный замок, для разрушения которого потребно много пороха и динамита. Ни один человек не в силах это осознать. Но и правду сказать нельзя. Значит, остается забыть. Тем временем в небе, вдоль и поперек над нашими холмами, рыскают самолеты. Все приготовления завершены. Ис-

тошно завоют сирены, едва появится первый намек на вражеское вторжение. Мы с Л. больше не говорим об этом. Гораздо приятнее играть в шары и рвать георгины. Они горят огнем в гостинной, красные на фоне вчерашней черной ночи. Теперь у нас есть балкон.

Вторник, 20 сентября

Так как я не в силах работать — немного болит голова, — то могу позволить себе сделать приблизительный набросок следующей главы*. (Я была поглощена «П. Х.», отсюда головная боль. Интересно, что художественная литература требует гораздо большего напряжения, чем биография, — это удовольствие.)

А что если сделать перерыв после смерти Хелен (безумие)? Прочитировать собственные слова Р.? Потом перерыв. А потом начать с первой встречи. Первое впечатление: гражданин мира, не академик и не богема. Потом его письма к матери. Потом вновь вернуться ко второй встрече. Картины; разговор об искусстве; я выглядываю из окна. Его настойчивость — глупость своего рода — желание заставить вас любить то же, что любит он. Пыл, поглощение, возбуждение интереса — нечто вроде вибрации, словно кружение сумеречной бабочки вокруг него. Или изобразить здесь какую-нибудь сцену — у Отт? Потом Константинополь. Прогулка на автомобиле; побольше подробностей; его глухота. Потом процитировать письма, полученные Р.

Первый показ в 1910 году.

Насмешка. Цитата из У.Бланта.

Впечатление, произведенное на Р. Еще один крупный план.

Письмо Макколлу. Его освобождение.

Радость. Нашел свой метод (но это было ненадолго. Его письма к В. показывают, что он был под ее влиянием).

Любовь. Как сказать, что он никогда не был влюблен?

Передать довоенную атмосферу. Отт. Дункан. Франция.

Письмо Бриджесу о красоте и чувственности. Его требовательность к себе. Логика.

* «Роджер Фрай».

Четверг, 22 сентября

По ошибке я написала несколько страниц из «Роджера» в дневнике; доказательство, если требуется доказательство, что я люблю поговорить и все мои книги — сплошная путаница. Да, в этот момент у меня пачки писем, отправленных В. Б. в 1916—1917 годах, — в них прославления Оксфордской земли — бесчисленные папки, в каждой письма, вырезки из газет и цитаты из книг. Тем временем приходят многочисленные полуофициальные письма, посвященные «Трем гинеям» (уже продано 7017...). После отъезда Беллов все равно не получается ни уединения, ни тишины, ни работы, как мы планировали. Полагаю, кому-то это нравится. Все же я вошла в старый, очень старый ритм регулярного чтения, сначала эта книга, потом другая; все утро «Роджер»; гуляю от двух до четырех; шары от пяти до шести тридцати; потом мадам де Севинье; обед в семь тридцать; читаю Роджера; слушаю музыку; занимаюсь «Кандидом» Эдди, читаю Зигфрида Сассуна; отправляюсь в постель в одиннадцать тридцать и так далее. Очень хороший ритм; но, кажется, мне удастся поддерживать его всего несколько дней. На следующей неделе ничего от этого не остается.

Четверг, 6 октября

Еще 10 минут. Сделала наскок на «П. Х.», ибо могу писать его лишь один час. Как «Волны». Мне очень нравится; а в голове набирает силу «Роджер». Два дня назад случилась сильная буря. Без прогулок. Все яблоки на земле. Отключили электричество. Мы пользовались четырьмя подсвечниками с шестью свечами, которые купили в Вулворте. Обед готовится и дымит в столовой. Рабочие красят полы. Комнату должны закончить на этой неделе. От политиков только и слышишь: «Я говорил... Вы говорили. Я не говорил». Газет не читаю. Наконец-то впала в созерцательность. Мирная жизнь: почему бы не попытаться поверить в нее? Не могу собраться с духом насчет С. Реми. То хочу, то не хочу. Мечтаю о переменах; даже при свечах мне нравится читать Севинье. Мечтаю о Лондоне и свете; мечтаю о хорошем вине; мечтаю о полном одиночестве. Вчера говорила об этом с Л., когда мы шли в Пиддинхоу.

Пятница, 14 октября

Когда наступят длинные темные вечера, я собираюсь делать две вещи: писать экспромтом, как теперь, множество коротких стихотворений, чтобы включить их в «П. Х.», если они придутся к месту; собрать, сложить вместе мои бесчисленные заметки для «Т. Л. S.» и посмотреть, не получится ли из них материал для критической книги: цитаты? замечания? ведь это английская литература, как я читала и комментировала ее все прошедшие двадцать лет.

Вторник, 1 ноября

Макс* похож на Чеширского кота. Круглый. С большой головой. С голубыми глазами. Взгляд неуловимый. Похож на Брюса Ричмонда — сплошные округлости. Он говорит, что никогда не входил ни в какие объединения. Даже в юности. Это серьезная ошибка. В молодости надо думать. Есть только один правильный путь. И я думал. Это очень серьезно, и мне не понять. «Мир состоит из множества несходств. Я существовал вне группировок. Вот милый Роджер Фрай, который любил меня, был рожденным лидером. Самый «озаренный». Таким он был. Мне даже не с кем его сравнить. Я слушал его лекции по эстетике искусства. И был разочарован. Он буквально не отрывался от записей — переворачивал страницу за страницей... Хэмпстед совсем не стал хуже. Несколько лет назад я останавливался в «Замке Джека Строу»**. У моей жены была инфлюэнца. Так вот барменша, искоса глядя на нее, сказала — у моей жены инфлюэнца была дважды — «Вы жадная, да?» Это выражение стало бессмертным. Все барменши таковы. По-моему, я раз десять был в пивных. Джордж Мур ничего сам не видел. Он понятия не имел, о чем думают мужчины и женщины. Все брал из книг. Ах, боюсь, вы напомните мне об «Ave atque Vale»***. Да, это прекрасно. Да, правда, тогда он не мог не видеть сам. Иначе это бы-

* Макс Бирбом.

** Знаменитый трактир в Хэмпстед (Прим. переводчика).

*** «Здравствуй и прощай» А. Ч. Суинберна, стихотворение в память Ш. Боллера (Прим. переводчика).

**** «Река Керит, сирийская история» — роман Джорджа Мура (Прим. переводчика).

ло бы вроде очаровательного озера, в котором нет рыбы». «Река Керит»****... Коулсон Кернахан? (Я рассказала, как К. К. оставил меня в Гастингсе. Вы Эдит Ситвелл? Нет, я миссис Вулф. А вы? Коулсон Кернахан.) Тут Макс стал что-то злобно бормотать. Неожиданно заявил, что они знакомы еще со времен «Желтой книги»*. Он написал «Бога и муравья». Продав двенадцать миллионов экземпляров. И еще воспоминания. Как я был гостем лорда Робертса... Великий человек поднялся с кресла. У него глаза — карие? голубые? черные? — нет, у него были настоящие глаза солдата. И он написал книгу «Знаменитости, которых я не встречал», Макс Бирбом.

Теперь о том, как он писал, милый Литтон Стрэчи сказал мне: сначала я пишу одно предложение, потом другое. Так я пишу. Одно за другим. Но мне кажется, что писать надо, словно бежишь по лугу. Это по-вашему. Когда вы идете в свою комнату после завтрака — что вы чувствуете? Я обычно смотрю на часы и говорю, о боже, пора писать статью... Нет, сначала я читаю газету. Мне никогда не хотелось писать. Обычно, возвращаясь вечером с какого-нибудь обеда, я хватался за кисть и рисовал карикатуру за карикатурой. Они как будто сами поднимались вот отсюда... он прижал руку к животу. Полагаю, это называется вдохновением. То, что вы сказали в вашем очаровательном эссе обо мне и о Чарльзе Лэме, совершенная правда. Он был безумцем; у него был дар; гений. А я слишком похож на Джека Хорнера**. Я вытаскиваю из себя самое лучшее. И оно слишком округлое, слишком совершенное... У меня около полутора тысяч читателей. О, я знаменит в основном благодаря вам и важным людям, подобным вам. Я часто перечитываю свои работы. У меня сложилась привычка читать их глазами людей, которых я уважаю. Довольно часто я читаю их так, как если бы их читала Вирджиния Вулф — отмечаю те места, которые должны вам нравиться. А вы так не делаете? О, попробуйте.

* Журнал эротического направления, в котором художественным редактором был Обри Бердслей (1872—1898). (Прим. переводчика).

** Джек Хорнер — персонаж детского стихотворения:

Little Jack Horner sat in the corner,
Eating a Christmas pie;
He put in his thumb, and pulled out a plum,
And said, "What a good boy am I". (Прим. переводчика).

С Ишервудом мы с встретились на пороге. Он совсем неуправляемый, как мальчишка; с очень живыми глазами; кусачий; плутоватый. Этот молодой человек, сказал У.Моэм, «держит в своих руках будущее английской литературы». Очень восторженный. Несмотря на яркость Макса и свою особенность, которую он полностью осознает и с которой считается, это был поверхностный вечер; полагаю, потому, что я не могла выкурить принесенную с собой сигару. Это на более глубоком уровне. Из-за искусного хозяйничанья Сибил мы все время держались на поверхности. Истории, комплименты. Дом как бело-серебристо-зеленоватая раковина; панели; старинная мебель.

Среда, 16 ноября

Очень мало высоких мгновений. Я имею в виду мир и покой, благодаря которым взираешь на все как будто сверху вниз. Я сделала это умозаключение, поднимаясь по лестнице. Символично. Я «иду вверх по лестнице», когда пишу «Биографию». А будет ли у меня хоть одно мгновение наверху? Когда я закончу книгу о Роджере? Или когда буду в постели, между двумя и тремя часами ночи? В них нет регулярности. Но они часто являлись мне, когда я мучилась с «Годами».

Вчера ночью от плеврита умерла Виола Три: она была двумя годами младше меня.

Помню, какая у нее была кожа, словно абрикосовая, с редкими янтарными волосками. Глаза казались выпуклыми из-за краски внизу. Высокая богоподобная женщина и старая трудяга; она широко ступала своими длинными ногами, и ей многое удалось в конце концов. В последний раз я видела ее на приеме в «Горгулье», где она была, как всегда, излишне экспансивна. Мне не пришлось видеть ее другой, но она всегда мне нравилась. Мы встречались примерно раз в год, говорили о ее книгах. Она обедала у нас в тот вечер, когда была опубликована ее книга «Замки Испании». Я пошла пить чай в Вобурн-сквер, масло было завернуто в газету. В гостиной стояла двуспальная итальянская кровать. Виола жила инстинктами и была очаровательна, как хорошая актриса: богемна и сентиментальна. И еще, я думаю, она была безукоризненной непосредственной матерью и дочерью; не амбициозной; умела жить; полагаю, мучилась из-за денег; была экстравагантной и очень храброй; и мужествен-

ной — создательницей живописного окружения. Она была большой и сильной и должна была дожить до восьмидесяти лет; вне всяких сомнений, этот замок был разрушен последними часами; хотя кто знает. Ей было дано кое-что переводить в слова. На этой неделе свадьба ее дочери Вирджинии. Только подумай — Виола лежит мертвая. Как это неуместно, ненужно.

Вторник, 22 ноября

Я собиралась записать Впечатления о своем положении как писательницы. Мне не хочется читать Данте; у меня есть десять минут, свободных от переделки рассказа «Лапин и Лапина», написанного, кажется, в Ашме то ли двадцать, то ли больше двадцати лет назад, когда я работала, вероятно, над «Ночью и днем».

Много воды утекло. Меня вознесли на вершину, скажем, лет десять назад, потом обезглавили У.Льюиса и мисс Стайн, теперь я как будто — если подумать — конечно же, устарела, ничто для молодых в сравнении с Морганом*; все же написаны «Волны»; но не похоже, что я напишу еще что-нибудь стоящее; перешла во второй ряд и наверняка буду совсем сброшена со счетов. Мне кажется, такова моя репутация на сегодняшний день. Основана она, главным образом, на критике Ч.Коннолли, произносимой между коктейлями: распушенный на ветру птичий хвост. Как я к этому отношусь? Гораздо спокойнее, чем ожидала. Но ведь я никогда этого не понимала. Я хочу сказать, что никогда не считала себя знаменитой, поэтому и не ощутила свержения. Правда, после «Волн» и «Флаша» меня взялся разоблачать, как мне показалось, «Скрутини». У.Л. пошел в атаку. Я знала об активной оппозиции. Но мне стали привычны похвалы молодых и недовольство стариков. Свинью подложили «Три гиней», потому что на меня набросились и Д.М.Янгс, и пишущие для «Скрутини». Да и мои собственные друзья стали меня бойкотировать. Так что мое положение неясно. Несомненно, у Моргана положение гораздо выше. И у Тома** тоже. Ну и что? Отчасти это даже радует. В сущности, я настоящий аутсайдер. Делаю, что могу и чувствую себя сильной, когда стою, прижавшись к стене.

* Морган Форстер.

** Томас Стернз Элиот.

Странные чувства, однако, возникают, когда пишешь против течения; трудно оставаться безразличной к течению. Но я, конечно же, стараюсь. Это заметно, если в «П. Х.» вообще что-нибудь заметно. В любом случае, есть еще мой критический ум, на который можно положиться.

Понедельник, 19 декабря

Это последнее утро — потому что завтра будет черт знает что, — когда я могу подвести итог прошедшего года. По сути, еще десять дней, даже больше, однако в этой вольной тетради позволено все — я хотела написать «вольности», но моя мелочная совестливость не разрешила; вопросы о моих взаимоотношениях с искусством прозы. В целом, искусство начинает поглощать меня — больше? — нет, думаю, оно поглощало меня едва ли не с младенчества, когда в Сент-Ивзе я царапала историю в духе Готорна на обитой зеленым плюшем софе в гостиной, пока взрослые сидели за обеденным столом. Последний обед в прошедшем году был в честь Тома.

В прошедшем году я работала над «Тремя гинейми» и первого апреля начала писать о Роджере, которого довела до 1919 года. Еще я написала об Уолполе; рассказ «Лапин и Лапина» и «Искусство биографии». Прием «Трех гиней» был интересным и неожиданным — я ведь не знала, чего ждать. Проданы 8000 экземпляров. Никто из моих друзей слова не произнес об этой книге. Мой широкий круг расширился — но я все еще блуждаю в потемках, не в силах оценить по достоинству свою книгу. Она?.. Нет, не хочу даже формулировать; потому что, как известно, никто еще этого не сделал. Гораздо меньше единодушия, чем по отношению к «Своей комнате». Приговор, вынесенный мне тогда, как будто самый толковый. Еще я написала 120 страниц «Пойнтчет-Холла». Думаю, получится страниц 220. Попурри. Я бросилась в него, желая отдохнуть от давивших на меня фактов из будущей книги о Фрае. И тут увидела все целиком — а в апреле ухватилась за это, как за брошенную мне нитку: писала, не имея ни малейшего понятия, о чем будет следующая страница. Потом пошло и пошло. Я писала ради удовольствия.

Пятница, 6 января

Итак, доведя старым пером Роджера до Джозетт, беру новое перо и провожу последние пять минут великолепного январского утра, заполняя первую страницу тетради нового года. Последние пять минут перед ланчем — как торжественна эта важная тетрадь сейчас, когда я в таком состоянии! Ведь я еще не остыла от последней фразы. Но и ее я еще перепису с дюжины раз. Итак, главная тема — работа; Роджер; все остальное — обычные родмеллские темы. Это значит, я дала слишком много воли морозу. Мы приехали 14—15 дней назад и обнаружили, что все трубы замерзли. Пять дней шел снег — было пронизывающе холодно; ветер. Целый час нам не давала прохода снежная буря. На колесах были цепи. Рождество мы праздновали в Чарльстоне и Тилтоне. А через два дня я проснулась и увидела повсюду зеленую траву. На длинных льдышках над кухонным окном, словно на носках, висели капли. Льдышки таяли. Трубы отмерзли. Стоит июньское утро с восточным ветром. И срок истек. Но книга, тем не менее, начата. Возможно, голова прояснится и завтра у меня будет минут десять.

Понедельник, 9 января

Мозги у меня стали, пока я работала над Роджером, как старая половая тряпка — Господи, глава с Джозетт — в ней слишком много подробностей, и они связаны между собой — надо увеличить ее, сначала в этой безответственной тетради, а у меня четыре дня до возвращения в воскресенье к прозе, и ни днем больше. Хотя я вообще-то вымучиваю из себя желание писать, даже прозу. Родмелл, особенно зимой — препятствие для работы мозга. Я пишу три полных часа; гуляю два часа; потом читаю с перерывом на приготовление обеда, музыку, новости до поло-

вины двенадцатого. Вот так я прочитала очень много писем, адресованных Роджеру и написанных самим Роджером; немного Севинье; Чосера — и несколько чепуховых книг.

Четверг, 19 января

Несомненно, для меня великое поощрение — то, что мое сочинение берет «Харперз». Узнала сегодня утром. Рассказ прелестный, я люблю его. Да и 600 долларов не помешают. Но больше всего, должна заметить, чтобы расширить мою теорию о работе без одобрения, успех согревает и оживляет. Не буду это отрицать. Вероятно, из-за него у меня сегодня утром полным ходом пошла работа над «П. Х.». Полагаю, я выработала более точный метод суммировать отношения; к тому же стихи (метрические) сами собой выпрыгивают из прозаической лирики, которой я, как правильно говорил Роджер, злоупотребляю. Кстати, это было лучшее критическое замечание за долгое время: я поэтизирую свои скучные сцены, выпячиваю собственную индивидуальность; не позволяй идее отделяться от материи.

Вторник, 28 февраля

По правде говоря, нехорошо, что я пишу в дневнике, только когда мне необходимо выговориться. Поэтому здесь отражаются лишь моя хандра и уныние, и ничего больше. Отдыхаю от Роджера. Один день счастья с «П. Х.». Слишком много посылок; отправляем книги; немеет затылок. Как всегда, стоит мне сдать-ся, и комары успокаиваются. Всегдашние комары. Не имеет смысла уточнять. Мне надо «говорить» перед политехниками; и приглашений становится все больше. К всеобщей неразберихе прибавились бесчисленные беженцы. Вот — я написала о них, хотя дала себе слово ни о чем таком не упоминать.

Суббота, 11 марта

Вчера, то есть десятого марта, в пятницу, я написала последнее слово в первом варианте книги о Роджере. И теперь начинаю — уже даже не начинаю, а просто переделываю и переделываю. Работа не из приятных, да еще бесконечные сомнения в себе как в биографе, вообще в возможности довести задуманное до конца; тем не менее, я это сделала и теперь могу позволить себе короткое мгновение блаженства. Фактов более или

менее хватает. И у меня нет времени на бесчисленные кошмары. В книге должна быть искра жизни — неужели в ней лишь прах и пепел?

Вторник, 11 апреля

Читаю Диккенса, чтобы прийти в себя. Как он живет; не пишет; одновременно в чистоте и в грехе. Словно на твоих глазах возникает что-то, не имеющее разума. Все же аккуратность и даже иногда проникновение — например, в мисс Сквирс, мисс Прайс*, фермера — потрясающие. Я не могу не читать критически, даже если бы захотела. Читаю Севинье, профессионально, для задуманного мной быстрого объединения книг. В будущем я собираюсь писать быстрые, насыщенные, короткие книги и никогда ничем не связывать себя. Это способ избежать успокоения и охлаждения старости. И спустить на воду все созданные мной теории. Все сильнее и сильнее сомнения в том, достаточно ли у меня знаний, чтобы написать хотя бы обычные строчки, пусть даже излишне эмоциональные и банальные. Умер Морис, последний из братьев Дэвисов; а Маргарет жива — живет очень осторожно; я часто думала: зачем продолжать, если все время отмеривать понемножку сил и направлять их на легкие задачки, зачем длить годы? Читаю Ларошфуко. Вот суть моей тоненькой коричневой тетради — она заставляет меня читать — с карандашом в руке — бежать по запаху; отбирать хорошие книги; а не из сочувствия — гладкие рукописи и юные скрипучие опыты, когда слова в большом количестве вылетают из разинутого клюва неоперившегося птенца. Мне нужен Чосер. Итак, когда у меня появится время — наверное, на следующей неделе будет побольше одиночества — я начну, если не будет войны, мой путь вверх и вверх на ту великолепную высоту, где так редко приходится жить: где разум работает быстро, словно во сне, как пропеллеры. Но я должна перепечатать последний кусок с Клифтоном; чтобы освободиться от долгов и завтра начать с Кембриджа. Неплохо, как мне кажется, есть напряжение и форма.

* Персонажи романа «Жизнь и приключения Николаса Никльби» Ч.Диккенса (Прим. переводчика).

Четверг, 13 апреля

Два дня инфлюэнцы, не сильной, но, как всегда, неприятной для головы, поэтому сегодня утром я здесь только для того, чтобы просмотреть кое-какие письма Роджера. Закончила первые сорок страниц — детство и так далее — меньше чем за неделю; потом большей частью была автобиография; теперь политика. Сегодняшняя речь Чемберлена в парламенте. Полагаю, война не завтра, но все ближе.

Вчера прочитала 100 страниц Диккенса и поняла нечто неувловимое о драме и прозе; резкость, карикатурность многих сцен, навсегда формирующих персонаж, идут от сцены. Литература — то есть тень, намек, как у Генри Джеймса — почти не используется. Все ярко и выпукло. Довольно монотонно; но все же так богато, так творчески: да, но не высшего творчества, не намеками. Все выложено на стол. Нет ничего, что волнует в одиночестве. Вот почему все так стремительно и привлекательно. Нет ничего такого, из-за чего захотелось бы отложить книгу и подумать. Это все размышления под влиянием инфлюэнцы; и я настолько не в себе, что затаскиваю сэра хулигана в дом и выжимаю над огнем.

Суббота, 15 апреля

Я как будто неплохо поработала над «Роджером»: не думаю, что на каждую главу мне понадобится по две недели. И это довольно забавно — решительно расправляться с трудной работой, проделанной за год. Кажется, я вижу ее целиком: мой метод компиляции оказался совсем неплохим. Наверное, написанное мной слишком похоже на роман. Все равно. Нет писем; нет новостей; и я не настолько уверена в своей голове, чтобы позволить себе чтение. Л. просмотрел книгу. Мне хотелось бы отдохнуть — несколько дней во Франции — или проехаться по Котсволдсу*. Однако учитывая, как много у меня есть такого, что я люблю, — неприятна (я всегда так начинаю) — суровость, которую принесет с собой война; все станет бессмысленным; нельзя будет ничего спланировать; к тому же, у всех появляются одинаковые чувства; вся Англия одновре-

* Цепь холмов в центральной Англии — «Сердце Англии» (Прим. переводчика).

менно думает об одном и том же — об ужасах войны. Никогда прежде не ощущала это так сильно. А потом наступает временное затишье — и вновь получаешь свою частную жизнь.

Надо заказать в Лондоне макароны.

Среда, 26 апреля

Сделала четверть — 100 страниц — «Роджера», которые будут у меня к завтрашнему дню. Всего 400 страниц, и если 100 потребовали трехнедельной работы (правда, меня отрывали) — на все понадобится девять недель. Да, мне нужно закончить к концу июля. Мы могли бы уехать. Скажем, в августе. Тогда перепечатать можно было бы в сентябре... Ну вот — в это время в будущем году книга увидит свет. Я же буду свободна в августе — вот уж тяжелая работа; еще я предполагаю небольшой интерес к книге, скажем, шести-семи человек. Меня будут ругать.

Четверг, 29 июня

Из-за трудностей с Роджером и P I P у меня голова идет кругом, и я позволила ей отдохнуть тут минут десять. Интересно, почему? А если придется читать еще раз? Наверное, если я продолжу заниматься собственными воспоминаниями, то буду отдыхать от P. и из этого может выйти толк. Вчера был ужасный день; охота за туфлями в «Фортнамс»*. Распродажа нераспродаваемого. Еще атмосфера, британский высший класс; все непроницаемые и с красными ногтями; я выглядела смешной — меня словно отхлестали; я нервничаю, однако беру себя в руки, под дождем возвращаюсь через Парк. Прихожу домой и пытаюсь сосредоточиться на Паскале. Не получается. Все же это единственный способ прийти в себя, так что я хотя бы стараюсь успокоиться, если не в силах понять. Тонкости теологии мне не даются. Тем не менее, я понимаю Литтона — моего милого старого змея. До чего прозрачна наша жизнь — он мертв, а я читаю его и стараюсь делать то, что мы оба хотели делать в этом мире, хотя иногда прошедшее кажется мне иллюзией — все было так быстро: жизнь была быстротечной и нечего предъявить, кроме маленьких книжечек. Вот почему я топаю ногой и останавливаю мгновение. После обеда пошла с Л. в клинику; ждала снаружи с Салли, которая все время

* Большой магазин на Пикадилли (Прим. переводчика).

рвала поводок; любовалась вечерним пейзажем; а при виде красновато-серых облаков на темно-лиловом с желтизной небе над Риджентс-Парк едва не запрыгала от удовольствия.

Понедельник, 7 августа

Сейчас я собираюсь поставить смелый опыт — все бросить и прекратить ужимание «Мечты и формы», чтобы посочинять минут десять вместо переделывания, как намечено по плану утренней работы.

О да, мне хотелось написать о нескольких вещах. Не совсем дневниковых. Впечатления. Модные уловки. Оба — Питер Лукас* и Жид — занимаются этим. Никто не может всерьез творить. (Полагаю, sans Роджер, я могла бы.) Такие размышления — своего рода междометия — всегда под рукой в подобные времена. Вот и я чувствую так же. А что я думаю? Я думаю о Цензорах. До чего же придуманные персонажи влияют на нас. Это очевидно в рукописи, которую я сейчас читаю.

Если я напишу так, такой-то сочтет меня сентиментальной. Если напишу по-другому... сочтет меня буржуазной. Мне кажется, что в наше время все книги окружены невидимыми цензорами. Отсюда неловкость, тревога. Стоило бы разобраться в них. Были ли цензоры у Вордсворта? Сомневаюсь. До завтрака читала «Руфь»**. Меня поразили ее покой, нечаянность, отсутствие всего, что отвлекает внимание, сосредоточенность и, как результат, «красота». Словно разуму должно иметь возможность обволакивать собой объект и, непотревоженному, производить на свет жемчужину.

Чем не идея для статьи?

Метафорически это значит, что все существующее вокруг разума стало теснить его. Плачущий в поле ребенок предвещает нищету; мой покой; подумать. Надо ли мне идти на деревенские соревнования? «Надо» вторгается в мои размышления.

Одеваясь, я подумала, что было бы интересно описать приход старости и постепенное приближение смерти. Как другие описывают любовь. Отметить каждый плохой симптом; но по-

* Автор не установлен.

** Книга Руфь (Ветхий Завет).

чему плохой? Вопреки всем остальным, почему бы не трактовать возраст как опыт и не отмечать все стадии постепенного движения навстречу смерти, ведь это потрясающее переживание и не бессознательное, по крайней мере, в отличие от рождения.

Пожалуй, пора вернуться к работе, хватит отдыхать.

Среда, 9 августа

Работа довела меня до умопомрачения и уныния. Как мне справиться с этой главой? Один Бог знает.

Четверг, 24 августа

Все-таки гораздо интереснее писать не о любовных увлечениях Р., а о его «кризисе». Итак, события в разгаре. Началась война?* В час собираюсь послушать новости. Они очень отличаются, эмоционально, от сентябрьских прошлой осени. Вчера в Лондоне было почти безразличие. В поезде никакой толпы — мы ехали поездом. Нет особого движения на улицах. Один из перевозчиков мебели призван на военную службу. Судьба, как сказал старший рабочий. Против судьбы не пойдешь. В 37-м** царит хаос. Встретила на кладбище Анну***. Она сказала, пока, во всяком случае, никакой войны не будет. Джон**** сказал: «Я не знаю, что думать». Однако на генеральную репетицию похоже. Музеи закрыты. Проектор на Родмелл-хилл. Чемберлен говорит, что опасность близка. Русский пакт — неприятное и непредвиденное событие. Мы теперь напоминаем отару овец. Никакого подъема. Покорное недоумение. Подозреваю, некоторые жаждут «преуспеть на войне». Заказываем в два раза больше еды и немного угля. Тетя Вайолет нашла прибежище в Чарльстоне. Ничего реального. Приступы отчаяния. Трудно работать. «Чемберс» предлагает за рассказ 200 фунтов. Туман над болотом. Самолеты. Стоит только нажать на кнопку, и мы вовлечены в войну. Данциг***** еще не взят. Чиновники бодрые. Я добав-

* Подписан договор о ненападении между СССР и Германией, т.н. пакт Молотова-Риббентропа (Прим. переводчика).

** Мекленбург-сквер, 37, куда переезжали Вулфы.

*** Анна Стивен.

**** Джон Лиман (Лехман).

***** Данциг (Гданьск) — польский город.

ляю одну соломинку к другой, не торопясь углубляться, парализованная своим писанием. Сейчас нам не за что воевать, говорит Анна. Коммунисты сбиты с толку. Железнодорожная забастовка прекращена. Голос лорда Галифакса, голос помещного дворянина на радио. Луи спрашивает — а одежда подорожает? За этим, конечно же, кроется пессимизм. Мальчиков разрывает на куски; матери, как Несса два года назад. И все же в любой момент возможно отклонение вправо. Общее чувство перекрывает личное, потом отступает. Дискомфорт и раздражение. И к этому еще неразбериха в доме 37.

Среда, 6 сентября

Первая сирена, возвестившая воздушную тревогу, была сегодня в восемь тридцать утра. Звук постепенно усиливался, пока я лежала в постели. Тогда я оделась и вышла вместе с Л. на террасу. Небо чистое. Все дома закрыты. Завтрак. Чисто. Налет на Саутварк*. Никаких новостей. Хепворты объявились в понедельник, словно после морского путешествия. Вымученные разговоры. Скука. Все как будто лишилось смысла. Едва ли стоит читать газеты. В.В.С** сообщает новости на день раньше. Пустота. Беспомощность. Можно писать и писать. Но я собираюсь сосредоточиться на Роджере. Боже, это худшее из всего, что у меня было. Суть в том, что я буду испытывать лишь телесные чувства: холод и вялость. Бесконечные помехи. Мы повесили занавески. Привезли уголь и т.д. в коттедж, где живут восемь женщин и детей из Баттерси***. Будущие мамы все время ссорятся. Некоторые уехали вчера обратно. Мы взяли машину, чтобы иметь крышу, встретили Нессу, и нас повезли пить чай в Чарльстон. Да, этот мир стал пустым и бессмысленным. Неужели я трусиха? Физически — скорее всего, да. Завтрашняя поездка в Лондон заранее пугает меня. В крайней нужде мне хватает адреналина, чтобы сохранять спокойствие. Но мой мозг не работает. Взяла сегодня утром часы со столика и положила обратно. Ни к чему. Я мучаюсь. Вне всяких сомнений, это можно преодолеть. Однако мой разум как будто свернулся клубочком и не желает принимать решения. Чтобы его вылечить, надо почитать

* Район в Лондоне (Прим. переводчика).

** Би-би-си.

*** Предмestье Лондона, на правом берегу Темзы (Прим. переводчика).

солидного автора типа Тони. Упражнение для мускулов. Хепворты увозят книги в Брайтон. Пойти погулять? Да. На нестроєвых заводятся насекомые и мухи. Эта война развязана хладнокровно. Кто-то взял и решил, что пора привести в действие убивающую машину.

Итак, «Афиния»* утонула. Это кажется полной бессмыслицей — непонятная резня. Словно в одну руку взяли кувшин, а в другую — молоток. Зачем нужно было уничтожать? Никто не знает. Появилось новое, неведомое прежде, чувство. Обескровлена вся общественная жизнь. Никаких кино и театров. Никаких писем, кроме — побочными путями — из Америки. «Атлантик» отказался от «Обзоров». Друзья не пишут и не звонят. Итак, меня, пожалуй, ждут долгое морское путешествие, беседы с незнакомцами, множество маленьких неудобств и переговоров. Конечно же, никакого желания сочинять. Отличная летняя погода.

Я как инвалид, который только и может что смотреть в потолок и пить чай. Неожиданно с облегчением хватаюсь за ручку. Результат прогулки по жаре, спасения от духоты и приведения в порядок давления. В этой книге я аккумулирую свои заметки, в первую очередь свидетельствующие об учащении пульса. В сотый раз повторяю себе — любая идея реальнее любого количества военных несчастий. Человек создан для идей. Это единственный вклад, который он может сделать, — негромкий перестук идей во время фейерверка в честь свободы. Так я говорю себе. Подбадриваю воображение — иллюзия: появляется ощущение чего-то давящего снаружи, уплотняющего туман; нечто несуществующее.

У меня появилась идея, когда я гуляла по прогретой пустоши и обратила внимание на что-то облачно-желтое, сделать статью из пятнадцати дневников. Такую работу не назовешь трудной: не то что не дающаяся мне книга о Роджере. Найду ли я несколько часов для чтения? Должна найти. Сегодня ночью налет был не таким сильным, как на Саутварк, на Портсмут, на Скарборо; попытка достичь Восточного побережья обошлась без ущерба. Посмотрим, что будет.

* Первый британский корабль, пущенный ко дну германскими военными (Прим. переводчика).

Понедельник, 11 сентября

Только что прочитала три или четыре характеристики у Теофраста, с трудом делая перевод с греческого языка на английский, и теперь могу писать об этом. Пытаюсь вновь сосредоточиться на греческом. Довольно успешно. Как обычно, греки дерутся, бросают дротики, шныряют, где хотят! Никакой латинянин не написал бы, что невоспитанный человек по ночам вспоминает своих должников. Грек все подмечает. До Теофраста и Платона длинный путь. Однако попытаться стоит.

Четверг, 28 сентября

Нет, я не уверена в дате. Вита будет сегодня к ланчу. В 12 закончу с Роджером, потом почитаю что-нибудь жизненное. Не собираюсь давать волю своим мозгам. Короткие острые замечания. Как-то так получилось, что мой мозг не очень силен теперь, когда книга подходит к концу, хотя я сумела бы быстро набросать что-нибудь прозаическое или, например, статью. Почему бы не освободить его? Неужели его убила моя добросовестная работа над «Годами»? Итак, я берусь за Стивенсона — «Джекилл и Хайд»* — не очень-то я их люблю. Прекрасный солнечный сентябрь. Ветреный, но очень ясный. А я не могу писать.

Пятница, 6 октября

Ну вот, мне удалось, несмотря на помехи других государств, вновь переписать всего «Роджера». Нечего говорить, что книгу надо еще переделывать, ужимать, оживлять. Смогу ли? Все время что-то отвлекает. Сейчас пишу статью о Льюисе Кэрролле и читаю много разных книг — жизнь Флобера, лекции Р., кроме того, жизнеописание Эразма и Жака Бланша. Миссис Уэбб, которая часто говорит о нас, пригласила нас к ланчу. И у меня трясутся руки от такой перспективы. Немного успокоилась, приведя в порядок свою комнату. Не представляю, где взять сил, чтобы сделать следующий шаг. Том** в этот уикенд. Я собиралась описать беседу в вагоне третьего класса. Беседу деловых людей. Средоточие мужской жизни. Сплошная политика. Разговор неторопли-

* Роман «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда». Р.Л. Стивенсона (Прим. переводчика).

** Т.С. Элиот.

вый, обдуманный, о женщинах с презрением и безразличием. Например: мужчина держит «Ивнинг стандарт» и показывает на фотографию женщины. «Женщины? Пусть сидят дома и любуются своими кольцами», — говорит мужчина в синем саржевом костюме и с синяком под глазом. «Обуза» — еще один фрагмент. Сын каждый вечер посещает лекции. Странное чувство, когда заглядываешь в холодный мужской мир: непроницаемый для погодных изменений; страховые агенты — все преуспевающие; все за семью печатями; самонадеянные; замечательные; язвительные; неразговорчивые; они объективны и хорошо обеспечены. Но есть худые, чувствительные; есть школьники; есть мужчины, едва зарабатывающие на кусок хлеба. В раннем поезде говорят: «Не понимаю, откуда у людей берется время на войну. Наверно, это те парни, у которых нет работы». — «Лучше уж дурацкий рай, чем настоящий ад». — «Военный психоз. Мистер Гитлер и его приспешники — все бандиты. Как Аль Капоне». Нет ни одной трещинки, в которую показалось бы книжное искусство. Они решают кроссворды, когда прогорает страховая фирма.

Суббота, 7 октября

Странно, как в первые совершенно нереальные дни, когда разразилась война, на меня нахлынули идеи, мне захотелось работать, я почувствовала, что у меня застучало и закружилось в голове, более истощенной, чем когда бы то ни было. В результате журналистика. Должна сказать, это неплохо; потому что она заставляет быть немногословной и требует организованности. Уверенной рукой собираю разрозненные главы Р., потому что понимаю — пора остановиться и написать статью. Идеи статей обуревают меня. Почему бы не сделать что-нибудь для «Таймс»? Легче сказать. Надо всеми силами держать форт Роджера — книга должна быть перепечатана и к Рождеству отдана Нессе.

Четверг, 9 ноября

Какое же счастье вновь завладеть чистой страницей. Однако, полагаю, скоро мои мучения с Роджером закончатся. Еще раз переделываю последние страницы: как будто они нравятся мне больше прежнего. Думаю, идея разбить последнюю главу на части была удачной. Если бы только я могла поставить точку.

В журналистике самое худшее то, что рассеивается внимание, будто дождик на море.

«Обзоры»* вышли на прошлой неделе и не исчезли в небытии, как я ожидала. «Lit. Sup.» напечатал кислую и брюзгливую передовицу; этот тон мне отлично известен — скрипучий и болезненный. Потом нечто вежливое и ошеломленное, подписанное Y. Y., в «Н. С.». И мой ответ — не знаю почему, но когда я пишу ответ, то вечно представляю себя пляшущей, как обезьяна в зоопарке; быстро все проговариваю на ходу, а потом переделываю и переписываю. Это заняло целый день. Полагаю, заняло впустую. Если хочешь по-своему, пеняй на себя. Только, ради всевышнего, не принимай театральную позу и ничего не изображай.

Четверг, 30 ноября

Совершенно измученная, уставшая, несчастная и злая, вот и изливаю тут мои чувства. Р. не получился — до чего же была тяжелая работа... и все об этом. У меня изнемогли мозги, но я не должна поддаться желанию все крушить и ломать — я должна наполнить мой разум светом и кислородом; гулять и кутать его в туман. Помогают резиновые сапоги. В них можно ходить по болоту. Нет, все-таки пора заняться воспоминаниями.

Суббота, 2 декабря

С усталостью и раздражением можно справиться, стоит лишь давать себе время от времени день отдыха. Я пошла в дом и легла. Вечером боль в голове утихла. Вновь стали приходить разные мысли. Надо запоминать. И всегда переворачивать подушку. Тогда мысли не переведутся. Стоит придержать их, пока не закончу с Р. Было неприятно вновь всплыть на поверхность и быть истерзанной памфлетом. Клянусь, в этом году больше никаких полемика. Идеи: о долге писателя. Нет, с этим погожу. Вчера вечером взялась читать Фрейда, чтобы расширить свои познания и придать мыслям больший масштаб, объективность; выйти наружу. Таким образом можно предотвратить возрастное усыхание. Все время браться за что-то новое. Менять ритм, etc. Использовать эти страницы, время от времени, для наблюдений. Вот только где их взять после тяжелой утренней работы?

* Памфлет В. Вулф.

Суббота, 16 декабря

Освещение в этой комнате ужасающее, и мне требуется пять минут, чтобы отыскать ручку. Р. весь из лоскутов. А я должна сделать 50 страниц, лучше 100, до понедельника. Никак не получается сцена свадьбы. Пропорции неправильные. От перемен, цитирования становится еще хуже. Но, по правде говоря, я не так мучаюсь из-за этого, как если бы сочиняла роман. «Годы» преподали мне отличный урок переписывания, который я никогда не забуду. Я всегда повторяю себе: не забывай тот ужас. Вчера мне как будто стало повеселее. Получила два письма от поклонников «Трех гиней»: оба искренние; одно от солдата, который сейчас на передовой; другое от сбитой с толку женщины, принадлежащей к среднему классу.

Понедельник, 18 декабря

Еще раз, как это часто случается, я искала свою милую старенькую тетрадку в красной обложке, хотя не совсем понимала, какой инстинкт толкает меня. Не знаю, зачем делать эти заметки; разве что появляется необходимость снять спазм, да и позднее кое-что может меня заинтересовать. Что? У меня никогда не получалось дойти до дна; всегда я оказываюсь близко к поверхности. И пишу обычно, прежде чем идти к столу, — все время гляжу на часы. Правильно, осталось 10 минут — что тут напишешь? Ничего, требующего размышлений; что провоцирует мысли; ибо я часто размышляю. И размышляю как раз о той мысли, которую могу записать тут. О том, как быть любительницей. О моем вызове профессиональной благопристойности. Еще одна аллюзия на язвительный тип В.Вулф и ее вчерашнюю отовность убить рецензентов из «Lit. Sup.». Фрэнк Суиннертон хороший мальчик, а я плохая маленькая девочка. И это банальность в сравнении... с чем? О, «Граф Шпее»* собирается выйти сегодня из Монтевидео, чтобы оказаться в пасти смерти.

* «Граф Шпее» — линкор, названный в честь погибшего в битве с англичанами во время Первой мировой войны графа М. фон Шпее (1861—1914). После начала Второй мировой войны потопил не меньше 8 торговых судов англичан. 13 декабря 1939 г. линкор в бою сильно пострадал и укрылся в бухте Монтевидео. Уругвайские власти потребовали, чтобы он покинул бухту, хотя у выхода его ждали британские крейсера. 17 декабря линкор был взорван по приказу немецкого командования (лично Гитлера) (Прим. переводчика).

И журналисты, и богатые люди нанимают самолеты, не желая пропустить подобное зрелище. Мне кажется, война обретает новый угол зрения; и наша психология тоже. Нет времени разработать эту мысль. В любом случае, глаза всего мира (В.В.С.) устремлены на это развлечение, и несколько человек сегодня будут убиты или смертельно ранены. Мы позволим им служить нам, а сами в эту на редкость морозную ночь будем сидеть у теплого камина. Британский капитан получил королевский приказ, и «Горизонт»* исчез; Луи удалили зубы; вчера мы съели слишком много пирога с зайцем; я читала, что Фрейд написал о распределении по группам; я старалась приукрасить Роджера; это последняя страница; год подходит к концу; мы пригласили Пломера на Рождество; и, как всегда, время вышло. Читаю дневник Риккеттса — все о войне — о последней войне; и дневники Герберта тоже; и... да, «Шекспира» Дэди, и записи переполняют две мои тетради.

* Вероятно, В.Вулф вспомнила роман «Потерянный горизонт» (1955) английского писателя Джеймса Хилтона (Прим. переводчика).

Суббота, 6 января

Некролог: Гумберт Вулф. Однажды мы поделили с ним пакетик шоколадных конфет у Эйлин Пауэрс. Их прислал поклонник. Как раз что надо. Актерского вида говорун. Сказал мне, будто его часто спрашивают, не его ли я жена. Говорил, что счастливо женат, а его жена жила в Женеве. Я забываю. Помни, что надо думать. Зачем противоречить? Что тебя мучает? О, это было в тот вечер, когда Арнольд Беннетт напал на меня в «Ивнинг стандарт». Орландо? Я должна была встретиться с ним на другой день у Сибил. В нем было что-то актерское, может быть, напряжение. Всегда самоуверенный, внешне. Внутренне же мучимый тем, что ему слишком легко пишется; он обожествлял сатиру; это мой трофей из его автобиографии — один из многих, как будто он был недоволен собой и все время рисовал и перерисовывал свой портрет. Полагаю, та же основа во многих современных автобиографиях людей среднего возраста. Итак, возбудитель неясных зимних ночных воспоминаний — тот, кто в последнее время посылает бледные кадры через мою усталую голову — лежит с закрытыми глазами цвета черной смородины на зеленовато-желтом лице со впалыми щеками. (Если бы я писала о нем, то убрала бы или «глазами», или «щеками». Правильно? Думаю, да. Зачем портить текст; всегда надо следить за своим письмом; это единственный способ поддерживать себя в форме; я хочу сказать, единственный способ избежать осадка — все время подбрасывать в огонь охапку слов. Фраза провисла. Ну и пусть. Эти страницы стоят самую малость, лишь бы моя казна была в безопасности.) Я буду читать Милля. Или «Крошку Доррит»*. Но обе книги вы-

* Роман Ч. Диккенса (Прим. переводчика).

дохлись, как нарезанный и забытый сыр. Первый кусочек всегда самый вкусный.

Пятница, 26 января

Мгновения отчаяния — я имею в виду леденящую неопределенность — нарисованную муху в стеклянной шкатулке — уступили место, как часто бывает, восторгу. Не оттого ли, что я отделилась от двух мертвых голубей — мой рассказ, мой «Газовый свет в Эбботсфорде» (сегодня напечатан) — и вновь закрутились мысли. Однажды вечером, утонув в работе, задыхающаяся, зажатая в тиски, решительно настроенная против Роджера — нет выхода — суровое время — я стала читать Джулиана. И мои мысли легко полетели над дикими горами. Намек на будущее. Полет всегда предвещает мне освобождение. Еле-еле переворачиваешь подушку и находишь выход. Помогает какая-нибудь ерунда. «Лиснер» предложил написать о Мари Корелли. Записки путешественника, я бы сказала, если, не дай бог, еще раз потеряюсь. Мне кажется, что последнюю главу надо сократить вдвое, из 20 000 слов оставить 10 000. Предположим, я начала бы так:

«Превращение» — заглавие, которое Роджер Фрай сам дал своей предсмертной книге «эссе». И, по-видимому, вполне естественно, оглядываясь на последние десять лет его жизни, было бы назвать их так же. Это были годы, когда он не останавливался и не замедлял ход, а, наоборот, постоянно экспериментировал и набирался опыта.

Превращение имеет значение не только перемен, но и достижений.

Его репутация как критика уже стала незыблемой. «К концу жизни, — пишет Говард Ханнэй, — положение Роджера Фрая в английском мире искусств стало уникальным и сравнимо разве что с положением Рёскина в самый пик его карьеры.

Это его положение было результатом той свободы и жизненной силы, которые неотделимы от интеллектуальной жизни Фрая; благодаря которым он расширял и углублял свое мировоззрение. Не менее авантюристичным он был и в своей другой жизни. Но обе эти ипостаси давали в итоге нечто постоянное. Как говорит сэр К. Кларк: «Несмотря на то, что нам отлично из-

вестны основные направления его мысли, его разум был неустрашимо экспериментаторским и готовым на любое приключение, как бы далеко оно ни заводило его за пределы академической традиции”.

Но и физическое напряжение тоже было очень велико. Его здоровью был нанесен ощутимый урон долгими годами на “Омеге”*.

Нет, хватит. До чего же очевиден переход от писания для себя к писанию для публики. И до чего же выматывающ. Мой небольшой запас сплетен и наблюдений истощен. Что я хотела сказать? О, то, что лирическое зимнее настроение — сильное духовное напряжение — позади. Началась оттепель; дождь и ветер; болото отсырело, но кое-где видны белые заплатки; две очень маленькие овечки, шатаясь, брели на восточном ветру. Увели мертвую овцу; и, не желая видеть этот ужас, я дрожала за сараем. Не очень-то приятный вечер я провела, выводя эти фразы. Несмотря ни на что, наслаждаюсь Бёрком и настраиваюсь на Французскую революцию.

Пятница, 2 февраля

Лишь огонь побуждает меня мечтать — я имею в виду из всего, о чем я пишу. Переезд из Лондона в деревню гораздо более существенное событие, чем обычный переезд из дома в дом. Это справедливо, и я еще не освоилась тут. Огромное пространство вдруг становится совершенно пустым; потом освещается. Лондон, холодный, тесный и мятый. Удивительно, как часто я думаю — и полагаю, с любовью — о Лондоне: о прогулках к Тауэру; это моя Англия; я хочу сказать, если бомба разрушит одну из тамошних маленьких улочек с медными карнизами, пахнущих рекой и с обязательной читающей старухой, я буду чувствовать — ну, что чувствуют патриоты.

Пятница, 9 февраля

Почему-то ожила надежда. Почему? Получила письмо от Джо Аккерли с похвалой моей Корелли? Отчасти. У нас обедает

* «Омега Уорктон» (1913) — фирма, основанная Фраем для помощи молодым художникам (Прим. переводчика).

Том? Нет. Думаю, дело в постоянно читаемой автобиографии Стивена*: хотя у меня она вызывает зависть молодостью, энергией и отличными прозаическими находками — правда, я могу отыскать дыры. Но странно — чтение Стивена и «Южной поездки»** создают что-то новое и подталкивают к чему-то после тех вечеров, когда я со скрежетом зубным трудилась над Бёрком и Миллем. Неплохо читать своих современников, даже побыстрому просматривать поверхностные романчики бедняжки У. Х. Кроме того, я отделала до последней пуговицы на гамашах три ч...вы главы, чтобы отправить их в понедельник в Лондон; и теперь вонзила зубы в последние превращения: и хотя, конечно же, меня трясет по-черному, когда я перечитываю текст, тем более показываю его Нессе и Марджери, все же не могу не думать, что мне удалось поймать этого светящегося человека в старательно сшитый сачок. Кстати, каждую страницу — особенно последние — я переписывала по 10—15 раз. И не думаю, что убила его, наоборот, думаю, я дала ему жизнь. Из-за этого вечер словно сверкает. Но ветер визжит, как коса; ковер в столовой покрывается плесенью; Джон Бьюкен упал, ударился головой и теперь наверняка умирает. Монти Шиармен умер, и Кэмпбелл. Старый милый чудаковатый священник — приятель Л. — холостяк Баффи. Ветер усиливается: что-то трещит; слава богу, я не в Северном море и не лечу на остров Гельголанд***. Сейчас собираюсь читать Фрейда. Да, Стивен дал мне три непрерывных часа иллюзии — и если еще есть силы воспринимать мир, то он существует — откуда цитата? — есть мир снаружи? Нет. Из «Кориолана»?

Воскресенье, 11 февраля

Задержка с выписыванием чеков — из-за войны, кстати, вновь усох мой кошелек, как в старые времена, до 11 шиллингов — карманных денег в неделю — я пишу тут; на мне подлинное сияние завершенной книги. Значит ли это, что она получи-

* Автобиография отца В. Вулф, написанная им после смерти его второй жены в 1895 г. (Прим. переводчика).

** Роман Уинифред Холтби (Прим. переводчика).

*** Остров в Северном море на территории Германии. В 1807—1890 гг. остров принадлежал Великобритании (Прим. переводчика).

лась? Или лишь то, что я освободила от нее свой мозг? В любом случае, продрав вчерашний день, сегодня я отправилась гулять и закончу эту неделю, полагаю, в доме 37. Скучно и честно. Итак, прогуливаясь сегодняшним теплым днем до Телскомба, я придумывала страницы и страницы моей лекции: она должна быть насыщенной и полезной. Мне в голову пришла мысль, что школа Падающая Башня* является школой самоанализа после девятнадцатого столетия с его сдержанностью. Цитирую Стивенсона. Это объясняет автобиографию Стивена; Льюиса Макниса, etc. Еще у меня появилась идея о работе мозга: поэзия, которая не является подсознательной, результат поверхностного раздражения, получаемого от чужеродного воздействия политики, которое остается чужеродным. Отсюда отсутствие полезной энергии. Является ли лучшей та поэзия, которая наиболее полезна, — создается ли она соединением многих разных идей и говорит больше, чем объяснимо? Это — направление, оно ведет к публичным библиотекам и изучению аристократической культуры обыкновенными читателями, также к смерти классовой литературы, к рождению литературы персонажей, к новым словам из новых источников; сравнение этого явления с элизаветинской литературой. Думаю, что-то есть в психоаналитической идее; писатель из круга Падающей Башни не мог описать общество, поэтому ограничился описанием себя в качестве его продукта или жертвы: необходимый шаг к освобождению следующего поколения от запретов. Нужна новая концепция писателя: они опровергли сказку о «гении» великого человека тем, что унизили себя. Они не исследовали, как Генри Джеймс, индивидуума; они не шли вглубь; они заостряли контуры. И так далее. Л. видел серую геральдическую птицу; я видела лишь мои мысли.

Воскресенье, 18 февраля

Этот дневник может быть поделен на лондонский дневник и деревенский. Я вижу границу. Только что из лондонской главы. Пронизывающе холодно. Из-за этого были короче прогулки, которые я наметила себе по людным улицам. Темнота — нет освещенных окон — привела меня в уныние. Стоя в Уайтхолле,

* Школа британской поэзии (Льюис, Оден, Спендер, Макнис) (Прим. переводчика.)

я сказала своим лошадям: «Домой, Джон», — и поехала в серых вечерних сумерках, в безрадостном призрачном свете уходящего вечера — намного более безрадостном, чем вечерами за городом, — в Холборн, а там в яркую пещеру, которую я полюбила больше, поменяв стулья. Как там тихо — и Лондон стал тихим: могучий немой бык лежит с поднятой головой.

Понедельник, 19 февраля

Я сказала себе, почему бы не записать что-нибудь; иногда думаю — кто будет читать это все? Наверное, однажды я смогу выплавить крошечный слиток — для моих воспоминаний. Кстати, мне уже намекнули, что неплохо бы написать о Литтоне. «Три гиней» — полный провал в США; ну, хватит.

Среда, 20 марта

Ну вот, еще один приступ (инфлюэнцы), всего два: один случился в прошлое воскресенье, и Анджелика уложила меня в постель; другой в пятницу, после ланча. Лежу в постели в комнате Л., и доктор Тут приказал лежать (я сижу и читаю гранки вместе с Л.) до завтра. Скучная история. Это называется возвратная форма с небольшим бронхитом. Ну вот. В воскресенье Л. прочитал мне суровую нотацию о первой части. Мы шли по лугу. Похоже было, будто он изо всех сил клюет меня в голову. Чем дольше он клевал, тем получалось глубже, так всегда бывает. Наконец он почти разозлился, что я выбрала, «как мне кажется, неправильный метод. Голый анализ, и никакой истории. Суровое давление. Скучно для непосвященного человека. И мертвые цитаты». Его тезис: нельзя так обращаться с жизнью; ее нужно видеть с писательской точки зрения, если только персонаж не провидец, а Р. не был провидцем. Забавный пример того, как Л. постарался явить себя максимально рациональным и бесстрастным; довольно впечатляюще; и так четко, так настойчиво, что я почувствовала себя убежденной; я имею в виду в провале, разве что у меня мелькнула любопытная догадка, тот ли предмет он выбрал и не старается ли убедить меня, исходя из глубоко заправленной личной причины — своей нелюбви к Р.? отсутствия интереса к личности? Бог знает. Я мысленно отметила эти нити, скрученные в одну нить; пока мы гуляли и клев долбил все глубже, глубже, меня не покидал не зависимый ни от чего инте-

рес к характеру Л. Потом пришла Несса; разошлись во мнениях; письмо Марджери: «Очень живо и интересно»; потом Л. читал вторую часть; думал, что конец на крыльце дома на Бернард-стрит; потом Н.: «Я плачу, поэтому не могу поблагодарить тебя». Потом Н. и Д.* пили у нас чай; мне запретили что-либо менять; потом последнее письмо Марджери: «Это он... бесконечно восхищена». Здесь я останавливаюсь. Думаю, все-таки нужно переписать несколько мест, даже набросала их вчерне, но как уложиться во времени, чтобы книга вышла весной? Это я решу завтра. Все-таки огромное облегчение!

Четверг, 21 марта

Вот и канун Страстной пятницы. Не знаю, как это можно почувствовать в саду наедине с цветами и птицами. Сейчас для меня начинается сумеречный час, неприятный час досадного компромисса. До ланча. В гостиной с чаем. Вам известно отвратительное, беспорядочное, словно голова забита порванной бумагой, состояние ума, когда хватаешься то за одно, то за другое. Еще Р. висит на мне. Выхожу как можно раньше и продолжаю читать воспоминания Херви. Таким образом медленно дохожу до вершины. Думаю сразу о нескольких статьях. Сидни Смит. Мадам де Сталь. Вергилий. Толстой или, может быть, Гоголь. Попрошу Л. найти жизнь Смита в библиотеке в Льюисе. Хорошая мысль. Позвоню Нессе, чтобы послать главу Хелен и назначить встречу. Читала Толстого за завтраком — Гольденвейзер, которого я переводила вместе с Котом** в 1923 году и почти совсем забыла. Всегда одно и то же — словно трогаешь оголенный электрический провод. Даже в неважном переводе — его ограниченный неглубокий ум — особенно для меня, несимпатичный, однако вдохновенный и вдохновляющий: гений в необработанном виде. Итак, более волнующий, более «потрясающий», более громоподобный в искусстве, в литературе, чем любой другой писатель. Я помню, что чувствовала, читая «Войну и мир», читая в постели в Твикенхеме***. Старик Сэведж**** понял:

* Вероятно Джулиан Фрай.

** С.С. Котфлянский.

*** Частная больница.

**** Сэр Джордж Сэведж, врач.

«Отлично!» И Джин* попыталась проникнуться тем, что было для меня открытием. Прямолинейностью, реалистичностью. Однако он был против фотографического реализма. Салли хромает, и ее нужно вести к ветеринару. Солнце садится. Птичка поет, словно колет иголкой. Все крокусы и морской лук отцвели. На деревьях ни листьев, ни почек. Меня процитировали в передовице о русских в «Lit. Sup.», довольно забавно.

Пятница, 29 марта

Что я думаю о свободе и свежести? Я в том настроении, когда ночью открываешь окно и смотришь на звезды. К несчастью, сейчас 12.15 серого скучного дня, все время летают самолеты, в три похороны Боттена (фермера из Родмелла); мне не дают покоя Марджери, Джон, К.; но заражают едва заметные, словно муравьиные, укусы М. — муравьи бегут в мой мозг — изменения, платежи, чувства, даты — и все прочие подробности, которые автору не художественной литературы кажутся такими простыми («ну, возьми и добавь это к портрету Джоан», etc.) — для меня пытка. Собрать бы старые страницы — и переписать их под копирку. Господи, господа! Опять инфлюэнца. Ничего, я снова приду в себя и о чем буду думать? Скажем, о Темзе там, где Лондонский мост: куплю тетрадь, а потом пройду по Стрэнду и буду пожирать все лица, все витрины магазинов, даже «Пенгвин». Ибо в понедельник мы перебираемся в Лондон. Потом буду читать какого-нибудь елизаветинца — словно прыгая с ветки на ветку. Потом опять сюда... о да, мы провезем наши книги по побережью — будем пить чай в магазине и любоваться на древности; и еще будет очаровательный фермерский дом — или новая тропинка — и цветы; шары с Л.; медленное чтение для О. Ч.**; без всякой гонки; потом наступит май, будут спаржа и бабочки. Наверное, я немного займусь садом; печатанием; поменяю мебель в спальне. Возраст или что-то другое делает здешнюю жизнь одинокой? Нет Лондона и гостей, которые видятся как долгий радостный сон... Я включаю сюда состояние покоя, состояние чувств — не состояние ума. По правде говоря, мы по-настоящему не видели весну в деревне с тех пор, как я была в Ашеме — 1914, — и теперешняя весна кажется мне

* Мисс Томас, управительница в частной клинике.

** «Обыкновенный читатель».

благословением свыше, несмотря на депрессию. Вроде бы, у меня появились мечты о поэтично-прозаической книге; может быть, буду время от времени печь кексы. Вот-вот — никаких стычек в будущем, никаких сожалений о прошлом. Наслаждайся понедельником и вторником и не бери на себя вину за эгоизм: клянусь Богом, я свое отработала, и письменно и устно, во имя человеческой расы. Я имею в виду молодых писателей, которые вполне могут стоять на своих ногах. Да, я заслужила весну — я никому ничего не должна. И письма я не должна писать (хотя меня ждут стихи в рукописях), и гостей не должна принимать по выходным дням. Пусть другие поработают, как я в эту весну. Я же, утонув в речном весеннем потоке, буду до ланча читать Уимпера.

Воскресенье, 31 марта

Мне бы хотелось рассказать себе нежную коротенькую неправдоподобную историю, чтобы я смогла взмахнуть крыльями, помятыми за хлопотливое по-муравьиному утро, — я не детализирую, потому что детали — смерть для меня. Слава Богу, в это время на следующей неделе я освобожусь — освобожусь от поправок М. и моих собственных на полях. Рассказ? О, о жизни птички, ее чип-чип — о ветке, что стучит в мое окно — о ее впечатлениях. Или о Боттене, сроднившемся с землей — о переходящей славе — о миллионе ярких цветов от печальных участников похорон. Все черно, как передвигающийся почтовый ящик, который был женщиной — или мужчиной в черной картонной коробке. Нет истории. Нет. Но я могу развернуть метафору — нет. Окна по-голубиному серые и похожи на острова в синем унынии — красная ржавчина на Л. и В.* и болото, зеленое и темное, как морское дно. В затылке все еще туго натянутая струна. Я ослабляю ее, играя в шары. Сохранять плюсы скетча — случайные находки, счастливые открытия — в большой работе наверняка мне не по силам. Это есть в устных рассказах Сидни Смита.

Суббота, 6 апреля

Я провела день в Лондонской библиотеке в поисках цитат. Купила шелк для вставок на платья. Мы не обедали с Хатчинсонами, где должны были встретиться с Томом и Десмондом.

* Два вяза в саду.

До чего же я радовалась спокойному вечеру. Итак, вчера в 12.45 я отдала Л. два рукописных экземпляра книги («Роджер Фрай: Биография»), и мы уехали счастливые, как банковские служащие на каникулах. С глаз долой! Хорошо или плохо — но ее больше нет! Я как будто чувствовала крылья там, где лопатки; и тихо размышляла, пока не продырявилась шина; на дороге никого не было; и я была как смятый стебелек, когда мы добрались до места. Настоящий весенний день; беспредельный, солнечный, холодный, мягкий; на берегу множество желтых нарциссов; проиграла три игры, и единственное, чего хочу, так это спать.

*Понедельник, 13 мая**

Я признаюсь в некотором удовлетворении, так как закончила главу и успокоилась, отослав сегодня гранки. Я признаюсь — потому что мы третий день участвуем в «величайшей битве в истории человечества». Все началось в восемь часов с объявления по радио, пока я дремала, о нападении на Голландию и Бельгию. Третий день битвы при Ватерлоо**. Сад словно укрыт снегом, цветут яблони. Кегельный шар утонул в пруду. Черчилль призывает мужчин стоять заодно. «Мне нечего дать, кроме слез, пота и крови»***. Огромное бесформенное нечто циркулирует всюду. Оно не имеет материальной сути, но все остальное становится неважным перед ним. Дункан видел воздушный бой над Чарльстоном — серебряный карандаш и клуб дыма. Перси видел раненых на посту. Итак, мое коротенькое мгновение покоя заканчивается разверстой пропастью. Хотя Л. говорит, что, если Гитлер выиграет, бензина в гараже хватит для самоубийства, мы продолжаем жить. Огромность и малость делают это возможным. Мои чувства (по поводу «Роджера») очень напряжены; и все же обстоятельства (война) как будто наложили на них обручи. Нет, я не могу осознать странное несоответствие интен-

* Речь премьер-министра У.Черчилля в Палате общин, в которой он сообщает о решении образовать правительство, которое будет вести войну с Германией до победного конца (Прим. переводчика).

** «Желтый план» был запланирован немецким командованием на 10 мая 1940, и он оказался удачным. Сражение при Ватерлоо было 18 июня 1815 г. Речь идет не о совпадении дат, а о напическом бегстве потерпевшего поражение противника (Прим. переводчика).

*** Цитата из речи Черчилля (Прим. переводчика).

сивности чувства и в то же время понимания, что оно не имеет никакого значения. Или в нем, как я иногда думаю, больше значения, чем когда бы то ни было?

Понедельник, 20 мая

Эта мысль должна была быть более внушительной. Она всплыла, полагаю, в одно из сентиментальных мгновений. Война похожа на неизлечимую болезнь. В течение дня больше ни о чем невозможно думать; потом за дело берутся чувства; на другой день человек словно освобождается от телесной оболочки и парит в воздухе. Потом вновь обстрел — и что? Ужас перед бомбами. Собираемся в Лондон под бомбы. Катастрофа — если они прорвут оборону. Их объект, как сказали сегодня утром, Ла-Манш. Вчера вечером Черчилль просил нас думать во время бомбежки, что мы хотя бы один раз отводим огонь от солдат. Десмонд и Мур* в данный момент читают — то есть беседуют в яблоневом саду. Прекрасное ветреное утро.

Суббота, 25 мая

Потом наступило то, что было худшей неделей войны. И пока остается такой. Во вторник вечером, после отдыха и до прихода Тома и У-ма П.**, Би-би-си объявило о взятии Амьена и Арраса. Французский премьер-министр сказал правду, наша «оборона» разбита вдребезги. Они придут в понедельник. Скучно собирать подробности. Похоже, они пускают вперед танки и парашютистов; нельзя бомбить забитые беженцами дороги. Они рвутся дальше. Теперь Булонь. Возникает ощущение какой-то странной оккупации. Что делают великие армии, дабы двадцатимильная дыра не закрылась? Чувство такое, будто нас перехитрили. Они быстрые, бесстрашные, готовые на любую хитрость. Французы забывают взрывать мосты. Немцы кажутся юными, сильными, предприимчивыми. Мы отстаем. Так было все три лондонских дня.

В Родмелле сплошь слухи. Будут ли нас бомбить? Эвакуируют ли? От выстрелов орудий дребезжат окна. Тонут корабли-госпитали. Теперь наш черед.

* Десмонд Маккарти и профессор Д.Э.Мур.

** Уильям Пломер.

Сегодняшний слух: монашенка в автобусе платит за проезд мужской рукой.

Вторник, 28 мая

Сегодня в восемь французский премьер-министр по радио обвинил бельгийского короля в предательстве. Бельгийцы капитулировали*. Наше правительство не капитулирует. Черчилль выступает по радио в четыре часа. Дожливый мрачный день.

Среда, 29 мая

Все-таки надежда оживает. Не знаю почему. Отчаянная схватка. Союзники держатся. Как тошно от фраз — и как легко сочинить речь Даффа Купера о доблести; и историю, в которой известен конец фразы. И все-таки ободряет. Поэзию, как говорит Том, писать легче, чем прозу. Я могла бы сочинять патристические речи дюжинами. Л. был в Лондоне. Сильная гроза. Я гуляла на пустоши и думала, что орудия стреляют в портах Ла-Манша. Потом они повернули, и я поняла, что был налет на Лондон; включила радио; услышала что-то непонятное; потом начали стрелять; потом пошел дождь. Сегодня вновь взялась за «П. Х.» и молотила, молотила, пока не осталось ни зернышка. Отослала моего Уолпола. После обеда принялась за Сидни Смита; планирую продолжать небольшие статьи; и еще «П. Х.». Ах, забыла — теперь нельзя планировать длинную книгу. Х.Брейс прислал телеграмму, что берет «Роджера» — кого, что, я почти забыла о нем. Это успех; а ведь я ждала провала. Значит, все не так плохо. Аванс — 250. Полагаю, нам лучше подождать. Читаю массу ночных писем Кольриджа и Вордсворта — удивительно раскручиваются и укладываются в уютное гнездышко.

Четверг, 30 мая

Гуляя сегодня (день рождения Нессы) возле озера Кингфисер, видела первый санитарный поезд — груженный, не похоронный, тяжелый, словно опасющийся растряссти кости: нечто — забыла слово — печальное, и нежное, и тяжелое, и личное — осторожно везло наших раненых по зеленым полям, на которые,

* В этот день бельгийский король Леопольд III подписал акт о капитуляции (Прим. переводчика).

думаю, кто-то из них смотрел. Нет, я их не видела. Способность воображать удручает меня то ли виденным, то ли придуманным; несмотря на его явственность, дома я не смогла восстановить поезд в воображении — медлительность, умирание, печаль длинного тяжелого состава, везущего свой груз по полям. Очень тихо он скользнул в лесосеку в Льюисе. Неожиданно над головой появились самолеты, летящие косяком, как дикие гуси; произвели маневр, заняли новое положение и полетели на Каберн.

Пятница, 31 мая

Лоскуты, обрывки, кусочки, которые я писала для «П. Х.», теперь забурили. Я играю словами; и думаю, что своей относительной ловкостью обязана упражнениям в дневнике — здешним кусочкам; Луи видела служащего мистера Уэстмакотта. «Бельмо на глазу» — его слова о битве за Булонь. Перси, занимаясь прополкой, заявляет: «Победа в конце концов будет за мной. Если я не сомневался в нашей победе в другой битве...» Ночью был налет, о котором как будто предупредили заранее. Все прожекторы включены: световые пятна похожи на шарики росы. Мистер Ханна полночи «стоял в карауле». Похоже, слухи; слухи, которые транспортировали англичан в Бельгию, где они с принадлежностями для гольфа и сетями, якобы возвращаясь из Фландрии, были приняты за парашютистов; осуждены на смерть; освобождены; возвратились в Сифорд*. Слухи, отправили их «куда-то недалеко от Истборна», и там были крестьяне, вооруженные винтовками, вилами, etc. Это показывает, сколько у нас нереализованного воображения. Мы — люди образованные — держим его под контролем; я будто бы увидела кавалеристов, поивших лошадей возле Телскомба, но сумела разглядеть стадо коров. Опять придумываю. Даже не могу вспомнить, как я шла обратно, по грибной тропинке или через поле. Чудесно, что есть старая река; можно ее потрогать. Сколько это еще продлится? Я полностью осознала возможный конец; осталось только разработать детали; то, что дремало под тяжестью «Роджера», вновь ожило. Опять я чувю след. «Макулатура»? Меня прервал резкий звонок. Пришел маленький мальчик в белом свитере, думаю, скаут; Мэйбел сказала, что они каждый день приходили

* Южное побережье Англии (Прим. переводчика).

в дом 37 и уносили трофеи. Отчаянная борьба. Те же разглагольствования. Идя через Саутиз*, увидела миссис Кекелл, занимавшуюся прополкой в старой летней шляпке. И вдруг выходит горничная в муслиновом передничке и чепчике с голубой лентой. Что это? Желание удержать стандарты цивилизации?

Пятница, 7 июня

Только что вернулись (из Лондона); душный жаркий вечер. Великая битва, которая решает, жить нам или умереть, продолжается. Прошлой ночью тут был воздушный налет. Сегодня опять. До половины третьего утра.

Воскресенье, 9 июня

Буду продолжать — но смогу ли? Эта битва довольно быстро опустошила Лондон. День словно скрипит на зубах. Подходит к моему сегодняшнему настроению, как мне кажется: капитуляция означает, что все евреи будут брошены на произвол судьбы. Концентрационные лагеря. Наш гараж, например. Есть только это; помимо исправлений, вносимых в «Роджера», и шаров. Все пытаются найти что-то отвлекающее — например, вчера в Чарльстоне был Ли Эштон. Но сегодня на линии фронта прорыв. Ночью летали самолеты (Г.); их преследовали прожекторы. Заклеила окна бумагой. Еще одно впечатление: не хочу ложиться в постель днем; это имеет отношение к гаражу. Мы боимся (это не преувеличение) новостей о том, что французское правительство покинуло Париж. Гул, перекрывающий крики кукушки и других птиц. Как будто печка за небом. На меня вдруг нашло удивительное прозрение, исчезло письменное «я». Нет аудитории. Нет отклика. Это частичная смерть. Нет, все не так серьезно, если я исправляю «Роджера» и отсылаю его, наконец-то, завтра: значит, могу закончить «П. Х.». Однако факт есть факт — отсутствие отклика.

Понедельник, 10 июня

День прошел. Я хочу сказать, странный страх, который может быть ложным. Как бы то ни было, сегодня утром говорят, что фронт не прорван — разве что в нескольких местах. Наша

* Деревня недалеко от Льюиса (Прим. переводчика).

армия оставила Норвегию и идет им на помощь. Как бы то ни было — день прошел — день, когда словно уголь скрипит на зубах. Л. завтракал при электрическом свете. Слава Богу, стало прохладно. Сегодня я отослала гранки, в последний раз прочитав моего «Роджера». Остается указатель. Я в скверном настроении; словно нахожусь в затруднении и полна самыми дурными предположениями, ибо запомнила холодность Леонарда, да еще Джон* молчит; наверняка один из моих провалов.

Суббота, 22 июня

Полагаю, это Ватерлоо. Стычки во Франции продолжаются; условия еще не объявили; тяжелый серый день, я проиграла в шары, была раздражена, обижена и поклялась больше никогда не играть, но читала свою книгу. Мои книги — Кольридж; Роза Маколей; письма Бессборо** — довольно глупая фантазия, инспирированная Гари-о: я бы хотела найти одну книгу и прилечь к ней. Но не могу. Если уж это моя последняя дистанция, то почему бы не почитать Шекспира? Не могу. Мне кажется, что я должна закончить «П. Х.», должна закончить что-нибудь в преддверии конца. Конец придает живость, даже веселость и беззаботность каждодневной беспорядочной жизни. Вот, думала я вчера, не исключено, что это моя последняя прогулка. На холме над Бэйдином я нашла несколько зеленых стеклянных трубочек. В пшенице огнем полыхали маки. А вечером я читала Шелли. Какими нежными, чистыми, музыкальными и неиспорченными кажутся он и Кольридж после чтения левых. До чего легко и твердо они ступают, а как они поют; ни одного лишнего слова, все на месте, глубокий смысл. Мне бы хотелось изобрести новый критический метод — что-нибудь более быстрое и легкое, более разговорное и все же насыщенное: более близкое к тексту и менее жесткое; более воздушное и похожее на полет, чем мои эссе из «Обыкновенного читателя». Старая проблема: как сохранить полет мыслей, но быть точной. В этом разница между скетчем и законченной работой. Пора готовить обед. Роль. Ночные налеты на восточное и южное побережья. 6, 3, 22 человека убивают каждую ночь.

* Джон Лиман (Лехман).

** Леди Кэролин Лэм (Прим. переводчика).

Дует сильный ветер; Мэйбел, Луи собирают смородину и крыжовник. Визит в Чарльстон — еще один камешек в мой огород. В данный момент, работая лишь над «П. Х.», я не очень твердо стою на земле. Потом война — ожидание, пока наточат ножи — разрушила внешнюю защитную стену. Никакого эха. Никакой среды. У меня совсем нет ощущения публики, так что я даже забываю, печатается «Роджер» или не печатается. Обычные вращения — прежние правила, — которые много лет доносили до меня эхо и укрепляли меня, теперь непонятны и неуловимы, как в пустыне. Я хочу сказать, нет «осени», нет зимы. Мы подходим к краю пропасти... а потом что? Не могу представить, что будет 27 июня 1941 года. Это отбирает что-то даже у чаепитий в Чарльстоне. Мы бросаем еще один день в поток воды, приводящий в движение мельничное колесо.

Среда, 24 июля

Мне нужно кое о чем написать: но в данный момент, накануне выхода в свет книги, я хочу написать о своих чувствах. Они какие должны быть, но не очень сильные — не сравнить с теми, что были перед выходом романа «Годы», — о нет, совсем не такие. Все же они болезненные. Хорошо бы это случилось на следующей неделе в среду. Будут Морган и Десмонд. Боюсь, Морган скажет — достаточно, чтобы показать, как ему не нравится книга, но он добрый. Д. непременно огорчит. «The Times Lit. Sup.» (после нападок на «Обзоры») найдет, над чем посмеяться. «T. and T.» будут полны энтузиазма. И — это все. Я повторяю, будут два направления, как всегда: чарующе — скучно; живо — мертво. Так почему я нервничаю? Я ведь всё знаю. Не всё. Миссис Лиман выразила восторг. Джон молчит. Те, кто фыркает в сторону Блумсбери, конечно же, поглумятся надо мной. Я и забыла. Но когда Л. расчесывает Салли, я не могу сосредоточиться. У меня нет отдельной комнаты. Одиннадцать дней калейдоскоп лиц. Вчера это закончилось на У. И. (W. I.): моя речь — я произнесла ее — о «Дредноуте»*. Простая, в общем, естественная и дружеская беседа. Много чая; бисквитов; и на

* Корабль «Дредноут» (неустрасимый) — английский линейный корабль, построенный в 1906 году, имел десять мощных башенных орудий и толстую броню (Прим. переводчика).

председательском месте миссис Чейвасс в облегающем платье: из уважения ко мне чай был книжным. Мисс Гарднер приколотла к платью «Три гиней»; миссис Томпсетт — «Три недели»; кто-то еще — серебряную ложку. Нет, не могу писать о смерти Рэя*, ведь я ничего не знаю, кроме того, что та тучная женщина с копной седых волос и искусанными губами, чудовище, которое я помню как типичную юную женственность; оно скончалось неожиданно. Было весьма представительно в белом пиджаке и брюках; как здание без окон — разочарование, храбрость, отсутствие — чего? — воображения?

Леди Оксфорд сказала, что добродетель — это тратить, а не сохранять. Она повисла у меня на шее вся в слезах. У миссис Кэмпбелл рак. Но почти тотчас очнувшись и принялась тратить. Холодный цыпленок, сказала она, всегда ждал меня. В деревне едят масло. Она была очаровательно одета в нечто из блестящего шелка с темно-синим галстуком; темно-синяя русская шляпка с красной лентой. Шляпку ей подарила модистка: плоды теории трат.

Все стены, защищающие и отражающие, стали ужасающе тонкими в этой войне. Нет штандарта, ради которого пишут; нет отзывающейся на написанное публики; даже «традиция» почти не сохранилась. Отсюда сила и безрассудство — полагаю, это и хорошо и плохо. Однако ничего другого и быть не могло. Возможно, стены, если приложить много сил, наконец-то примут меня. Сегодня я все еще чувствую себя под вуалью. Завтра, когда выйдет книга, ее поднимут. Это может быть болезненным; может быть стимулирующим. И тогда я, наверное, опять почувствую стену, которой мне не хватает, — или пустоту? или холод? Я пишу тут, а ведь мне надоели дневники, и Жид, и де Виньи. Мне хочется чего-то последовательного и здорового. В первые дни войны я могла читать только дневники.

Четверг, 25 июля

Сейчас я не очень нервничаю: в худшем случае, на уровне кожи; ибо в основном к книге отнеслись одобрительно; все-таки мне не хватает похвалы Моргана. Но с этим придется, полагаю, подождать до завтра. Первый отклик (Линд): «...глубокая поэти-

* Рэй Стрэчи.

ческая доброжелательность... создает из него привлекательный персонаж (несмотря на буйные речи). Есть маленькая драма... в то же время для интересующихся современным искусством здесь достаточно полезного материала...»

Странные отношения связывают нас с Роджером в настоящий момент — я возродила его после смерти. Нравится ли ему то, что получилось? Сейчас я словно чувствую его рядом; словно у нас была интимная близость; словно мы вместе дали жизнь его новому образу: рожденному нами ребенку. Но у него не было власти что-либо изменить. Несколько лет его будут воспринимать именно таким, и никаким больше.

Пятница, 26 июля

Полагаю, у меня прочное, скажем, второе место, судя по рецензии в «Lit. Sup.». От Моргана ничего. «Таймс» считает, что моя книга займет высокое место среди биографий; что у меня талант собирать все, относящееся к предмету исследования. «Таймс» (полагаю, искусствовед) анализирует детали, цвета, etc. В «Таймс» пишут умно, но не более того. Сейчас мне приятно и спокойно. Внизу Кольридж, наверху это, все почти так и есть (ненавижу это столкновение), я уверена в нечто постоянном и реальном в моем существовании. Кстати, я даже горжусь, что проделала такую большую работу. И я в общем-то довольна. Но читаю письма и словно опускаю руку в кувшин с пиявками; теперь придется писать много скучных писем. Тем не менее, летний вечер неправдоподобно прекрасен — да, прекрасен, я правильно выбрала слово — скоротечный, изменчивый, капризный. И я победила в двух играх. Нашли большого ежа в заросшем лилиями пруду; Л. попытался оживить его. Любопытное зрелище. Правительство платит два шиллинга шесть пенсов за каждого живого ежа. Я читаю Рут Бенедикт, и у меня появляются мысли — о культуре, — но они предполагают слишком многое. Шесть томов Авг. Хэр тоже побуждают — к маленьким статьям. Сегодня вечером я на редкость спокойна. В субботу, сколько мне помнится, рецензий не публикуют. Неприкосновенна — еще одно правильное слово. Джон еще не прочитал книгу. Когда двенадцать самолетов прошлой ночью пролетели над нами в сторону моря, чтобы вступить в бой, у меня появилось, как мне кажется, мое собственное, не общее, продикто-

ванное Би-би-си, чувство. Я почти бездумно пожелала им удачи. Жаль, я не в состоянии сделать научные записи о человеческих реакциях. Вторжение может произойти сегодня ночью или не произойти совсем — это формула Жубера. И еще — что-то я еще хотела сказать — что? Надо приготовить обед.

Пятница, 2 августа

Все молчат о книге. Наверное, она уплыла в море и утонула. «Одна из наших книг не вернулась» — как формулирует это Би-би-си. Морган не написал рецензию; никто не написал. Нет писем. И хотя я подозреваю, что Морган отказался писать, найдя книгу неудобоваримой, все же продолжаю пребывать — честно — спокойной и готовой к полному и окончательному молчанию.

Воскресенье, 4 августа

Пока Юдит и Лесли* заканчивают игру, я пишу с облегчением — в рецензии Десмонда есть все, что я хотела сказать. Книга приглянулась по вкусу друзьям и, скажем, младшему поколению. Да, да, таким мы его знаем: биография не только хорошо написана, но и очень важна. Этого достаточно. Я вознаграждена и спокойна — это не похоже на прежние триумфы, когда я писала романы. Просто я исполнила то, о чем меня просили, и дала моим друзьям то, что они хотели. А ведь я уже решила, что не дала им ничего, кроме материала для книги, которую не сумела написать. Теперь я могу радоваться и не мучить себя предположениями о том, что думают другие, ибо Десмонд отличный звонарь и всех поднимет на ноги — я имею в виду, что его строчки разбредутся потихоньку в ближнем кругу. Герберт Рид и Макколл сдерживались, как могли; выложили свои доводы; остался лишь Морган, да, может быть, У.Льюис пустит личную стрелу.

Вторник, 6 августа

Была очень счастлива, когда за завтраком (с Джоном) увидела голубой конверт от Клайва. Клайв почти — что? — благоговен; нет, спокойно, серьезно, полностью, без насмешек одобряет. В своем роде не хуже лучших моих книг — лучшая биография за

* Юдит Стивен и Лесли Хамфри.

много лет — первая часть не уступает второй, и нет никаких провалов. Итак, теперь я убеждена в том, что чувствовала, даже когда с температурой 101 гуляла в марте с Леонардом и он долбил меня своим клювом, — убеждена в том, что чувствовала, — первая часть гораздо интереснее для широкой аудитории, хотя она не такая насыщенная и многоплановая, как вторая. Я уверена, это было необходимо — как надежный тротуар для всех, кто хочет стоять на нем.

Суббота, 10 августа

А потом Морган слегка охладил мой пыл; но прежде мой пыл охладил дурно пахнущее бормотание Лесли, накануне вечером и накануне днем и еще завтра. Итак, Морган и Вита слегка охладили мой пыл; а Боб слегка поднял настроение, и Этель тоже, и какой-то старик в «Спектейтор», который напал на Рида. Но, клянусь Богом, это все. Больше никаких рецензий, и если бы я могла побыть в одиночестве — никаких мужчин, перевозящих столбы и роющих землю для оборонительных сооружений, и никаких соседей, я бы, несомненно, смогла расправить крылья и устремиться — в «П. Х.», в Кольриджа; но сначала я должна — чертов Джон — переписать «Письмо молодому поэту». Постоянное общество так же плохо, как одиночное заключение.

Пятница, 16 августа

Заказали третий тираж. Л. сказал, когда мы в среду были в доме 37: «Это сенсация». Шум скрадывается, чем дальше мы от Лондона. Почему ругань огорчает больше, чем радует похвала? Не знаю. Отсылаю к Уэйли; не отсылаю к Памеле — великое произведение искусства, etc. Постепенно все входит в свою колею. Успокаивается. Дело сделано. Я пишу «П. Х.», и у меня есть свободный час. Много воздушных налетов. Один случился, когда я гуляла. Стог сена оказался рядом. Но я прошла мимо и ни разу не остановилась до самого дома. Небо чистое. Потом опять сирены. Потом Юдит и Лесли. Шары. Миссис Эббс, etc., одолжить стол. Небо чистое. Мне надо чем-то занять последний час или мне станет плохо, вот я и пишу. Но «П. Х.» затянет меня — винт. Поэтому пойду к себе; почитаю Хэра и напишу Этель. Очень жарко, даже снаружи.

Они прошли очень низко. Мы лежали под деревом. Звук был такой, словно кто-то пилит в воздухе прямо над нашими голова-

ми. Мы лежали ничком, закрыв головы руками. Л. сказал, что не нужно стискивать зубы. Казалось, они пилят что-то на одном месте. От взрывов бомб звенели стекла в моем убежище. А если оно рухнет? — спросила я. Если рухнет, то и нам несдобровать. Я подумала, я подумала — ни о чем; пустота; в голове у меня была пустота. Наверное, я испугалась. Не перевести ли нам Мэйбел в гараж? Слишком рискованно сейчас ходить по саду, сказал Л. Потом опять прилетели из Ньюхейвена. Гул, стрекот, жужжание вокруг. Лошадь заржала на пустоши. Очень душно. Это гром? — спросила я. Нет, пушки, сказал Л., бьют из Рингмера, из Чарльстона. Потом, понемногу, стало тише. Мэйбел в кухне, сказала, что дребезжали стекла. Воздушный налет продолжается; далекие самолеты; Лесли играет в шары. Я проигрываю. Шарлотта Бронте сказала: лишь мои книги причиняют мне боль. Сегодня я с ней согласна. Очень тягостно, скучно, сыро. Надо немедленно излечиться. Небо чистое. От 5 до 7. Прошлой ночью 144 бомбы.

Понедельник, 19 августа

Вчера, в воскресенье, восемнадцатого, опять рев. Прямо над нами. Я смотрела на самолеты, как голян на ревящую акулу. Они сверкали над нами — три, как мне показалось. Оливково-зеленые. Потом поп, поп, поп — немцы? Опять поп, поп, поп — над Кингстоном. Сказали, что пять бомбардировщиков летели на бреющем полете в направлении Лондона. Мы были на волосок от гибели. 144 бомбы — и это не в последний раз. Сегодня налетов (пока) нет. Репетиция. Я не могу читать. Сожаление. Почему не говорят правду?

*Пятница, 23 августа**

Книга провалилась. Продажи упали до 15 в день после налета на Лондон. Не в этом ли причина? Может быть, еще поднимутся?

Среда, 28 августа

Как бы мне хотелось целыми днями писать стихи — это подарок мне от бедняжки Х., которая никогда их не читала, потому что возненавидела их еще в школе. Она гостила у нас, если

* Первый крупный налет немецких бомбардировщиков на Лондон (Прим. переводчика).

точно, со вторника до воскресного вечера: и мне казалось, будто это я гошу у нее. Почему? Потому что (отчасти) у нее артистический темперамент, а она не принадлежит к миру искусства. Она темпераментна, но у ее темперамента нет выхода. Мне она кажется очаровательной; у нее есть индивидуальность; она искренна и, в общем, трогательна. В ней есть забавная бестолковость; нетренированный ум. И она из сомневающих. Надо ли соглашаться на все? У. говорит «да» — я говорю «нет». По правде говоря, у нее нет чувства цвета — и она не чувствует музыку и живопись. Много сил и энергии, но все же что-то постоянно мешает прыжку. Могу представить, как она заливается слезами перед сном. Итак, не привезя ни еды, ни книг, она чувствовала себя не совсем в своей тарелке. Я позвала ее, чтобы облегчить ее состояние. Моя милая псина. Афганская гончая — с длинными крепкими лапами и длинным телом и космами нечесаных волос. Хорошо, что я хорошенькая, сказала она. Так оно и есть. Однако теперь я знаю, в результате недельного непрерывного общения, шаров, чая, гостей, что такое привилегированная частная школа — полное отсутствие одиночества. Вне всякого сомнения, неплохое растирание жестким полотенцем для старого разума. А Юдит и Лесли хотят играть в шары. Вот почему в мое первое одинокое утро после Лондона и затяжного воздушного налета — с 9.30 до 4 утра — я была так легка, так свободна, так счастлива, что назвала «П. Х.» стихами. Хорошо ли это? Думаю, нет, не очень. Должна сказать, ублажая В. В., если она хочет знать, что было в августе 1940 года, — воздушные налеты теперь как бы прелюдия. Вторжение, если оно состоится, то не позже чем через три недели. Люди доведены до предела. В воздухе треск; осы жужжат; сирена — Плачущий Вилли, пишут в газетах — пунктуальна, как звезды... Мы говорим, что мы здесь еще не испытали настоящих налетов. Два были на Лондон. Один застал меня в Лондонской библиотеке. Там я поняла, прочитав в «Скрутини», что миссис В., несмотря ни на что, лучше молодых. Это мне понравилось. Джон Бьюкен — «В. В. наш лучший критик со времен М. Арнольда, но мудрее и справедливее». Это мне тоже понравилось. Я должна написать Памеле. Продажи немного выросли.

P.S. к последней странице. Мы вышли на террасу; начали играть. Медленно и тяжело летел большой самолет. Л. что-то сказал

Уэллсли. Тренировочный самолет, сказал Лесли. Неожиданно послышались поп, поп из-за церкви. Действующий, сказали мы. Самолет сделал круг над пустошью и полетел назад очень низко над землей и над нами. Потом словно град — поп, поп, поп... (как будто лопались шары). Самолет медленно и тяжело развернулся и полетел в сторону Льюиса. Мы не сводили с него глаз. Лесли разглядел черный немецкий крест. Все рабочие смотрели вверх. Это немец, нас осенило. Это враг. Он исчез в соснах за Льюисом и больше не появился. Потом мы услышали жужжание. Поглядели вверх и увидели очень высоко два самолета. Они вроде должны были напасть на нас. Мы укрылись в моем домике. Но они развернулись, и Лесли разглядел английский знак. Мы наблюдали — они скользнули стороной, сделали петлю и гудели минут пять над упавшим самолетом, словно опознавая его и удостовераясь в его падении. Потом они направились в сторону Лондона. У нас появилась версия, что самолет был подбит и искал, где сделать посадку. «Наверняка это был немец», — сказали мужчины; те мужчины, которые держат под рукой оружие. Это должна была быть мирная смерть, прискакавшая на террасу, где прохладным солнечным августовским вечером люди играли в шары.

Суббота, 31 августа

Мы уже в состоянии войны. На Англию совершено нападение. Впервые я по-настоящему осознала это вчера; ощущение давления, опасности, ужаса. Ощущение, что идет битва — жестокая битва. Продлится, возможно, недели четыре. Боюсь ли я? Временами. Самое худшее то, что наутро плохо работает голова. Конечно, это может быть началом вторжения. Ощущение давления. Бесконечные местные рассказы. Нет — нет ничего хорошего в том, чтобы всеми силами предаваться чувствам, пробужденным войной, в которую вступила Англия. Должна сказать, если я буду писать художественную прозу и о Кольридже, а не inferнальную статью о бомбардировках для США, то улпыву в тихие воды.

Понедельник, 2 сентября

Как будто не было войны в последние два дня. Лишь одна воздушная тревога. Совершенно спокойные ночи. Затишье после налетов на Лондон.

Четверг, 5 сентября

Жарко, жарко, жарко. Регистрируем жару, регистрируем лето, если мы еще что-то регистрируем. В 2.30 гул самолетов; десятью минутами позже грохот воздушного налета; двадцатью минутами позже все тихо. Повторяю, жара и сомнение в том, что я поэтесса. «П. Х.» — тяжелая работа. Голова — нет, не могу подобрать слово — скажем, слабеет. Идея. Все писатели несчастные. Поэтому картина мира в книгах слишком мрачная. Бессловесные счастливее; женщины в своих огородах; миссис Чейвасс. Нет правдивой картины мира; есть лишь картина, нарисованная тем или другим писателем. Счастливее ли музыканты, художники? Счастливее ли их мир?

Вторник, 10 сентября

Вернулись, пробыв полдня в Лондоне, — возможно, это был наш самый странный визит. Когда мы подъехали к Гауэр-стрит, там оказался барьер с указателем. Никаких признаков повреждений. Но когда мы приблизились к Даути-стрит — толпа. Мисс Перкинс в окне. Мекленбургская площадь огорожена. Никого не пускают. Нас тоже не пустили. В дом, что в тридцати ярдах от нашего, утром попала бомба. Он совсем разрушен. Другая бомба — на площади — не взорвалась. Мы обошли кругом. Постояли около дома Джейн Харрисон. Он еще тлел. Огромная куча кирпичей. Под ней все люди, которые были в этом доме. Ключья одежды на пустых, не обвалившихся стенах. Зеркало, подумала я, качается. Напоминает выбитый зуб — пустое место. Наш дом не пострадал. Даже окна целы — наверное, взрывная волна обошла их стороной. Мы увидели, как Бернал с перевязанной рукой прыгает наверху другой кучи. Кто жил там? Полагаю, обычные молодые мужчины и женщины, которых я видела из окна; обитатели квартир, разводившие цветы и посиживавшие на балконе. Теперь ни людей, ни дома. Механик на задах — с затуманенным взглядом, подергивающийся — сказал нам, что взрывной волной его выбросило из кровати; пришлось искать убежища в церкви. «Там было холодно и жестко, — сказал он, — и маленький мальчик лежал у меня на руках. Я повеселел, когда дали отбой. У меня все болело». Он сказал, что немцы три ночи подряд бомбили Кингс-Кросс. Они разрушили половину Аргилл-стрит и магазины на Грейз-Инн-роуд. Потом подошел мистер Прит-

чард. Выслушал новости спокойно, как угорь. «Они в самом деле имели дерзость заявить, что это заставит нас заключить мир!..» — сказал он; он наблюдает за воздушными налетами с плоской крыши своего дома и спит как ни в чем не бывало. Итак, поговорив с мисс Перкинс и миссис Джексон — обе были спокойны — мисс П. спала на походной кровати в своем подвале, — мы отправились на Грейз-Инн. Оставили машину и увидели Холборн. Огромную дыру в начале Чэнсери-Лейн. Она еще дымилась. Какой-то большой магазин разрушен полностью; отель напротив похож на раковину. В винном магазине не осталось ни одного окна. Возле столиков стояли люди — полагаю, там обслуживали. Груды сине-зеленого стекла на мостовой на Чэнсери-Лейн. Мужчины выбирают застрявшие в рамах осколки. Падает стекло. Потом на Линкольн-Инн. К офису «Н. С.»: окна разбиты, но дом уцелел. Мы вошли внутрь. Пусто. Мокро. Стекло на ступеньках. Двери заперты. Возвращаемся к машине. Большая пробка. Кинотеатр позади музея мадам Тюссо разрушен; видна сцена; сохранились украшения зала. Все дома на Риджентс-парк с выбитыми окнами, но в остальном целые. Потом мили и мили обыкновенных улиц — вся Бейсуотер и Сассекс-сквер, как обычно — улицы пустые — лица напряженные, глаза затуманенные. На Чэнсери-Лейн я видела мужчину с тачкой музыкальных книг. Контора моей машинистки разрушена. Потом, на Уимблдоне, завывла сирена: люди побежали. Мы поехали по почти пустым улицам, стараясь продвигаться как можно быстрее. Лошади, рвущиеся из оглобей. Мчащиеся наперегонки машины. Потом отбой. Полагаю, людям сейчас невесело, скажем, на Хиткоут-стрит — впереди ночь; старые измученные женщины стоят в дверях домов; грязь, убогость. Несса сказала по телефону, что бомбы падают очень близко. Я считала себя трусихой, предлагая на предстоящие две ночи уходить из дома 37. И почувствовала облегчение, когда позвонила мисс П. и посоветовала нам не оставаться дома. Л. согласился.

Среда, 11 сентября

Только что говорил Черчилль. Четкая, взвешенная, ясная речь. Он сказал, что готовится вторжение. Оно случится в ближайшие две недели, если случится. Во французских портах множество кораблей и барж. Бомбежка Лондона, конечно же, подготовка

к вторжению. Наш величественный Город — etc., это тронуло меня, потому что я тоже считаю Лондон величественным. Наша храбрость, etc. Ночью был еще один налет на Лондон. Бомба задела Дворец*. Позвонил Джон. Он был на Мекленбургской площади в ночь налета: хочет перевезти «Пресс» в другое место. Л. должен пойти туда в пятницу. Джон сказал, что в нашем доме выбиты стекла. Он где-то квартирует. С Мекленбургской площади всех эвакуировали. На наших глазах перед чаем сбили самолет; за ипподромом; бой; он дернулся в сторону; как будто нырнул; потом повалил густой черный дым. Перси сказал, что пилот выпрыгнул с парашютом. Мы ждем воздушных налетов около 8.30. Как бы то ни было, да или нет, но примерно в это время мы слышим страшный вой пилы, который сначала становится громче, а потом стихает; потом наступает тишина; потом все повторяется. «Опять они», — говорим мы, усаживаясь: я — за работу, Л. — набивать сигареты. Время от времени глухой грохот. Стекла звенят. Так мы узнаем об очередном налете на Лондон.

Четверг, 12 сентября

Поднялся ветер. Погода испортилась. Так было, наверное, во времена Армады**. Не слышен гул самолетов. Шумит один ветер. Ночью самолеты летали один за другим. Однако налет был отбит новым лондонским заграждением. Это радует. Если мы сможем продержаться эту неделю — следующую неделю — и следующую неделю — если погода не изменится — если ослабнет напор воздушных налетов на Лондон, — мы отправимся завтра повидаться с Джоном насчет «Пресс»; забить окна; забрать ценные вещи и письма — если нам позволят пройти на Площадь. Ну и клубничка пришла мне в голову, я припомнила свою идею для книги «Общей истории» — собирать ее из литературы, включая биографическую; разложить по желанию, но хронологически.

Пятница, 13 сентября

В воздухе предчувствие вторжения. Дороги забиты военными вагонами-платформами, солдатами. Только что вернулись после тяжелого дня в Лондоне. Налет, которого мы не услышали, на-

* Была разрушена дворцовая церковь (Прим. переводчика).

** Имеется в виду битва с испанской Непобедимой Армадой в 1588 г. (Прим. переводчика).

чался за Уимблдоном. Неожиданно все остановилось. Люди исчезли. Несколько машин все-таки продолжали движение. Мы решили зайти в туалет на холме, закрыт. Л. воспользовался прикрытием дерева. Полил его. Вдалеке били пушки. Заметили укрытие из розового кирпича. Это была единственная польза от нашего путешествия — беседа с мужчиной, женщиной и ребенком, которые там жили. Их бомбили в Клапеме. Дом у них ненадежный; поэтому они перебрались в Уимблдон. Предпочли этот незавершенный оборонительный объект переполненному дому для беженцев. У них есть походная лампа, кастрюля, и они в состоянии заварить чай. Ночной сторож не нуждался в их чае, у него есть собственный; кто-то позволил им принять ванну. В одном из уимблдонских домов осталась лишь смотрительница. Конечно же, она не могла поселить нас, но им, по своей доброте, позволяла посидеть внутри. Мы разговаривали. Симпатичная дама из среднего класса, направлявшаяся в Эпсом, сокрушалась, что не родила ребенка. Но мы не расстанемся с ней, сказали они — говорливый эмоциональный кельт и спокойная уравновешенная саксонка. Пока она в порядке, мы ничего не имеем против. Спят они на стружках. Бомбы падали на Палату общин. Он — маляр.

Он положил тонкую подстилку на ступеньку для меня. Заглянул офицер. «Готовимся к вторжению», — сказал мужчина, словно оно должно было произойти минут через десять.

Очень дружелюбный и гостеприимный. Им нравится, когда люди приходят к ним поговорить. Что они будут делать? Мужчина думал, будто Гитлера скоро одолеют. Дама в шляпке набекрень сказала: никогда. Мы уходили дважды; в первый раз начали бить пушки, и мы вернулись. В конце концов двинулись в путь, внимательно вглядываясь в убежища и поведение людей. Добрались до отеля «Расселл». Джона не было. Громкие разрывы снарядов. Мы спрятались. Потом отправились на Мекленбургскую площадь; встретили Джона, он сказал, что Площадь все еще закрыта; ланч в отеле; решили, что «Пресс» нужно немедленно перевести — использовать «Гарден сити пресс» — в 20 минут. Налет продолжался. Пошли на Мекленбургскую площадь.

Суббота, 14 сентября

Ощущение вторжения — грузовики с солдатами и орудиями — похожи на журавлей — стремятся в Ньюхейвен. Воздушный налет. Несколько очередей, похожих на автоматные, и всё.

Самолеты гудят и гудят. Перси и Л. говорят, что некоторые из них английские. Мэйбел выходит и смотрит вверх; спрашивает, пожарить или сварить рыбу.

Великое преимущество этой страницы в том, что она не дает мне успокоиться. Беспокойство: из-за проигрыша в шары и вторжения; из-за очередного воя сирены; из-за отсутствия книги, которую я должна читать; и т.д. Я читаю Севинье; за прошлую неделю мне удалось оправиться; немного устала от манерного чистюли Берни: даже через много веков его кислая наружность в щегольском убранстве как-то высокомерно — что? — не могу подобрать слова — этот его вид разоблачает характер; более того, напоминает мне кого-то, кого я не люблю. Логана? В нем есть церемонность Тома. Неживая искусственная жестокость и — ох, слово! слово!

Я предлагаю высокомерие.

Не слишком ли я чувствительна к человеку из книги? Думаю, мы, современные люди, не умеем любить. Мы корчимся от боли. Я не могу углубляться в это — вспомнила о старой Розе, которой хотела написать. Всегда думаешь, что скоро будет пристань. Ничего подобного. Сцена, служба, конец. Мне не нравится писать благодарственные письма по поводу «Роджера», как я уже много раз говорила. Думаю начать новую книгу чтения Айфора Иванса (Gd., Penguin).

*Понедельник, 16 сентября**

Ну вот мы и одни на нашем корабле. День дождливый, ветреный. Мэйбел* ушла в 10 часов, тяжело ступая больными ногами и таща чемоданы. Спасибо вам за вашу доброту, сказала она мне и Л. И еще спросила, дам ли я ей рекомендацию. «Надеюсь, мы увидимся», — сказала я. «Ой, конечно», — сказала она. Она думала, что я говорю о смерти. Итак, 5 лет неприятно бессловесных, но пассивных и спокойных отношений закончились: тяжелая, не согретая солнцем груша упала с ветки. Теперь мы более свободны и одни. Никакой ответственности — за нее. Решение домового вопроса — не иметь жильцов. Однако я сглотила; внимала признаниям мистера Уильямсона, уstraшенная

* 15 сентября 1940 г. произошло, как говорил Черчилль, одно из решающих сражений за Англию, своего рода «битва при Ватерлоо» (Прим. переводчика).

** Кухарка решила переехать к своей сестре.

его эгоцентризмом. Неужели все писатели считают себя великими? Он не может и шагу сделать без оглядки на свою славу. А я никогда не читала его бессмертных сочинений. Сегодня в Чарльстон, но сначала запастись продуктами, чтобы выдержать осаду в Льюисе. Вчера вечером видела огоньки в небе над нашей квартирой. Л. думал, это разрывались в воздухе снаряды из наших орудий. Всю ночь летали самолеты. Грохот взрывов. Я слушала церковные колокола и думала, признаюсь, что мы с Мэйбел тут как в тюрьме. Она думала о том же. Сказала, что если уж суждено умереть, то от судьбы не уйдешь. Предпочитает смерть в Холлоуэе за игрой в карты — естественно, — чем смерть тут.

Вторник, 17 сентября

Вторжения не случилось. Ветер сильный. Вчера в Публичной библиотеке взяла книгу критика Х. Это отвратило меня от моей книги. Атмосфера в Лондонской библиотеке тягостная и настроила меня против литературной критики вообще: умная, безвоздушная, бесплотная изобретательность и старания доказать — что Т.С.Элиот, например, как критик хуже, чем Х. Неужели вся литературная критика такая же безвоздушная? — книжная пыль, Лондонская библиотека, воздух. Или все дело в том, что Х., второразрядный, холодный университетский специалист, дон*, преподаватель, старается изобразить творчество, дон, утонувший в книгах, старается стать писателем? Неужели то же самое можно сказать об «Обыкновенном читателе»? Пяти минут хватило, чтобы, полистав книгу, я впала в уныние. Мужчина спросил: «Что бы вы хотели, миссис Вулф?» Я сказала — историю английской литературы. Но мне было так плохо, что я не сумела сосредоточиться. «Историй» оказалось слишком много. И я не могла вспомнить имя Стопфорда Брука.

Я продолжаю, выиграв два раза в шары. Наш остров — необитаемый. Нет писем с Мек**. Нет кофе. Газеты между 3 и 4. Не могу связаться с Мек. по телефону. Некоторые письма идут пять дней. Поезда ненадежны. Лучше всего садиться в поезд в Кройдоне. Анджелика ездит в Хилтон через Оксфорд. Вот так Л. и я оказались почти отрезанными от всех. Вчера вечером, возвраща-

* Преподаватель в Оксфорде и Кембридже (Прим. переводчика).

** Мекленбургская площадь (Прим. переводчика).

ясь, нашли в саду молодого солдата. «Могу я поговорить с мистром Вулфом?» Я решила, что речь будет идти об ордере на постой. Нет. Не одолжите ли нам пишущую машинку? Офицера куда-то перевели, и он увез свою машинку с собой. Мы отдали ему мою портативную машинку. Потом солдат спросил: «Прошу прощения, сэр, вы играете в шахматы?» Он страстный игрок. Итак, мы пригласили его к чаю в субботу. Он пришел с холма, где расположена прожекторная противовоздушная установка. Ему там скучно. Негде принять ванну. Искренний, добродушный юноша. Профессиональный солдат? Думаю, сын, скажем, агента по продаже недвижимости или владельца небольшого магазина. Не частная школа. Не низшие классы. Я разужнаю поточнее. «Прошу прощения, что вторгся в вашу жизнь», — сказал он. И еще сказал, что в субботу идет в кино в Льюисе.

Среда, 18 сентября

«Нам потребуется все наше мужество» — вот слова, которые я произнесла сегодня утром, когда услышала, что на Мекленбургской площади выбиты все стекла, обрушились потолки и большая часть посуды перестала существовать. Упала бомба. Зачем нам понадобилось переезжать с Тависток? Что толку в таких мыслях? Мы уже хотели ехать в Лондон, когда дозвонились до мисс Перкинс, которая нам все рассказала. Издательство — то, что от него осталось — вот-вот переедет в Лечворт*. Мрачное утро. Как тут сосредоточиться на Мишле и Кольридже? Я уже сказала, что нам понадобится мужество. Ночью был один из самых страшных воздушных налетов на Лондон — ждем, что скажут по радио. Но я все равно продолжаю работать над «П. Х.».

Четверг, 19 сентября

Сегодня мужество нужно мне меньше. Полагаю, несколько ослабло впечатление от голоса мисс П., рассказывавшей о разрушениях.

Среда, 25 сентября

Весь день — понедельник — в Лондоне; дома; темно; коврами закрыли окна; потолки частично обрушились; кучи серой

* Первый город-сад в мире, созданный в 1903 г. по инициативе английского филантропа, архитектора Э.Хауарда (Западная Англия) (Прим. переводчика).

штукатурки и битой посуды под кухонным столом; задние комнаты в порядке. Прекрасный сентябрьский день — мягкий — три дня хорошей погоды — приехал Джон. Мы в Летчворте. Фирма «Гарден Сити» организовала наш переезд в тот же день. «Роджер», как ни странно, продается. Бомба упала на Брун-свик-сквер. Я была в булочной. Успокаивала взволнованных измученных женщин.

Воскресенье, 29 сентября

Бомба упала так близко, что мне почудилось, будто Л. со стуком захлопнул окно. Я отругала его, потому что писала Хью и ручка выпала у меня из руки. Налет все еще продолжается. Так овчарка гонит лису из загона для овец. Она лает, кусается, и мародерша, не выдерживая, бросает кость, бомбу на Ньюхейвен, после чего улепetyивает. Отбой. Шары. Деревенские жители стоят в дверях. Холодно. Все стало привычным. Я думала (помимо остального), что у нас ленивая жизнь. Завтрак в постели. Чтение в постели. Ванна. Меню обеда. Потом в Домик*. Сделав перестановку в комнате (развернув стол к солнцу; церковь справа; окно слева; новый прекрасный вид), настраиваюсь, закурываю сигарету; пишу до 12; делаю перерыв; навещаю Л.; просматриваю газеты; возвращаюсь; печатаю до 1. Слушаю радио. Ланч. Болит десна, не могу кусать. Читаю газеты. Иду в Саутиз. Возвращаюсь в 3. Собираю и складываю яблоки. Чай. Пишу письма. Шары. Опять печатаю. Читаю Мишле или пишу тут. Готовлю обед. Музыка. Вышивание. 9.30 — читаю (или сплю) до 11.30. Постель. Сравниваю с прежней лондонской жизнью. Три раза в неделю обязательно кто-нибудь приходил. Один раз вечером обед с гостями. В субботу прогулка. В четверг покупки. Во вторник чай у Нессы. Один раз прогулка по Городу. Разговоры по телефону. Собрания Л. Надоедали К. М**, или Робсон. Обычная неделя: с пятницы до понедельника тут. Теперь же мы как будто на необитаемом острове, мне надо добавить немножко чтения. А зачем? Счастливая, совершенно свободная, ничем не ограниченная — жизнь, которая переходит от одной простой мелодии к другой. Правильно. Почему бы не насладиться ею

* Дом-кабинет в саду (Прим. переводчика).

** К. Мартин.

после многих лет другой жизни? Все же я сравниваю свой день с днем мисс Перкинс.

Среда, 2 октября

Не лучше ли посмотреть на закат вместо того, чтобы писать тут? Красный проблеск на синем фоне; от него словно светится стог на пустоши; позади меня красные яблоки на деревьях. Л. рвет их. Витая струя дыма тянется за поездом под Каберном. В воздухе стоит торжественная тишина. До 8.30, тогда в небе слышится смертельный гул; самолеты летят на Лондон. Еще час до этого. Коровы щиплют траву. Листочки вяза похожи на капли дождя на фоне неба. На нашей груше много плодов; над ней возвышается треугольная церковная башня с флюгером. Зачем опять перечислять знакомые вещи, наверняка что-то забывая? Надо ли мне думать о смерти? Ночью чуть ли не под окном упала большая бомба. Так близко, что мы оба вскочили. Самолет, сбросив этот фрукт, полетел дальше. Мы побежали на террасу. В вышине сияли игрушечные звезды. Было тихо. Бомбы упали на Итфорд-Хилл. Их две возле реки, отмеченные белыми крестами и еще не взорвавшиеся. Я сказала Л.: мне пока еще не хочется умирать. Обстоятельства против меня. Их цели — железная дорога и электростанции. С каждым разом они все ближе. На Каберне словно мотылек с распростертыми крылышками — сбитый в воскресенье мессершмит. Сегодня утром я неплохо продвинулась с Кольриджем — Сарой. За две статьи мне заплатят 20 фунтов. Книжки все еще продаются. Спирас* свободен, и Марго** пишет: «Я это сделала, — и добавляет: — Написала длинное письмо о тебе и о том, во что ты веришь». Во что я верю? Сейчас не могу вспомнить. Вот стараюсь представить, как умирать под бомбой. Представляю довольно живо — ощущения; кроме удушающего ничто потом. Я думаю — о, мне хотелось бы прожить еще 10 лет — не то — я не могу сразу описать это. Это — я имею в виду смерть; нет, треск и хруст, уничтожение моей тени у меня на глазах: процесс исчезновения света — болезненный? Да. Ужасно. Полагаю, что ужасно. Потом потеря сознания; усыхание; два-три вдоха в попытке вернуть сознание — и потом точка точка точка.

* Поток (эсперанто) (Прим. переводчика).

** Леди Оксфорд и Аксвит.

Воскресенье, 6 октября

Я хватаюсь за эту страницу, чтобы сказать Анрепам и Рут Берсфорд — что? Неужели так уж странно, если Л. и я идем на пустошь, чтобы сначала посмотреть на воронку, оставшуюся от бомбы, а потом послушать гудение немецких самолетов наверху; и я на два шага придвигаюсь к Л., благоразумно решая, что пусть уж один камень убьет сразу двух птиц. Вчера в конце концов бомбили Льюис.

Суббота, 12 октября

Мне бы хотелось сделать мой день полнее; чтение в основном должно быть перечитыванием. Если бы это не звучало так по-предательски, то день, подобный сегодняшнему, почти слишком — я не скажу счастливый — терпимый. Напев меняется, от одной симпатичной мелодии к другой. Все переиграно (сегодня) в этом театре. Холмы и поля; не могу не смотреть; октябрьские цветы; коричневая пашня; увядание и обновление пустоши. Сейчас поднимается туман. И одна «приятность» за другой: завтрак, работа, прогулка, чай, шары, чтение, сладкое, постель. Письмо от Розы о том, как она проводит свои дни. Из-за этого почти разбился мой день. Но лишь почти. Земля опять крутится. За ним — о да. Но я подумала, что должна жить интенсивнее. Отчасти Роза. Отчасти ужас от пассивной уступчивости. Я живу напряженно. В Лондоне, сейчас или два года назад, я бы бродила по улицам. Больше людей и шума, чем здесь. Итак, мне нужно возместить это — как? Полагаю, придумав книгу. Но всегда есть шанс холодной волны: нет, я больше не поверну свое увеличительное стекло в эту сторону. Обрывки воспоминаний охлаждают мой разум. Я заведена на три статьи (одну сегодня отправила); одну страничку написала о Тоби. Рыба забыта. Я должна придумать обед. Благословенная свобода и легкость — мы с Л. одни. На мне лежит ответственность. Еще одно удовольствие. Зато исчезли заботы об одежде, о Сибил, о положении в обществе. Мне хочется смотреть на эти годы как на что-то позитивное. Л. собирает яблоки. Салли лает. Я представляю вторжение в деревню. Странно это ограничение жизни деревенского масштаба. Дров мы купили на много зим вперед. Все наши друзья сидят у своих очагов. Неожиданный гость почти немислим. Нет машин. Нет бензина. Поезда ходят без расписания. Мы на нашем

прекрасном осеннем свободном острове. Но я буду читать Данте; и еще кое-что для моей книги-путешествия-по-английской-литературе. Мне было приятно увидеть всего исчерканного «Обыкновенного читателя» в Публичной библиотеке, в которую я хочу записаться.

Четверг, 17 октября

Удача от нас отвернулась. Джон сказал, что Тависток-сквер не существует*. Если так, то мне не надо больше просыпаться по ночам с мыслью о том, что от Вулфов отвернется удача. В первый раз они оказываются неосторожными и глупыми. Второе, срочное требование от «Харперс Базар» прислать им статью или рассказ. Итак, это дерево вовсе не засохло, как я думала, а, наоборот, плодоносит. И я потратила не знаю уж сколько мозговых клеток, зарабатывая тремя маленькими статьями 30 гиней. Однако, должна сказать, дело того стоило, ибо я, благодаря пчелиному прилежанию и трудолюбию, стою 120 фунтов в США. Великолепный день — адмирал празднует яблоневый день. Красное гнилое яблоко лежит на траве; на нем сидит бабочка; за нею нежно-голубые акварельные горы и поля. Все летит в легком воздухе, чтобы упасть на землю и отдохнуть. Смеркается. Скоро сирена, потом звук порванных струн... Но пока об этом можно забыть, и о ночной операции против измученного Лондона тоже. Мэйбел хочет уехать из города. Л. пилит дрова. Забавный крестик на церкви словно прислонился к горе. Мы едем завтра. Опускается туман, словно белое руно укрывает пустошь. Я должна выключить свет. Мне так много надо сказать. Не спеша заполняю свои мысли елизаветинцами: так сказать, позволяю им кормиться, как адмиралу — сирена, едва я задернула занавески. Теперь начинается неприятная часть дня. Кого сегодня убьют? Полагаю, не нас. Никто об этом не вспоминает — кроме разве что тех, кто воображает эту картину. Я часто и всерьез думаю, что наше бабье лето было заслуженным; после многих лондонских лет. Я хочу сказать, что мы прочувствовали его. Над каждым днем витала неясная тень риска. Сегодня я вновь взялась за «П. Х.»; думаю,

* Дом, который Вулфы арендовали на Тависток-сквер, был полностью разрушен бомбой.

пора вернуться к старым привычкам — к тому, что я делаю в неудачные дни, — к чтению наугад. Мне пришла в голову мысль собрать записи. Ох, ведь мне пришлось соорудить железный занавес для своих мозгов. Опускаю его, когда окончательно устаю. Ни чтения, ни писания. Никаких претензий, никаких «должна». Я гуляю — вчера в дождь через холм Паддингтоу — новая дорога.

Воскресенье, 20 октября

Самым — каким? — впечатляющим, нет, не то — зрелищем в Лондоне в пятницу оказалась очередь, в основном из детишек с чемоданами, возле входа в метро на Уоррен-стрит. Это было в 11.30. Мы подумали, что эвакуированные ждут автобус. Но и в 3 часа они сидели там, их даже стало больше, женщин, мужчин с чемоданами, с одеялами. Очередь в бомбоубежище на случай ночного налета — которого, конечно же, не миновать. И так, они покинули метро в 6 (в четверг был жестокий налет) и вернулись в 11. Тависток-сквер. Со вздохом облегчения посмотрела на груды развалин. И так, не стало трех домов. Наш дом разрушен до основания. Единственная реликвия — старое плетеное кресло (купленное еще на Фицрой-сквер) и дощечка с каллиграфической надписью: «Сдается». Кирпичи, доски. В соседнем доме сохранилась одна стеклянная дверь. Я вижу кусок стены моей студии; камни, за которыми я написала так много книг. Пустота там, где люди просиживали ночами, устраивали вечера. Отель цел. Теперь на Мек.*. Снова мусор, стекло, черный пушистый пепел, пыль от штукатурки. Мисс Т. и мисс Э., в брюках, халатах и тюрбанах, занимаются уборкой. Я заметила, что у мисс Т. так же дрожат руки, как у мисс Перкинс. Конечно же, дружелюбие и гостеприимство на высшем уровне. Быстрая отрывистая беседа. Повторы. Очень жаль, что у нас не было ее карточки... избавить вас от шока... Это ужасно... Наверху она кое-как починила книжный шкаф. Книги разбросаны по всей столовой. В моей гостиной стекло на комод миссис Хантер — и так далее. Лишь в гостиной более или менее целые окна. Ветер все равно гуляет. Я стала вытаскивать дневники. Что можно увезти в нашей маленькой машине? Дарвина и серебро, немного хрусталя и фарфора.

* В дом Вулфов, № 37 на Мекленбургской площади, попала бомба.

Ланч в гостиной не лез в горло. Пришел Джон. Я забыла «Путешествие на “Бигле”»*. За весь день ни одного налета. Около 2.30 поехали домой.

Возбуждение от потери имущества — правда, временами мне жаль мои книги и кресла, и ковры, и кровати. Много же мне пришлось поработать, чтобы купить их — вещь за вещью — и картины. Однако теперь я свободна от Мек., если это может служить утешением. Почти наверняка дом будет разрушен полностью — и наше эксцентричное владение солнечной квартирой над... Несмотря на переезд и расходы, несомненно, если мы сохраним наши вещи, то дешево отделаемся — я хочу сказать, не дай Бог, мы бы остались в доме 52 и лишились всего. Удивительно — облегчение от того, что что-то потеряно. Я бы хотела начать жизнь, на земле, почти без ничего — но свободная идти, куда хочу. Можем ли мы избавиться от Мек.?

Пятница, 1 ноября

Мрачный вечер, не в настроении: одна у камина — и, беседа, обращаюсь к слишком толстому тому. Моя книга для «Таймс» — последняя автобиография Э.Ф.Бенсона, в которой он попытался избавиться от всех недоговорок. В ней для меня стала ясной рискованность красноречия. Я тоже могу шелкать фразами. Он написал: «Человек должен постоянно открывать в себе новые глубины». Что ж, меня это не смущает. Но отмечу, однако, рискованность красноречия. И прибавлю, имея в виду, насколько я чувствую в пальцах тяжесть каждого слова, даже в статье, надо ли мне чувствовать себя виноватой?

Воскресенье, 3 ноября

Вчера река вышла из берегов. Теперь вместо пустоши море с чайками. Л. и я ходили в сарай. Волны, белая пена, с ревом врываються в дыру возле дома. В прошлом месяце взорвалась бомба; старый Томпсетт сказал, что берег устоял всего месяц. По какой-то причине (берег размяк, как сказал Эверест, возле дома) река опять вышла из берегов. Сегодня ужасный дождь.

* Книга Ч.Дарвина (1835) (Прим. переводчика).

И ветер. Словно милая старушка природа решила поплясать на славу. Опять идем к сараю. Река стала глубже и полноводнее. Мост снесен. Дорога возле фермы непроходима. Итак, все мои прогулки по пустоши остались в прошлом — до каких пор? Еще в одном месте берег не выдержал. Река одолевает — водопад; море непостижимо. Теперь оно окружило стог Боттена — стог посреди воды — и начало заливать наше поле. Прекрасно было бы, если бы вышло солнце. В сегодняшнем тумане есть нечто средневековое. Я счастлива, так как не делаю деньги, а пишу «П. Х.» — рывками; расписывая, рада сообщить, небольшое полотно. Ох, свобода —

Вторник, 5 ноября

Сток в воде невероятно прекрасен... Когда я гляжу вверх, то вижу всю залитую водой пустошь. На солнце она глубокого синего цвета; чайки клюют семена; снежные бураны; дно Атлантики; желтые острова; голые деревья; красные крыши домов. Наводнение может длиться вечно. Девственные места; никаких бунгалов; начало начал. Теперь все свинцово-серое с красными листьями. Наше внутреннее море. Каберн стал скалой. Я думала: Университет заполняет раковины, как (H.A.L.F.) и Тревелиан. Они — их продукт. И еще: Никогда я не была такой плодотворной. И еще: во мне сидит старый голод к книгам: детская страсть. Итак, я очень «счастлива», скажем так; и поглощена «П. Х.». Дневниковая скоропись пригласилась. Новый стиль — смешанный.

Воскресенье, 17 ноября

Я наблюдаю как любопытную безделушку в духовной истории — мне хотелось бы иметь записки натуралиста — записки натуралиста, ведущего наблюдения за человеком, — за тем, как ритм книги, складываясь в голове, сворачивает человека в шар и таким образом мучает его. Ритм «П. Х.» (последняя глава) стал таким настойчивым, что я слышала его и, возможно, использовала в каждой произнесенной фразе. Но когда я читала заметки, сделанные на память, это как будто прошло. Ритм заметок гораздо шире, свободнее. Стоило два дня пописать в этом ритме, и я совершенно освободилась. Итак, завтра возвращаюсь к «П. Х.». Полагаю, так оно и будет.

Суббота, 23 ноября

Только что закончила «Маскарад» — или «Пойнтц-холл»* (начатый примерно в апреле 1938 года) — мои мысли тотчас взялись за первую главу следующей книги (безымянной). Название скоро появится. Рассказ о сегодняшнем утре должен быть посвящен приходу Луи, которая держит в руках стеклянный кувшин с нежирным молоком, и в нем плавает кусок масла. Я отправилась с нею в большой дом процедить молоко; потом взяла масло и пошла показывать его Леонарду. Это был момент грандиозного триумфа в нашем доме.

Я же торжествую еще из-за книги. Полагаю, она стала интересным воплощением нового метода. Полагаю, она гораздо насыщеннее прежних книг. Лучше процежена. Жирнее и наверняка свежее, чем несчастные «Годы». Когда я писала, то получала удовольствие чуть ли не от каждой страницы. Эта книга создавалась (должна заметить) лишь в перерывах, когда давление на меня было особенно сильным, во время тяжелой работы над «Роджером». Думаю, это надо сделать системой: если новая книга превращается в тягостную обязанность — надеюсь, такого будет немного — в любом случае должна быть вспомогательная книга — чтобы я могла противостоять сильному давлению. Я думаю о том, чтобы достигнуть своей вершины — настойчивое видение — как стартовой точки. Потом посмотрим, что будет. Если ничего, так тому и быть.

Воскресенье, 22 декабря

До чего же красивыми были мои старики — я говорю о папе и маме — до чего простыми, до чего чистыми, до чего прямыми. Я погрузилась в старые письма и отцовские воспоминания. Он любил ее: ох, каким же он был искренним, и разумным, и ясным — у него был утонченный изысканный ум, тренированный образованием, ясный. Их жизнь встает передо мной спокойной и веселой; никакой грязи; никаких омутов. И так человечно — с детьми, и легким притворством, и детскими песенками. Но если я буду читать с моих сегодняшних позиций,

* Здесь Пойнтц-Холл, тогда как поначалу был Пойнтцет-Холл (Прим. переводчика).

то упусти тогдашнее впечатление и должна буду остановиться. Никаких беспокойств, никаких сложностей, никаких самоанализов.

Воскресенье, 29 декабря

Есть моменты, когда парус провисает. Тогда, будучи великой любительницей искусства жить и решив высосать свой апельсин до конца, я, как оса, если вянет цветок, на котором я сижу, подобно вчерашнему — мчусь по холмам к скалам. С краю колючая проволока. Я живо прочистила мозги, идя по Ньюхейвен-роуд. Обносившиеся старые девы покупают бакалейные товары на пустынной улице с виллами; в дождь. Ньюхейвен ранен. Утомленное тело и спящий разум. Желание делать записи в дневнике исчезло. Что такое правильное противоядие? Я должна учуять его. Думаю о мадам де Севинье. Писать — вот ежедневное удовольствие. Я отвергаю суровую старость — я чувствую это. Я раздражена. Я резка.

Чем далее живем — тем безотчетней,
И жизнь одну мы подменяем сотней,
И ждем, как ты. Но без надежды ждем.*

Я открыла книгу Мэтью Арнольда и переписала эти строчки. Но пока делала это, поняла, почему теперь я многое не люблю, а кое-что люблю, почему многое вызывает у меня идиосинкразию — всё из-за усиливающейся независимости от иерархии, от патриархата. Когда Десмонд хвалит «Ист-Коукер»*, вызывая у меня ревность, я хожу по пустоши и повторяю: я есть я и должна вести свою борозду, а не повторять чужую. Это единственное оправдание моей работы, моей жизни. Сейчас все наслаждаются едой; я мысленно творю разные кушанья.

* Перевод В. Орла (Прим. переводчика).

** «Ист-Коукер» — одна из четырех поэм, составляющих поэтический цикл «Четыре квартета» Т.С.Элиота (Прим. переводчика).

Среда, 1 января

В воскресенье вечером, когда я читала о Великом пожаре* в очень подробной и достоверной книге, горел Лондон. Восемь из соборов моего города разрушены, еще ратуша. Это случилось в прошлом году. В первый день нового года ветер гудит, как циркулярная пила. Эта тетрадь была спасена из дома 37: я принесла ее из магазина вместе со связкой елизаветинцев для моей книги, которая сейчас называется «Переволачивая страницу». Психолог понял бы, что я написала это, когда в комнате были еще один человек и собака. Если по секрету, то мне кажется, что теперь я буду, наверное, менее словоохотливой — никакого смысла заполнять слишком много страниц. Нет издателя. Нет публики.

Четверг, 9 января

Пустота. Мороз. Опять мороз. Сверкание белого. Сверкание голубого. Вязы красные. Я не собиралась еще раз описывать здешние места в снегу; но опять наступила зима. И я даже сейчас не могу не обернуться, смотрю на Ашем, красный, пурпурный, голубовато-серый, с мелодраматическим крестом на его фоне. Что это за фраза, которую я постоянно вспоминаю — или забываю. В последний миг обернись с любовью на то, что тебя окружает. Вчера миссис Х. похоронили вниз лицом. Несчастный случай. Очень тяжелая женщина, как сказала Луи, получив неожиданный праздник на кладбище. Сегодня она хоронит тетю, у мужа которой было видение в Сифорде. На прошлой неделе рано утром в их дом попала бомба, и мы слышали, как она взорвалась. Л. читает нотацию и приводит в порядок комнату. Интересно ли это? в будущем: не скажут ли — хватит, разве это так уж хорошо? В моем возрасте все хорошо. Я хочу сказать, пока еще терпимо. По другую сторону холма не будет ясного голубоватого красного снега. Переписываю «П. Х.».

* 1666 год (Прим. переводчика).

Среда, 15 января

Скупость может положить конец этой книге. И еще стыд за мою говорливость, которая находит на меня, когда я вижу 20 книг, поставленных в ряд, в моей комнате. Кого я стыжусь? Ведь я сама же их читаю. Джойс умер; Джойс был на две недели младше меня. Помню, как мисс Уивер, в шерстяных перчатках, принесла машинопись «Улисса» и положила на наш журнальный столик в «Хогарт-хаус». Полагаю, к нам ее послал Роджер. Неужели нам надо было посвятить нашу жизнь публикации романа? Неприличные страницы показались мне нелепыми; книга была похожа на старую деву, застегнутую на все пуговицы. А от страниц исходило неприличие. Я спрятала машинопись в ящик инкрустированного шкафа. Однажды пришла Кэтрин Мэнсфилд, и я вынула ее. Кэтрин начала с любопытством читать, потом неожиданно сказала: в этом что-то есть, эта сцена, полагаю, останется в истории литературы. Он все время был где-то рядом, но я никогда не видела его. Потом, помнится, Том в доме Оттолин на Гарсингтон сказал — его слова были позднее опубликованы — как можно писать что-то еще, сотворив подобное чудо в последней главе? В первый раз, сколько мы были с ним знакомы, я видела его таким восхищенным, восторженным. Я купила дешевое издание и летом прочитала его тут, насколько помню, содрогаясь от восторга из-за сделанных им открытий между долгими периодами глубокой скуки. Это было в доисторические времена. А теперь джентльмены отполировали свои мнения, и книги, полагаю, занимают свое место в длинной процессии.

В понедельник мы были в Лондоне. Я отправилась на Лондонский мост. Смотрела на реку; туман; клубы дыма, возможно, где горели дома. В субботу случился еще один пожар. Потом я увидела стену-скалу, чудом державшуюся вертикально, у которой не была угла; целый угол был снесен; Банк; Монумент* цел; пыталась подняться в автобус; у меня ничего не вышло; подошел второй автобус, и я поняла, что мне лучше идти пешком. С транспортом плохо; улицы пострадали от взрывов. Итак, подземкой до Темпла**; а там между руинами я добралась до моих старых площадей: разрушены, опустошены, старые красные кирпичи и бе-

* Колонна в память пожара 1666 года (Прим. переводчика).

** Одно из двух лондонских обществ адвокатов и здание, в котором оно помещается (Прим. переводчика).

лая пыль, похоже на строительную площадку. Серая грязь и выбитые стекла. Зеваки; совершенство уничтожено и разграблено.

Воскресенье, 26 января

Борюсь с депрессией, отверженностью (в «Харпер» не взяли мой рассказ и Эллен Терри), мою кухню; посылаю статью (неубедительную) в «Н. С.» и на два дня откладываю «П. Х.» ради воспоминаний. Волна отчаяния, клянусь, не захлестнет меня. Одиночество прекрасно. Жизнь в Родмелле как очень слабое пиво. Дом сырой. Неопрятный. Но выхода нет. Дни становятся длиннее. Мне нужен рывок, как бывало прежде. «Твоя настоящая жизнь подобна моей придуманной», — как-то сказал мне Десмонд. Но нужно помнить, что мысли не терпят насилия. Я начинаю ненавидеть самокопание: сон и дремоту; размышления; стряпню; езду на велосипеде; о, еще довольно-таки неподатливые книги — viz.*: Герберт Фишер. Это мое задание.

В войне затишье. Уже шесть ночей нет воздушных налетов. Однако Гарвин говорит, что близится великое сражение — примерно через три недели — и все: мужчины, женщины, дети, собаки, кошки, даже долгоносик — должны запастись оружием и верой — и так далее. Очень холодно — перед рассветом. Несколько подснежников в саду. Правильно, думала я: мы живем без будущего. Это странно, но мы уперлись в закрытую дверь. Теперь письмо — новым пером — Энид Джоунс.

Пятница, 7 февраля

Почему на меня напала депрессия? Не помню. Мы смотрели Чарли Чаплина. Подобно коровнице, нашли его скучным. Я писала с некоторым подъемом. С миссис Трейл должно быть покончено до нашего отъезда в Кембридж. Скоро неделя паводка.

Воскресенье, 16 февраля

После недельного паводка жуткая серая вода. Больше всего мне понравился обед с Дэди. Светло и доверительно. Мне понравилась мягкая серая ночь в Ньюхеме. Пернел встретила нас в своих церемониальных апартаментах, где все отполировано и рассчитано на зрителя. На ней было нечто мягкое, красное с черным. Мы сидели возле ярко горевшего камина. Забавная

* Videlicet (лат.) — то есть.

-порхающая беседа. В будущем году она уезжает. Потом Лечворт — рабыни, прикованные к своим машинкам, искаженные застывшие лица и печатные машинки — требуются все более и более умные машины, складывающие, прессующие, клеящие и выпускающие образцовые книги. Они могут наклеить тряпку и имитировать кожу. Наш «Пресс» вновь на витрине. В стране смотреть не на что. Долгие поездки на поездах. Скучная еда. Нет масла, нет джема. Старые пары ставят на стол мармелад и виноградные косточки. Разговаривая возле камина, едва ли не шепчутся. Элизабет Боуэн приехала через два часа после нашего возвращения и вчера уехала; завтра приедет Вита; потом Энид; потом, возможно, я вновь отправлюсь в одну из моих «высших» жизней. Пока еще нет.

Среда, 26 февраля

Моя «высшая» жизнь почти целиком посвящена елизаветинской драме. Закончила «Пойнтц-Холл», или «Маскарад»; драма — наконец-то — сегодня утром «В антракте».

Воскресенье, 8 марта

Только что вернулись после речи Л. в Брайтоне. Похож на иностранный город: первый весенний день. Женщины сидят на скамейках. Прелестная шляпка в кафе — до чего же мода веселит взгляд! Там же, в кафе, морщинистые старухи, нарумяненные, разодетые, похожие на ожившие трупы. Официантка в хлопчатобумажной шотландке. Нет: я не замышляла никаких интроспекций. Вспомнила фразу Генри Джеймса: постоянно наблюдаю. Наблюдаю, как проходят годы. Наблюдаю жадность. Наблюдаю собственную депрессию. Это полезно. Надеюсь. Настаиваю на проживании этого времени самым полезным образом. Сойду в небытие с развевающимися знаменами. Похоже, я на грани интроспекции; но пока еще не впала в нее. Допустим, я покупаю билет в музей; езжу туда каждый день на велосипеде и читаю книги по истории. Допустим, я выбираю по одному персонажу в каждой эпохе и пишу о нем и обо всем, что вокруг него. Замечательное занятие. А теперь я с удовольствием замечаю, что уже семь и мне пора готовить обед. Пикша и колбасный фарш. Думаю, это правильно — иметь фарш и пикшу, если увековечиваешь их на бумаге.